
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

Шабига Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры ТИМО РУДН — *главный редактор серии*

Дегтерев Денис Андреевич — кандидат экономических наук, зав. кафедрой ТИМО РУДН — *заместитель главного редактора*

Курылев Константин Петрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры ТИМО РУДН — *ответственный секретарь редколлегии*

Члены редколлегии

Бажанов Евгений Петрович — доктор исторических наук, ректор Дипломатической академии МИД России

Карпович Олег Геннадьевич — доктор политических наук, доктор юридических наук, руководитель Центра сравнительно-правовых исследований Института США и Канады РАН

Ларионова Марина Владимировна — доктор политических наук, директор Института международных организаций и международного сотрудничества (ИМОМС), профессор кафедры международных экономических организаций и европейской интеграции НИУ ВШЭ

Мосяков Дмитрий Валентинович — доктор исторических наук, заведующий отделом стран Юго-Восточной Азии, заместитель директора Института Востоковедения РАН

Портяков Владимир Яковлевич — доктор экономических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН

Протопопов Анатолий Сергеевич — доктор исторических наук, профессор-консультант кафедры ТИМО РУДН

Сапронова Марина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД России

Хейфец Виктор Лазаревич — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге

Фитуни Леонид Леонидович — доктор экономических наук, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, заместитель директора Института Африки РАН

Адилханулы Нурлан Адилханович — заведующий кафедрой региональных исследований Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылайхана, Казахстан

Аглян Ваагн Робертович — заведующий кафедрой факультета международных отношений Ереванского государственного университета, Армения

Акинер Ширин — профессор Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета, Великобритания

Джованнетти Джорджия — профессор Университета Флоренции, Италия

Ван Гуанчжэнь — профессор Школы истории и культуры Шаньдунского университета, Китайская Народная Республика

Гутьеррес Дель Сид Ана Тереза — профессор международных отношений Столичного автономного университета, Мексика

Кёхлер Ханс — профессор философии Университета Инсбрука, Австрия

Моргунова (Петрунько) Оксана — Центр по изучению России, Центральной и Восточной Европы Университета Глазго, Великобритания

Такахаси Мотоки — профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества Университета Кобе, президент Японского общества по международному развитию

EDITORIAL BOARD

Series INTERNATIONAL RELATIONS

Shabaga Andrey Vladimirovich — Doctor, Professor of the Department of theory and history of international relations — *Editor-in-Chief of the series*

Degterev Denis Andreevich — Phd, Head of the Department of theory and history of international relations — *Deputy Editor*

Kurylev Konstantin Petrovich — Phd, Associate professor of the Department of theory and history of international relations — *Executive Secretary of the Editorial Board*

Members of the Editorial Board

Bazhanov Eugene Petrovich — Doctor, Rector of the Diplomatic Academy, MFA of Russia

Karpovich Oleg Gennadevich — Doctor, Head of the Center for Comparative Legal Studies of the Institute for the USA and Canada, Russian Academy of Sciences

Larionova Marina Vladimirovna — Doctor, director of the Institute of International Organizations and International Cooperation, Professor of the Department of International Economic Organizations and European Integration of National Research University Higher School of Economics

Mosyakov Dmitry Valentinovich — Doctor, Head of Department of Southeast Asia, Deputy Director of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Portyakov Vladimir Yakovlevich — Doctor, Deputy Director of the Institute for Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences

Protopopov Anatoly Sergeevich — Doctor, Professor of the Department of theory and history of international relations of Peoples' Friendship University of Russia

Sapronova Marina Anatolievna — Doctor, Professor of the Department of Oriental Studies of MGIMO — University, MFA of Russia

Heifetz Victor Lazarevich — Doctor, Professor of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences

Fituni Leonid Leonidovich — Doctor, Head of the Center for Global and International Studies, Deputy Director of the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

Adilhanuly Nurlan Adilkhanovich — Head of the Department for Regional Studies of the Kazakh University of International Relations and World Languages named Abylaikhan, Kazakhstan

Aglyan Vahagn Robertovich — Head of the Department of International Relations of Yerevan State University, Armenia

Akiner Shirin — Professor of School of Oriental and African Studies (SOAS), University of London, UK

Giovannetti Giorgia — Professor of University of Florence, Italy

Wang Guangzhen — professor of the School of History and Culture in Shandong University, People's Republic of China

Gutierrez Del Cid Ana Teresa — Professor of International Relations at Metropolitan autonomous university, Mexico

Kochler Hans — Professor of Philosophy at the University of Innsbruck, Austria

Morgunova (Petrunko) Oksana — Centre for Russian, Central and East European Studies, University of Glasgow, UK

Takahashi Motoki — Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development

ВЕСТНИК Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Март 2016, Том 16, № 1

Серия издается с 2001 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ

«МЯГКАЯ СИЛА» В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ. ОБРАЗ РОССИИ

- Ягья В.С., Чуков Р.С., Парфененок Н.Л.** БРИКС: эволюция и конвергенция сил 7
- Журавлева Е.В.** Стратагема красоты: теории «мягкой силы» с китайской спецификой 17
- Асадов Б.Р., Кострикин А.В.** Международные молодежные организации общеевропейского пространства: некоторые особенности участия в политике продвижения «мягкой силы» 32
- Глинская И.Ю.** Формирование и продвижение бренд-имиджа России 46
- Медяник Е.И.** Совместные проекты в области образования как инновационная форма сотрудничества России и Китая в XXI в. 54

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Саяпина К.В.** Международный и российский опыт формирования и продвижения инновационных кластеров 65
- Курылев К.П., Нарышкин В.С., Озинковская Е., Рахимов К.Х.** Евразийский экономический союз во внешнеполитической стратегии России 75

Гусейнова С. Географические и политические факторы транспортировки каспийской нефти и газа Азербайджана и Казахстана	87

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

Каламанов В.А. Формирование новых глобальных «правил игры»: роль России	95
Кувшинов А.В. Деятельность специализированных организаций ООН и МОГО по вопросам борьбы с катастрофами в начале XXI в.	114

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

Хачатурян Д.А. Армянские исследования в мозговых центрах Франции и процесс принятия решений	124
Колмакова А.В. Развитие отношений между Новой Зеландией и Европейским Союзом на рубеже XX—XXI вв.	133

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

Дегтерев Д.А. Распространение культурных норм и ценностей: агентное моделирование	141

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Буторов А.С. Односторонний выход США из договора по ПРО 1972 г. и его глобальные последствия	153

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Ткач Г.Ф., Коваленко С.А. Российско-французское соглашение о взаимном признании квалификаций — важный этап развития международного образовательного сотрудничества	165

НАШИ АВТОРЫ	176

ОТ РЕДАКЦИИ	180

© Российский университет дружбы народов, 2016

© Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: *Международные отношения*, 2016

VESTNIK RUDN

SCIENTIFIC JOURNAL

International Relations

Founded in 1993

March 2016, Vol. 16, Number 1

Series founded in 2001

Peoples' Friendship University of Russia

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER:

“SOFT POWER” IN INTERNATIONAL RELATIONS.

THE IMAGE OF RUSSIA

- Yagya V.S., Chukov R.S., Parfenenok N.L.** BRICS: Evolution and Convergence of Powers 7
- Zhuravleva E.V.** The Beauty Trap: Chinese Theories of “Soft Power” 17
- Asadov B.R., Kostrikin A.V.** International Youth Organizations in Europe: Some Aspects of Participation in Promotion of “Soft Power” 32
- Glinskaya I.Yu.** Creation and Promotion of Brand-Image of Russia 46
- Medyanik E.I.** Joint Educational Projects as an Innovative Form of Cooperation between Russia and China in the XXI century 54

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

- Sayapina K.V.** International and Russian Experience in Forming and Promoting Innovation Clusters 65
- Kurylev K.P., Naryshkin V.S., Ozinkowskaya E., Rakhimov K.H.** EAEU in Russian Foreign Policy Strategy 75

Huseynova S. Geographical and Political Factors in Transportation of Caspian Oil and Gas from Azerbaijan and Kazakhstan	87
PEACE AND SECURITY	
Kalamanov V.A. The Formation of the New Global "Rules of the Game": the Role of Russia	95
Kuvshinov A.V. The Activities of UN Specialized Agencies in the Area of Disaster Relief of Population and Territories against Disasters in the beginning of the XXI century	114
BILATERAL RELATIONS	
Khachatryan D.A. Armenian Studies of the French Think-tanks and the Decision-making process	124
Kolmakova A.V. Development of the Relations between New Zealand and the European Union at the turn of the XXI century	133
APPLIED ANALYSIS	
Degterev D.A. Dissemination of Cultural Norms and Values: Agent-Based Modeling	141
HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS	
Butorov A.S. Unilateral US Withdrawal from the ABM Treaty of 1972 and its Global Consequences	153
INTERNATIONAL EDUCATIONAL COOPERATION	
Tkach G.F., Kovalenko S.A. The Russian-French Agreement on Mutual Qualifications Recognition — an Important Stage of International Educational Cooperation	165
OUR AUTHORS	176
EDITORIAL	180

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ

«Мягкая сила» в международных отношениях. Образ России

БРИКС: ЭВОЛЮЦИЯ И КОНВЕРГЕНЦИЯ СИЛ

В.С. Ягья, Р.С. Чуков, Н.Л. Парфененок

Кафедра мировой политики факультета международных отношений
Санкт-Петербургский государственный университет
ул. Смольного, 1/3, Санкт-Петербург, Россия, 191060

Осуществление внешней политики государства посредством исключительно классической дипломатии на сегодняшний день представляется малоэффективным. Государства вынуждены использовать дополнительный набор инструментов, которые традиционно находились на пересечении «мягкой» и «жесткой» сил. На волне конвергенции данных концепций происходит зарождение таких стратегий, как «смарт-сила» и «гибридная сила», что системно анализируется в данной статье применительно к такому феномену, как объединение БРИКС.

Ключевые слова: «мягкая сила», «жесткая сила», «смарт-сила», «гибридная сила», БРИКС, глобальное управление, международные организации, международные объединения.

Формат БРИКС олицетворяет экономическую силу и политическую волю, являясь наиболее прогрессивно развивающейся группой стран ввиду того, что, например, «все эти государства являются мощными региональными державами, их доля в мировом экспорте и привлечении иностранных инвестиций непременно растет» [Naude, Szirmai, Lavora 2013]. Сама история появления этого интеграционного объединения говорит о его уникальности и предполагает геополитическое, геоэкономическое и геостратегическое разнообразие.

В первой части статьи рассматривается понятие «силы», затем раскрываются теоретические основы каждой из указанных стратегий вместе с имеющимся опытом и перспективами их имплементации в странах БРИКС. За основу методологии данного исследования взят системный анализ, который позволил изучить заявленную тему в отдельности для каждой из стран БРИКС и в совокупности как одной системы, обоснование ряда положений приводится за счет релевантных кейс-стади, а также анализа наиболее актуальной российской и зарубежной литературы.

О ПОНЯТИИ «СИЛА»

На какой бы принципиально новый уровень ни выходила сегодня глобализация на волне инновационных информационных каналов и технологий и какие бы формы она ни принимала, какие бы общие ценности ни связывали сегодня международные интеграционные объединения и как бы ни казались надежны регуляторы международной системы, ключевым термином на мировой арене по-прежнему остается понятие «**сила**» («**power**»).

Несмотря на постоянные дебаты о природе силы, ее концептуальных рамках и даже о самой значимости данной концепции (так, к примеру, теоретик структурного функционализма Толкотт Парсонс отмечает, что из-за различных подходов к ней существуют затруднения при описании силы в различных контекстах [Parsons 1963]), данное понятие активно используется, и его популярность лишь возрастает. Наиболее общим и часто используемым определением понятия «power», которое может переводиться на русский язык и как сила, и как власть, является определение Макса Вебера, который обозначает силу как возможность и способность навязывать свою волю, влиять на чьи-либо действия и поведение, даже вопреки их сопротивлению [Weber 1947].

Понятие «сила» эволюционировало в соответствии с появлением новых тенденций в международных отношениях и было кардинально переосмыслено в рамках неолиберализма. Одновременно шло формирование, обоснование и применение на практике разных типов силы. В 1972 г. Роберт Кеохейн и Джозеф Най в своей книге «Транснациональные отношения и мировая политика» отметили, что государства больше не являются единственными акторами в международных отношениях¹, а пять лет спустя, в 1977 г., в своей работе «Власть и взаимозависимость: мировая политика в развитии» обосновали новую неолиберальную парадигму в теории международных отношений². Развивая идеи неолиберализма, Кеохейн и Най представили концепцию «**мягкой силы**», подчеркивающую важность не только военных или экономических инструментов в ведении внешней политики, а как стратегии, построенной на основе симпатии и привлекательности, в противовес «жесткой силе», основанной на принуждении [Nye 2010].

«МЯГКАЯ СИЛА»

При теоретизации «мягкой силы» рядом российских исследователей обстоятельно проанализированы актуальные вопросы ее концепции, разработана ее структура, компоненты и дан анализ практики ее реализации [Громько 2014], [Торкунов 2012], [Филимонов 2010], [Лебедева 2014]. Рассмотрение применения «мягкой силы» в рамках БРИКС позволяет выявить тренды в развитии этого объединения или, по крайней мере, учитывая ее становление, выявить признаки отдельных структурных компонентов углубления интеграции.

---

¹ *Keohane R., Nye J. Transnational Relations and World Politics (Center for International Affairs) — Center for international affairs, 1972.*

² *Keohane R., Nye J. Power and Interdependence: World Politics in Transition // Political Science Quarterly. Vol. 93. No. 1. 1978.*

Важным каналом «мягкой силы» БРИКС является культурно-гуманитарный базис, прежде всего исторические и современные достижения государств «пятерки» в области культуры, искусства, науки, образования, спорта, а также их высокие духовные и нравственные ценности.

Несмотря на имеющиеся место культурно-гуманитарные различия, страны БРИКС имеют широкий потенциал взаимодействия и привлечения сторонников именно за счет наиболее активно развиваемых сфер. Во всем мире с Бразилией принято отождествлять футбол, карнавалы; Россия славится своим искусством: балет, музыка, литература; Индия известна всему миру за счет набирающей популярность йоги; Китай воспринимается как кладезь мудрости и жизненной философии, а ЮАР олицетворяет Африканский континент с его аутентичной культурой. Страны привлекают множество туристов благодаря великолепной природе, архитектуре, культурным достопримечательностям и очень богатому выбору блюд национальной кухни. Ученые из стран БРИКС работают во многих частях мира, закрепляя за своими странами бренд кузницы научных кадров, при этом способствуя привлечению умов в эти страны. В данном контексте весьма интересен феномен создаваемого Сетевого университета БРИКС¹.

В рамках работы БРИКС первостепенное значение уделяется так называемым форматам расширенного диалога, или «аутрич», которые традиционно каждое председательство в БРИКС проводит для разных целевых групп. Российское председательство в БРИКС в 2015 г. расширило и укрепило традиции встреч гражданского общества, молодежи и ученых, а совокупное число аутрич-форматов достигло двадцати пяти всего из более чем ста мероприятий, проведенных за год. Крупным мягкосиловым событием явилась инициатива России по развитию парламентского измерения БРИКС: первый Парламентский форум БРИКС прошел в Москве 8 июня 2015 г.

Стоит отметить, что в странах БРИКС есть успешные примеры продвижения «мягкой силы». Безусловным лидером является Китай, который позиционирует открытость и транслирует свои ценности и культуру посредством такого инструмента, как Институт Конфуция (в России роль «скульптора» публичной дипломатии принадлежит Россотрудничеству) [Folk 2015].

В целом, при определении стратегии «мягкой силы» этих двух стран исследователи отмечают схожий характер подходов Китая и России по причине коммунистического прошлого [Wilson 2015]. При этом «мягкая сила» Китая при взаимодействии с внешним миром представляет четкий стимул для развития культурно-гуманитарных связей народов Китая и мира [Ягья, Минфу 2015]. Применительно к внутривнутриполитическим факторам «мягкой силы» исследователями отмечается определенное разочарование Китая в эффективности «мягкой силы», в том числе и по причине «провала» Китайской мечты, которая предполагалась как схожая по концепции и противоположная по идеологии американской мечте [Callahan 2015].

---

¹ СПбГУ стал одним из российских участников Сетевого университета БРИКС. Официальный сайт Санкт-Петербургского государственного университета. 26 февраля 2015 URL: <http://spbu.ru/news-spsu/25480-spbgu-stal-odnim-iz-rossijskikh-uchastnikov-setevogo-universiteta-briks.html>.

Бразилия же по понятным географическим причинам предпочитает выстраивать отношения по партнерству Юг—Юг [Costa, Pomeroy, Suyama 2015]. Тем не менее, в связи с Олимпийскими играми в Рио-де-Жанейро в 2016 г. в разных странах развернулось изучение португальского языка, истории Бразилии и ее культуры. Примечательно, что фактор Олимпиады как элемента «мягкой силы» в полной мере был использован и в других странах БРИКС — Китае и России.

Что касается ЮАР и Индии, ситуация в них не позволяет пока масштабно распространять местные национальные языки (хинди, зулу и др.) [Ягья, Чернов, Ковалевская 2013]. Представляется, что Индия еще не успела разочароваться в «мягкой силе», при этом индийские эксперты отмечают, что ей уделяется роль не меньшая, чем военным рычагам [Pocha 2003]. Для ЮАР же актуальной сегодня является попытка выстроить независимую «мягкую силу», а не подчиняться навязанным иностранным моделям [Whitaker 2010].

Важным аспектом современной «мягкой силы» БРИКС стало бы непредвзятое освещение деятельности государств-членов на международной арене. Так, умелое позиционирование ключевых успехов БРИКС в области защиты прав человека, достижений в борьбе с общечеловеческими экологическими угрозами или вызовами в сфере глобальной безопасности и здоровья граждан может стать важным дополнением к усилиям государств по формированию позитивного образа в мире. По такому пути решили пойти и в России, создав международный канал «Russia Today», выполняющий задачи по донесению альтернативной точки зрения до мировой общественности. Из Китая с такими же целями вещает канал CCTV.

В дополнение к традиционным средствам позиционирования государств БРИКС посредством классической дипломатии и традиционных СМИ все более растущее влияние получает развитие Интернета и новых медиа (социальные сети). Ученые Б. Майкл, К. Хартвелл и Б. Нуриев связывают развитие «мягкой силы» с уровнем «подключенности» государств к мировой сети [Майкл Б., Хартвелл К. Нуриев 2014]. В этом направлении странам БРИКС еще предстоит пройти длительный путь. Вместе с тем представляется, что совместные усилия стран БРИКС в интернет-пространстве, как то: создание и поддержание общего интернет-портала (виртуального секретариата, запуск которого запланирован в 2016 г.) и иные совместные инициативы должны быть открыты для внешнего сотрудничества.

«СМАРТ-СИЛА»

В целом современная ситуация в мире вносит определенные коррективы в восприятие «мягкой силы». Российские эксперты признают, что Россия отходит от приверженности исключительно ненасильственным стратегиям внешней политики, что объяснимо с учетом современной ситуации и ответственности, лежащей на сверхдержаве [Sergunin, Karabeshkin 2015].

Переоценка силы происходит в ключевые моменты для мировой истории: рассматривать «мягкую силу» как глобальную стратегию стало невозможным после 11 сентября 2001 г. На смену «мягкой силе» была предложена «**смарт-сила**», в качестве ее практического примера экс-госсекретарем США Хиллари Клинтон

была обозначена американская операция в Ираке. Джозеф Най уже в 2003 г. определил «смарт-силу» как набор инструментов, сочетающий «жесткую» и «мягкую силу» для формирования выигрышной стратегии. Он представляет свое видение современной дипломатии как три возможных пути воздействия на другого актора на мировой арене с целью получения желаемого результата: принуждение, подкуп или привлечение. Лишь привлечение, по мнению Най, можно достичь инструментами «мягкой силы», и далеко не всегда государства идут на это. Соответственно, для достижения своих внешнеполитических целей государства вынуждены использовать также принуждение и подкуп, далеко не являющиеся «мягкой силой» [Nye 2009].

Однако возникает определенная **концептуальная турбулентность**: чем различаются тогда просто «мягкая» и «жесткая» силы вместе от «смарт-силы»? Стоит ли рассматривать «мягкую силу» исключительно как дополнительный компонент во внешнеполитической стратегии, если даже автор данной концепции отмечает его несостоятельность в качестве самостоятельной стратегии? Более того, последние два года показали активное использование как жестких экономических рычагов (которые явно можно рассматривать исключительно как «жесткую силу»), так и информационные атаки, которые затруднительно описать в рамках как «жесткой» и «мягкой», так и «смарт-силы».

Мощный экономический базис стран БРИКС наряду с усилением их воздействия на мирополитические и мироэкономические процессы составляет основу «смарт-силы» БРИКС. Представляется, что их сотрудничество простирается не только в плоскости «мягкой», но и «смарт-силы». Каждая из стран является региональным лидером и содержит свой арсенал подобных мер. Если мы рассматриваем «смарт-силу» в качестве стратегии, допускающей экономическое влияние, то показателен пример Китая со стремлением сделать юань ключевой мировой валютой [Liao, McDowel 2015]. В случае с Китаем встречается также и упоминание «мудрой» силы [Mahbubani 2008].

Элементами же «смарт-силы» призваны стать первые учрежденные исключительно в рамках БРИКС структуры полноформатного взаимодействия, такие как Новый банк развития и Пул условных валютных резервов, совокупный экономический эффект от введения которых сможет существенно расширить географию влияния БРИКС за счет развития и поддержки инфраструктурных проектов и финансовой стабильности именно в странах с более низким уровнем развития.

Среди внешних ограничителей «смарт-силы» БРИКС необходимо учитывать и наличие санкционного режима, как в части антироссийских санкций и контрсанкций, так и в свете возможного введения китайских санкций против США. Санкционный режим в целом иллюстрирует современный потенциал «смарт-силы», когда соответствующие меры получают широкое информационное освещение. Период 2014—2015 гг. показал активное использование санкций как экономических рычагов достижения внешнеполитических целей в рамках стратегии «смарт-силы». Хотя зарубежные исследователи отмечают, что эффективность санкций слишком переоценивается лидерами государств [Spaniel, Smith 2015].

«ГИБРИДНАЯ СИЛА»

Необходимо отметить, что «сила», разумеется, не единственный ключевой термин международных отношений, который стремительно развивается. Так, набирает обороты понятие «**гибридная война**», которая рассматривается как стратегия объединения классической войны, малой войны и кибервойны [Hoffman 2009]. Концептуальные изменения роли киберпространства в политике отдельно подчеркиваются экспертным сообществом, и вместе с тем отмечается прямая связь между уровнями технологического развития стран и глобальными изменениями в мировой политике [Peksen, Peterson, Drury 2014].

Вместе с тем данная концепция уже расширена. Так, к примеру, С. Клименко рассматривает в качестве гибридной войны в том числе продуктовые эмбарго [Клименко 2015]. Более того, и кибервойны давно вышли за пределы цифровой дипломатии, рассматриваемой в рамках «мягкой силы» автором ключевых работ по цифровой дипломатии Фергюсоном Хансом [Hanson 2013] (начиная с самого яркого примера, а именно «арабской весны» 2011 г.).

Следует отметить, что в странах БРИКС предпринимались попытки совершения революций с использованием современных информационных ресурсов (революции «зонтиков» в Гонконге, организованные протестные движения в Бразилии, волнения в ЮАР и в Индии).

Представляется, что использование механизмов гибридных войн приводит к появлению «**гибридной силы**», объединяющей в себе «жесткую», «мягкую», «смайт»-силы и атаки в киберпространстве, и являющейся серьезным вызовом для стран БРИКС.

Полноценному военно-техническому сотрудничеству БРИКС и развитию потенциала его «гибридной силы» препятствуют имеющиеся антагонизмы между странами. Зарождающаяся кооперация в сфере научно-технологического и инновационного сотрудничества БРИКС в совокупности со сближением позиций стран в области поддержания международной безопасности может вывести объединение на принципиально новый уровень, что обуславливается требованиями эпохи гибридных информационных, цифровых и экономических войн.

Такому сценарию будет в полной мере способствовать достижение синергетического эффекта от реализуемых совместных политических и экономических проектов наряду интеграцией с другими форматами, такими как ШОС.

***

Современные тенденции указывают на то, что страны БРИКС активно наращивают свое присутствие во всех ключевых сферах экономики и политики. БРИКС заявляет о том, что эпоха одностороннего принятия решений без учета интересов большинства стран уходит в прошлое, что является еще одной причиной укреплять свое взаимодействие в том числе средствами «мягкой силы», призывая мировое сообщество к дипломатическому разрешению конфликтов и споров. В данном контексте ключевыми факторами привлекательности для БРИКС стали бы именно рассматриваемые компоненты «мягкой силы».

«Мягкая сила» БРИКС призвана обеспечить долгосрочную кооперацию, а контакты по линии деятелей культуры и искусства, экспертов, ученых, журналистов, спортсменов, молодежи могут стать прочной основой для сближения народов не только по политическому и экономическому, но и гуманитарному треку. Представляется, что в странах БРИКС есть весьма успешные примеры продвижения «мягкой силы», а само объединение иллюстрирует приверженность стран данному подходу и стремится формировать полицентричный мировой порядок, что отражается как во внешнеполитических доктринах стран, входящих в объединение, так и в тех инструментах, за счет которых этих целей можно было бы достичь.

Кроме того, страны БРИКС обладают мощным политическим и экономическим потенциалом для реализации стратегий «смарт-силы», что в дальнейшем будет только способствовать укреплению межстрановых связей объединения. Наиболее вероятным сценарием дальнейшего развития БРИКС станет планомерное развитие объединения и запуск первых проектов Нового банка развития БРИКС — первой структуры полноформатного взаимодействия этих стран.

В стремлении занять достойное место в глобальной полицентричной мировой системе координат модель «смарт-силы» БРИКС начинает пересекаться и конкурировать с дипломатией других наиболее развитых государств и их союзов. Приведенные факторы и их использование при опоре на «мягкие» и «смарт»-инструменты играют на улучшение имиджевых интересов объединения. В перспективе могут появиться новые форматы взаимодействия, отвечающие уже «гибридной силе», в свете возросшей актуальности противодействия реальным и киберугрозам международной безопасности.

Потенциал «мягкой», «смарт» и «гибридной» сил БРИКС призван помочь странам БРИКС добиться нового уровня интеграции и привлекательности в глазах международного сообщества, а также позволит странам упрочить свои позиции в мирополитическом и мироэкономическом измерениях глобальных процессов.

Ситуация в мире, безусловно, будет развиваться, и дальнейшее развитие и трансформация БРИКС за счет упомянутых факторов будет представлять интерес для дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Громько А.А. «Мягкая сила» и сила права: к постановке проблемы // Вестник Московского Университета. Серия 25. Международные отношения и Мировая Политика. 2014. № 3. С. 3—19.
- [2] Клименко С. Теория и практика ведения «Гибридных войн» (по взглядам НАТО) // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 5. С. 109—112.
- [3] Лебедева М.М. Мягкая сила в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО-Университет. 2014. № 2. С. 47—55.
- [4] Майкл Б., Хартвелл К., Нуриев Б. Мягкая сила — палка о двух концах // BRICS Magazine. 2014.
- [5] Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университет. 2012. № 4. С. 85—93.

- [6] *Филимонов Г.Ю.* Мягкая сила культурной дипломатии США. М.: РУДН, 2010.
- [7] *Ягья В., Минфу Л.* Институт Конфуция как фактор «мягкой силы» во внешней политике КНР в XXI веке // *Международная жизнь*. 2015. № 7. С. 84—93.
- [8] *Ягья В.С., Чернов И.В., Ковалевская Н.В.* Лингвистические измерения мировой политики. Изд. 2-е, исп. Berlin Golden Mill Germany. 2013. С. 202.
- [9] *Callahan W.A.* Identity and Security in China: The Negative Soft Power of the China Dream // *Politics. Special Issue: The Soft Power of Hard States*. 2015. Vol. 35. No. 3—4. P. 216—229.
- [10] *Costa I.L., Pomeroy M., Suyama B.* Brazilian South–South Development Cooperation: The Case of the Ministry of Social Development in Africa // *Journal of International Development. Special Issue: Aid, Social Policy, and Development*. 2015. Vol. 27. No. 8. P. 1446—1461.
- [11] *Folk H.* Communicating China to the World: Confucius Institutes and China's Strategic Narratives // *Politics*. November 1, 2015. P. 245—258.
- [12] *Hoffman F.G.* Hybrid warfare and challenges // *JFQ: Joint Force Quarterly*. 2009. P. 34—48.
- [13] *Liao S., McDowell D.* Redback Rising: China's Bilateral Swap Agreements and Renminbi Internationalization // *International Studies Quarterly*. 2015. Vol. 59. No. 3. P. 401—422.
- [14] *Mahbubani K.* Smart power, Chinese Style // *American Interest*. March—April 2008.
- [15] *Naude W., Szirmai A., Lavopa A.* Industrialization lessons from BRICS: A Comparative Analysis. Institute for the Study of Labor. Discussion Paper 7543. Bonn. 2013. P. 2.
- [16] *Nye J.* Get Smart. Combining Hard and Soft Power // *Foreign Affairs*. July 1, 2009.
- [17] *Nye J.* New public diplomacy. Project Syndicate. 10.02.2010. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/the-new-publicdiplomacy?version=russian&barrier=true> (дата обращения: 23.12.2015).
- [18] *Parsons T.* On the Concept of Political Power // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1963. Vol. 107. No. 3. P. 232—262.
- [19] *Peksen D., Peterson T.M., Drury A.C.* Media-driven Humanitarianism? News Media Coverage of Human Rights Abuses and the Use of Economic Sanctions // *International Studies Quarterly*. 2014. Vol. 58. No. 4. P. 855—866.
- [20] *Pocha J.* The Rising “Soft Power” of India and China // *New Perspectives Quarterly*. 2003. Vol. 20. No. 1. P. 4—13.
- [21] *Sergunin A., Karabeshkin L.* Understanding Russia's Soft Power Strategy // *Politics. Special Issue: The Soft Power of Hard States*. 2015. Vol. 35. No. 3—4. P. 347—363.
- [22] *Spaniel W., Smith B.C.* Sanctions, Uncertainty, and Leader Tenure // *International Studies Quarterly*. 2015. Vol. 59. No. 4. P. 735—749.
- [23] *Weber, M.* The Theory of Social and Economic Organization, trans. By A.M. Henderson and T. Parsons. Glencoe: The Free Press, 1947.
- [24] *Whitaker B.E.* Soft balancing among weak states? Evidence from Africa // *International Affairs*. 2010. Vol. 86. No. 5. P. 1109—1127.
- [25] *Wilson J.* Russia and China Respond to Soft Power: Interpretation and Readaptation of a Western Construct // *Politics*. 2015. P. 287—300.

Дата поступления статьи: 15.11.2015

Для цитирования: *Ягья В.С., Чуков Р.С., Парфененок Н.Л.* БРИКС: эволюция и конвергенция сил // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения»*. 2016. № 1. С. 7—16.

BRICS: EVOLUTION AND CONVERGENCE OF POWERS

V.S. Yagya, R.S. Chukov, N.L. Parfenenok

World politics Department
St. Petersburg State University
Smolny str., 1/3, St. Petersburg, Russia, 191060

Conducting of foreign policy solely by means of classical diplomacy today seems inefficient. States are supposed to use additional set of tools that have traditionally been at the confluence of soft and hard powers. Convergence of these concepts launched the emergence of such strategies, as smart power and hybrid power that we analyze as a system in relation to such a phenomenon, as BRICS.

In the first part of paper we contemplate the concept of power and further expand it to the theoretical ground of each of these strategies along with the existing experience and prospects of their implementation in the BRICS countries. Systematic analysis is taken as the basis of the methodology of this paper, which allowed us to explore this theme separately for each of the BRICS countries and collectively as a system. Feasibility of a number of our provisions is confirmed by relevant case studies and analyses of the most relevant Russian and foreign literature, which results in our main conclusions.

Current trends indicate that the BRICS countries are actively expanding its presence in all the key sectors of the global economy and politics. BRICS is at an early stage of implementation of own formats and tools of smart and hybrid powers, the role of which will steadily increase in the international activities of the group, adding value to its arsenal of traditional diplomacy.

The potential capacity of soft, smart and hybrid powers of BRICS aims at helping countries to achieve a new level of integration and attractiveness in the eyes of the international community, and will also allow countries to strengthen their positions.

Key words: Soft power, smart power, hybrid power, BRICS, global governance, international organizations, international communities.

REFERENCES

- [1] Callahan W.A., 2015. Identity and Security in China: The Negative Soft Power of the China Dream. *Politics. Special Issue: The Soft Power of Hard States*. Vol. 35. No. 3—4. P. 216—229.
- [2] Costa I.L., Pomeroy M., Suyama B., 2015. Brazilian South–South Development Cooperation: The Case of the Ministry of Social Development in Africa. *Journal of International Development. Special Issue: Aid, Social Policy, and Development*. Vol. 27. No. 8. P. 1446—1461.
- [3] Filimonov G.Yu., 2010. *Myagkaya sila kul'turnoi diplomatii SShA [The soft power of US cultural diplomacy]*. Moscow: RUDN.
- [4] Folk H., 2015. Communicating China to the World: Confucius Institutes and China's Strategic Narratives. *Politics*. P. 245—258.
- [5] Gromyko A.A., 2014. «Myagkaya sila» i sila prava: k postanovke problemy [“Soft power” and the force of law: defining the problem]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 25. Mezh-dunarodnye otnosheniya i Mirovaya Politika*. No. 3. P. 3—19.
- [6] Hoffman F.G., 2009. Hybrid warfare and challenges. *JFQ: Joint Force Quarterly*. P. 34—48.
- [7] Klimenko S., 2015. Teoriya i praktika vedeniya “Gibridnykh voyn” (po vzglyadam NATO) [Theory and practice of conducting hybrid warfare (NATO views)]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*. No. 5. P. 109—112.
- [8] Lebedeva M.M., 2014. Myagkaya sila v otnoshenii Tsentral'noi Azii: uchastniki i ikh deistviya [Soft power dedicated to Central Asia: the participants and their actions]. *Vestnik MGIMO-Universitet*. No. 2. P. 47—55.

- [9] Liao S., McDowell D., 2015. Redback Rising: China's Bilateral Swap Agreements and Renminbi Internationalization. *International Studies Quarterly*. Vol. 59. No. 3. P. 401—422.
- [10] Mahbubani K., 2008. Smart power, Chinese Style. *American Interest*. March—April 2008.
- [11] Maikl B., Khartvell K., Nuriev B., 2014. Myagkaya sila — palka o dvukh kontsakh [Soft power as the double edged sword]. *BRICS Magazine*. 2014.
- [12] Naude W., Szirmai A., Lavopa A., 2013. Industrialization lessons from BRICS: A Comparative Analysis. *Institute for the Study of Labor. Discussion Paper 7543*. Bonn, P. 2.
- [13] Nye J., 2009. Get Smart. Combining Hard and Soft Power. *Foreign Affairs*.
- [14] Nye J., 2010. New public diplomacy. *Project Syndicate* [Online]. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/the-new-public-diplomacy?version=russian&barrier=true> [Accessed 23 December 2015].
- [15] Parsons T., 1963. On the Concept of Political Power. *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 107. No. 3. P. 232—262.
- [16] Peksen D., Peterson T.M., Drury A.C., 2014. Media-driven Humanitarianism? News Media Coverage of Human Rights Abuses and the Use of Economic Sanctions. *International Studies Quarterly*. Vol. 58. No. 4. P. 855—866.
- [17] Pocha J., 2003. The Rising “Soft Power” of India and China. *New Perspectives Quarterly*. Vol. 20. No. 1. P. 4—13.
- [18] Sergunin A., Karabeshkin L., 2015. Understanding Russia's Soft Power Strategy. *Politics. Special Issue: The Soft Power of Hard States*. Vol. 35. No. 3—4. P. 347—363.
- [19] Spaniel W., Smith B.C., 2015. Sanctions, Uncertainty, and Leader Tenure. *International Studies Quarterly*. Vol. 59. No. 4. P. 735—749.
- [20] Torkunov A.V., 2012. Obrazovanie kak instrument “myagkoi sily” vo vneshnei politike Rossii. [Education as the soft power tool in the Russian foreign policy]. *Vestnik MGIMO-Universitet*. No. 4. P. 85—93.
- [21] Weber M., 1947. The Theory of Social and Economic Organization, Trans. by A.M. Henderson and T. Parsons. *Glencoe: The Free Press*.
- [22] Whitaker B.E., 2010. Soft balancing among weak states? Evidence from Africa. *International Affairs*. Vol. 86. No. 5. P. 1109—1127.
- [23] Wilson J., 2015. Russia and China Respond to Soft Power: Interpretation and Readaptation of a Western Construct. *Politics*. P. 287—300.
- [24] Yag'ya V.S., Minfu L., 2015. Institut Konfutsiya kak faktor “myagkoi sily” vo vneshnei politike KNR v XXI veke [Confucius Institute as a factor of “soft power” in China's foreign policy in the XXI century] *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 7. P. 84—93.
- [25] Yag'ya V.S., Chernov I.V., Kovalevskaya N.V., 2013. *Lingvisticheskie izmereniya mirovoi politiki* [Linguistic measurement of world politics]. Berlin: Golden Mill. P. 202.

For citations: Yagya V.S., Chukov R.S., Parfenenok N.L. BRICS: Evolution and Convergence of Powers. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 16. No. 1 (March 2016). Pp. 7—16.

СТРАТАГЕМА КРАСОТКИ: ТЕОРИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

Е.В. Журавлева

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

На данный момент в мировой научной литературе существует не одно определение и не одно обозначение понятия «мягкая сила». В англоязычных трудах в основном принят термин «soft power», в русскоязычных исследованиях чаще встречается «мягкая сила», реже «мягкая власть», в китайской историографии также довольно разнообразная терминология: *жуань шили*, *жуань лилян* и *жуань цюаньли* (软实力, 软力量 и 软权力). Разнообразие терминов отражается и в разнообразии трактовок системы или механизма работы «мягкой силы», что позволяет сделать вывод, что на данный момент не сформировалось единой концепции и подхода к ее изучению. Предметом данного исследования служит «мягкая сила» в рамках концепций зарубежных и российских исследователей.

Перед автором был поставлен ряд задач, среди которых: определить место политики «мягкой силы» во внешнеполитическом курсе КНР, проанализировать существующие интерпретации и концепции «мягкой силы с китайской спецификой», а также проследить развитие теорий «мягкой силы».

В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что несмотря на различие в трактовках, есть и общие аспекты, в том числе: большинство исследователей полагают, что само понятие непосредственно связано с влиянием субъекта на объект, а также что среди основных инструментов «мягкой силы» зачастую выделяются гуманитарное сотрудничество, инвестиции, диалог на высшем уровне и др.

Данное исследование позволяет не только сформировать представление о «мягкой силе» через призму различных научных изысканий, но и выявить ключевые элементы системы, а также альтернативные способы применения политики «мягкой силы» субъектом и варианты ее усиления.

Ключевые слова: теория «мягкой силы», Китай, soft power, внешняя политика КНР, совокупная мощь государства.

Концепция «мягкой силы» государства, или «мягкой власти», у английского аналога *power* есть несколько значений, и если рассматривать понятие в контексте именно силы, то это будет скорее движущая или побуждающая сила, то, что приводит определенный механизм в действие. Если же рассматривать *power* в значении «власть», то можно увидеть уже конечный результат: то, чего субъект «мягкой власти» уже достиг посредством различных инструментов. В российской историографии наиболее распространен термин «мягкой силы», популярность такой трактовки можно объяснить и тем фактом, что масштаб силы можно измерить и он более динамичен, в отличие от масштабов власти.

В китайской историографии встречается ряд различных наименований «мягкой силы», включая *жуань шили*, *жуань лилян* и *жуань цюаньли* (软实力, 软力量 и 软权力). [Pang Zhongying 1997: 49] Все термины несмотря на то, что отражают

одно и то же понятие, несут несколько разную смысловую нагрузку. Первое, наиболее часто употребляемое, дословно можно перевести как «мягкая реальная/действительная сила», что противоречит утверждениям, что «мягкая сила» нематериальна. Второй термин означает «мягкая сила», при чем, как правило, термин *лилян* (力量) чаще используется для обозначения физической мощи субъекта, что снова подчеркивает весьма прагматичный и вполне материальный подход к термину. И, наконец, третье понятие *жуань цюаньли* (软实力) отражает скорее правовой характер «мягкой силы», дословно можно трактовать сразу в нескольких вариантах, а именно: «мягкая власть», «мягкое полномочие/право» и т.д. Использование последнего термина, скорее, описывает право каждого субъекта на использование «мягкой силы». Весьма прагматичную трактовку *цюаньли* (权力) дают китайские исследователи, опираясь на значение термина в традиционном китайском языке, которое имеет два значения, а именно: 1) весы, 2) против писания, но ради принципа [Wang 2008: 262]. При этом понятие всегда было связано со стратегией или тактикой, что демонстрирует продуманность и прагматизм термина. Связь с первоначальным значением «весы» не утрачена в современной трактовке понятия, так подразумевает определенный баланс при использовании такого рода силы.

В официальных заявлениях китайского руководства преимущественно употребляется термин *жуань шили* (软实力), как правило в связке с прилагательным *вэньхуа* (文化) — культура или культурная, что фактически диктует направленность «мягкой силы» государства.

Китайский исследователь Пан Чжуньин выдвигает еще один емкий термин *жуань гунфу* (软功夫) (мягкое мастерство/усилие), оно достигается только тогда, когда другие страны восхищаются и стремятся догнать и перегнать в некоторых цивилизационных аспектах страну-субъект [Pang Zhongying 1997: 51]. Фактически этот навык позволяет стать примером для других и заставить всех равняться на себя, хотя бы по ряду параметров.

Впервые понятие «мягкой силы» стало разрабатываться американским политологом Джозефом Найем еще в 80-х гг., в основном применялось к политике США. Некоторые отдают «пальму первенства» в разработке концепции «мягкой силы» другим американским политологам. Китайский профессор Лю Цзайци считает, что предшественником Ная был Р.С. Клайн, выдвинувший формулу совокупной мощи государства. Согласно его теории основные элементы этой формулы можно разделить на материальные и духовные, последние, по мнению Лю Цзайци, и представляют собой «мягкую силу» [Лю 2009: 149].

На настоящий момент научным сообществом выработано немало определений политики «мягкой силы», которые в основном повторяют и дополняют концепцию Дж. Ная. Концепция «хорошо прижилась» не только в западной науке, но и нашла свое применение на востоке, в том числе в Китае. Большинство исследователей заговорило об угасающей «мягкой силе» США и возрастающей китайской.

Понятие, введенное Наем, было отнюдь не новым для Китая, практика мирного достижения политических целей всегда использовалась в этой стране. Многие китайские исследователи считают, что понятие «мягкой силы» соотносимо с высказываниями Сунь-цзы о победе над врагом без боя, а также с категорией древнекитайского философа Мэн-цзы «путь государя» (王道), под которой подразумевалось гуманное правление и которая противопоставлялась категории «путь гегемона» (霸道), основанная фактически на «жесткой силе» [Wang, Lu 2008: 427]. Профессор МГУ В.М. Капицын и вовсе полагает, что образ «мягкой силы» берет истоки из восточных учений, в том числе из даосизма [Капицын 2009:71].

СПОСОБНОСТЬ ИЛИ МУДРОСТЬ?

Стоит выделить ряд определений «мягкой силы».

В первую очередь вернемся к первоначальному варианту, предложенному Дж. Наем. За последние 10 лет Най дал два определения выработанному термину. Первое было применено в 2004 г. и звучало как «способность получать то, чего ты хочешь, за счет привлекательности, а не принуждения или выплат» [Nye 2004]. Ключевым понятием стала именно *привлекательность*, которое нашло свое отражение и в дефиниции 2011 г. В своей работе “The Future of Power” Най называет «мягкой силой» «способность влиять на других с помощью средств кооптации, формируя повестку дня, убеждая и вызывая положительную привлекательность с целью достижения предпочтительных результатов» [Nye 2011]. Т.е. условно один субъект должен стать привлекательным для объекта, понравиться, что в свою очередь позволит использовать благосклонное расположение объекта в свою пользу.

Среди российских авторов к трактовке Ная наиболее близки Н.В. Кухаренко и С.В. Кухаренко. По их мнению, «мягкая сила — это совокупность невоенных, дипломатических мер в отношении других государств с целью формирования привлекательного образа своей страны и расширения сферы своего влияния» [Кухаренко, Кухаренко 2013: 165].

Профессор НИУ ВШЭ М.В. Ларионова выдвигает другое определение, основанное на термине «положительное восприятие». Таким образом, автор уходит от связки «мягкая сила» = привлекательность. ««Мягкая сила» — это способность влиять на другие государства с целью реализации собственных целей через сотрудничество в определенных сферах, направленное на убеждение и формирование положительного восприятия».¹ Стоит заметить, что определение М.В. Ларионовой близко к концепции формирования благоприятного имиджа государства, нежели к теории об обладании неким очарованием для объектов воздействия.

По мнению Д.В. Мосякова, мягкая сила — это «атрибут экспансионистской политики», которая, в свою очередь, «с большой вероятностью будет привлека-

---

¹ Ларионова М.В. «Мягкая сила» — ресурс внешней политики. Электронный ресурс. Адрес доступа: <http://goo.gl/wfuDx4> (дата обращения: 13.01.2016) [Larionova M.V. «Myagkaya sila» — resurs vneshnei politiki. [“Soft power” as a resource of foreign policy] Available at: <http://goo.gl/wfuDx4> (Accessed: 13.01.2016)],

тельной и результативной, если будет базироваться на распространении и принятии общих ценностей, культурных и моральных идеалах» [Мосяков 2010: 6]. Таким образом, автор рассматривает «мягкую силу» как агрессивную, продуманную государственную стратегию продвижения своих интересов в регионе/стране-объекте.

Китайские исследователи подходят несколько иначе к определению «мягкой силы».

Лю Цзайци дает довольно абстрактное определение, ««мягкая сила» представляет собой мудрость и стратегию государства в развитии и использовании «твердой силы»» [Лю 2009: 149], то есть рассматривает ее вкуче с «жесткой силой», которая является основой, а направляющей силой выступает как раз «мягкая». Аналогичного подхода придерживается китайский исследователь Лю Гофу, он полагает, что источником «мягкой силы» является как раз «жесткая сила», и если жесткая — это начало всех начал, то мягкая — это всего лишь ее расширенная версия [Лю Гофу 2012: 18]. Это подтверждает и Ши Иньхун, заявляя, что стратегия «возвышения Китая» строится именно на двух началах: жесткой и мягкой силе [Shi Yinhong 2004: 23]. Такого рода трактовки понятия отражает китайский традиционный подход к дихотомии, где наличие противоположностей поддерживает баланс всего мироздания.

Член Шанхайской академии общественных наук, исследователь Юй Синьтянь считает, что «мягкая сила — это отражение влияния национальной культуры в международных отношениях» [Yu 2008], уделяя особое внимание именно культурному аспекту.

Тайваньские исследователи несколько отошли от традиционной терминологии и вместо «мягкой силы» выделили «ассимилирующую силу» (co-optive power), элементами которой являются культура, политическая система, открытость информационного сообщества, образование, идеология, экономические модели, экономическая конкурентоспособность, инновации в области ИТ, иностранные инвестиции и гуманитарная помощь [Wang, Lu 2008: 421]. Это несколько соотносится со вторым определением «мягкой силы» Дж. Ная и говорит о ее ассимилирующем эффекте.

В целом при определении роли и места китайской «мягкой силы» довольно часто приводят сравнение с американской, что наложило определенный отпечаток на саму концепцию и на ее применение. Это подтверждает мнение одного из ведущих исследователей КНР в области международных отношений Пан Чжуньина, полагающего, что китайские исследователи начали исследовать «мягкую силу» только для того, чтобы лучше изучить США, которые взяли на вооружение эту концепцию на тот момент¹. В итоге это привело к тому, что китайское научное сообщество забыло о собственной китайской традиционной политике «умиро-

---

¹ Pang Zhongying: Zhongguo waijiao, huanrou bijiao ruanshili geng kaopu [Pang Zhongying: Chinese diplomacy, “appeasement” is more reliable than the soft power] Available at: 2014-02-24//http://opinion.huanqiu.com/opinion_world/2014-02/4853309.html (Accessed 13.01.2016) (in Chinese).

творения», с которой «мягкая сила» в американском понимании не сравнится, и сам Китай подвергся влиянию американской «мягкой силы», приняв концепцию на вооружение в упрощенном варианте, скопировав ее¹.

Интерпретаций «мягкой силы» немало, но тем не менее все они сводятся в основном к следующему постулату: субъект международных отношений посредством ненасильственных мер добивается доброжелательного расположения объекта, что в свою очередь позволяет ему влиять на деятельность объекта и приносит желаемые результаты.

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ VS ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

И если в определениях «мягкой силы» можно найти общие черты, то механизм действия и ее применения у всех исследователей совершенно разный.

В первую очередь стоит выделить вопрос о *свойствах* «мягкой силы». Традиционно при разделении силы на мягкую и жесткую одними из них выступают материальность и нематериальность. Большинство исследователей считают понятие нематериальным, и даже духовным. Среди них Юй Синьтянь, которая характеризует «мягкую силу» как нематериальную, и, например, экономический фактор относит к материальной, а, следовательно, «жесткой силе» [Yu 2008]. Но, как уже было отмечено ранее, сами термины, используемые в том числе китайскими исследователями, отражают скорее материальность «мягкой силы», нежели нематериальность. К тому же некоторые из них, используя количественные методы, пытаются высчитать масштаб «мягкой силы», переводя, казалось бы, нематериальное понятие в конкретные цифры [Радиков, Лексютина 2012: 25]. Ввиду этого вопрос о нематериальности и материальности «мягкой силы» остается открытым и спорным, скорее всего здесь срабатывает тот же самый принцип, что с «жесткий» vs «мягкий», понятие имеет двойкие свойства, как материальные, так и нематериальные.

Британский ученый В. Кэлээн вводит термин «negative soft power», который можно дословно перевести как «негативная мягкая сила», но это отнюдь не говорит об отрицательном эффекте, который она создает, а скорее о базе, на которой строится. Как правило, это какие-либо негативные факты и эмоции, которые позволяют положительным для субъекта образом повлиять на объект.

Так, он отмечает, что оптимизм современной концепции «китайской мечты», которая фактически является новым уровнем развития «мягкой силы» Китая, «опирается на пессимизм кошмара о национальном унижении» [Callahan 2015:223]. Имеется в виду постоянное упоминание о довольно низком положении Китая в системе международных отношений на протяжении XIX—XX вв.

В концепции Ная «мягкая сила» также не всегда имеет под собой добрые намерения. К «мягкой силе» относится и пропаганда, а «скручивать умы не лучше, чем скручивать запястья», считает исследователь [Nye 2011:81].

---

¹ Там же.

Далее возникает проблема определения *наполнения* «мягкой силы», как правило, в западной или российской историографии в этой связи встречаются слова элементы, составляющие, источники и пр., в результате в один ряд встают совершенно не равнозначные по функциям понятия.

Согласно оригинальной концепции ключевыми источниками «мягкой силы» являются культура, политические ценности и внешняя политика¹. Последовав примеру Дж. Ная, многие исследователи в «центр угла» стали ставить именно культурную составляющую как основной элемент «мягкой силы» и ее движущий инструмент. В Китае, где концепция Ная хорошо вписалась во внешнеполитический курс, научное сообщество даже разделилось на два лагеря: одни поддерживали точку зрения, что «мягкая сила» строится исключительно на национальной культуре и ее ценностях, другие же искали другие источники «мягкой силы».

Б.С. Глэйзер и М.Э. Мерфи выделили два этапа формирования китайской концепции «мягкой силы».

1. 1990-е годы XX в. — преобладание концепции «мягкой силы» на основе культурного подхода.

2. 2000-е гг. XXI в. — разработка концепции «мягкой силы с китайской спецификой», основанной на политологическом подходе [Glaser, Murphy 2009: 12].

Несмотря на это, и на современном этапе большинство китайских исследователей придерживается первой концепции: культура — это главный аспект «мягкой силы», и именно конкуренция в этой области является основной составляющей международной конкуренции [Wang, Lu 2008: 428]. Основоположником этой концепции в КНР считается директор Бюро исследований политики ЦК профессор Ван Хунин. Он отмечает, что в вопросе государственной мощи особое внимание следует уделять именно роли культуры [Wang Hongning 1993: 93]. Хотя понятие культуры также весьма обширно и отличается от традиционного: в понимании Ван Хунина, она включает в себя факторы политической системы, национальной культуры и колорита, экономической системы, процесса исторического развития и наследия, идеологии, научно-технический фактор и др. [Wang Hongning 1993: 93].

Таким образом, культура, согласно концепции Ван Хунина, как основа государственной силы представляет собой комплексное понятие, которое скорее близко к цивилизационному подходу А. Тойнби и С. Хантингтона, нежели к упрощенному пониманию культуры. Элементы цивилизационного подхода находит и М.Л. Титаренко, который отмечает, что подход к «мягкой силе», в основе которой лежит культура, «соответствует духу китайской традиции, в которой созидательное цивилизационное начало *вэнь* (文) стояло выше разрушительной воинственности у (武)» [Титаренко 2015: 7].

Среди сторонников этой концепции член Шанхайской академии общественных наук Юй Синьтянь, которая считает, что основным содержанием политики «мягкой силы» являются *три составляющие*: 1) идеи, мышление, принципы (как государственные, так и народные), 2) система (как построение международной

---

¹ Nye Joseph S. Think Again: Soft Power. Available at: <http://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power> (Accessed: 12.03.2015).

системы, так и государственной), 3) стратегия и политика (как государственная, так и народная, а также предприятий, неправительственных организаций и др.) [Юй 2008].

Ван Хуньин и Лу Ечун продолжают поддерживать и развивать концепцию коллег, выделяя три основных источника китайской «мягкой силы»: китайскую культуру, китайскую модель развития, а также китайскую мирную и независимую внешнюю политику [Wang, Lu 2008: 439].

Именно культурно-цивилизационная концепция легла в основу национальной политики «мягкой силы», провозглашенной в 2007 г. на XVII съезде. Китай стремится создать и продвигать свою культурную идентичность, которая будет отвечать современным тенденциям и спросу. Ввиду преемственности во внутренней и внешней политике китайского государства руководство КНР продолжает отдавать центральное место в системе «мягкой силы» именно культуре, в выступлениях лидера пятого поколения Си Цзиньпина понятие также употребляется в связке с прилагательным «культурная», хотя таким образом выделяется только конкретная область применения, а не его центральное ядро. «Повышая государственную культурную мягкую силу, необходимо старательно продемонстрировать самобытную притягательность китайской культуры», — заявил Си Цзиньпин 13 октября 2014 г. во время 18-й коллективной учебы Политбюро ЦК КПК¹.

Видимо, основываясь на понятии «культура», многие российские исследователи видят в качестве ключевого элемента «мягкой силы» «гуманитарные инициативы», включая культурные, образовательные и туристические [Кухаренко, Кухаренко 2013: 165]. По их мнению, Китай сделал ставку на традиции своей цивилизации и культуры, нежели на современных трендах, которые более присущи «мягкой силе» США [Борох, Ломанов 2012: 63].

При пропаганде своих ценностей Китай опирается на все области, включая традиционную китайскую философию, медицину, кухню, боевые искусства и т.д. [Кухаренко, Кухаренко 2015: 300].

По мнению М.Л. Титаренко, китайская «мягкая сила» и дальше будет «опираться на традиционную культуру и историческую память народа» [Титаренко 2015: 7]. Ключевую роль в политике «мягкой силы» зачастую отдают центрам распространения языка и культуры субъектов мягкой силы, включая Институты Конфуция.

Не все китайские исследователи поддерживают культурно-цивилизационный подход. Лю Гофу считает, что научное сообщество почти не уделяет внимания «дипломатической мягкой силе» и «мягкой силе ценностей», а также «мягкой силе национальной идентичности» [Лю Гофу 2012: 19]. Как представитель юридических наук, особое место он отводит правовым нормам в системе «мягкой силы». Автор полагает, что многие западные исследователи отмечают слабость

---

¹ Xi Jinping tan guojia wenhua ruanshili: zengqiang zuo zhongguoren de huaqi he diqi. [Xi Jinping speech on national cultural soft power: strengthen Chinese people's backbone and clout] Available at: http://news.xinhuanet.com/politics/2015-06/25/c_127949618.htm (Accessed 13.01.2016) (in Chinese).

привлекательности современной государственной системы Китая, ввиду этого необходимо совершенствовать правовые нормы, дабы усилить «мягкую силу» в этой плоскости.

Ярким представителем политологического подхода в отношении понятия «мягкой силы» является профессор Университета Цинхуа Янь Сюэтун. Согласно его видению, «мягкая сила» представляет собой сочетание международной привлекательности, международной и государственной сил мобилизации [Yan Xuetong 2008: 26]. В свою очередь, они также делятся на составляющие элементы; международная привлекательность складывается из привлекательности государственной модели и привлекательности культуры; международная сила мобилизации подразумевает принятие предложений и требований государства-субъекта другими странами, при чем при воздействии ненасильственного влияния и состоит из стратегических добрых отношений и права установления международных правил. Государственная мобилизационная сила включается в себя скорее два уровня, нежели элемента: сила мобилизации в отношении верхнего класса общества и сила мобилизации в отношении низшего класса общества [Yan Xuetong 2008: 26]. Политолог из КНР считает, что «мягкая сила» Китая включает в себя культурную и политическую силу, но основу составляет именно вторая [Yan Xuetong 2011: 102]. При этом в своей работе Янь Сюэтун и Сюй Цзинь «Сравнение мягкой силы Китая и США» приводят формулу расчета «мягкой силы», используя количественные показатели, доказывая, что «мягкая сила» США в три раза превосходит китайскую.

Спорной составляющей в концепции «мягкой силы» остается экономика. По мнению Дж. Ная, довольно сложно определить, какая часть экономических отношений относится к «мягкой», а какая к «жесткой силе» [Nye 2006: 85]. «Экономические ресурсы могут стать источником как жесткой, так и мягкой силы. Они могут быть использованы как для привлечения, так и для принуждения»¹.

Тем не менее, успешная экономическая модель безусловно обладает привлекательностью не только на межгосударственном уровне, но и в рамках мирового сообщества. Наличие фактора успешного экономического развития, как часть «мягкой силы» КНР, прослеживается и в теории «Пекинского консенсуса», который противопоставляется «Вашингтонскому консенсусу» [Ramo 2004]. Американский политолог Дж. Курланцик считает, что независимо от того, как называть феномен «Пекинского консенсуса», Китай определенно активно продвигает за рубеж свою социально-экономическую модель развития [Kurlantzick 2007: 56].

Представители Санкт-Петербургского государственного университета И.В. Радиков и Я.В. Лексютина также особое внимание уделяют экономическому фактору «мягкой силы», соглашаясь отчасти с Дж. Наем, что экономические санкции и давление могут быть причислены к «жесткой силе», но утверждая, что «успешная модель экономического развития способна оказывать магнетическое влияние на другие и, прежде всего, развивающиеся государства» [Радиков, Лексютина

---

¹ Nye Joseph S. Think Again: Soft Power. Available at: <http://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power> (Accessed: 12.03.2015).

2012: 21]. Более того, авторы приходят к выводу, что ресурсом «мягкой силы» может выступать не только успешная реализованная экономическая модель, но и даже ожидаемые «перспективы ее развития» [Радиков, Лексютина 2012: 21]. «Экономический взлет» рассматривается как источник «мягкой силы» КНР и М.Л. Титаренко, который полагает, что многие развивающиеся страны пытаются перенять передовой опыт Пекина в этой области [Титаренко 2015: 8].

Несколько иначе объясняет Чжао Лэй роль экономической мощи Китая в политике «мягкой силы». Он полагает, что «возросшая экономическая мощь запустила процесс восстановления и укрепления веры народа в собственные силы и вернула китайскую традиционную систему культурных ценностей»¹, т.е. стала своего рода рычагом наращивания «мягкой силы» в общепринятом понимании. И несмотря на то, что китайский исследователь также отдает предпочтение культуре как ядру мягкой силы, он отмечает ряд недостатков в этой области, в частности: «различие в культурном и политическом диалогах между Китаем и остальным миром», что не позволяет сформировать общую ценностную базу, как в случае с экономическими отношениями².

Пан Чжуньин, говоря о государственной мощи, выделяет три силы: военную, мягкую силу и экономику [Pang Zhongying 1997: 51], разделяя понятия «мягкой силы» и экономики.

Выделяются и другие составляющие «мягкой силы»: правительство, образование, дипломатия, коммерческая деятельность и инновации [The New persuaders].

Российский исследователь С.В. Михневич выделяет семь направлений «мягкой силы» КНР, в том числе:

- 1) «распространение и популяризация языка;
- 2) продвижение традиционной и современной культуры;
- 3) расширение образовательных контактов;
- 4) развитие экономических связей и научно-техническое сотрудничество;
- 5) содействие международному развитию;
- 6) развитие общественной дипломатии;
- 7) поддержка соотечественников» [Михневич 2014: 97].

Хотя возможно проследить явную взаимосвязь первого и третьего направления, при этом «расширение образовательных контактов» скорее говорит о soft power trade, а не конкретно о китайской «мягкой силе». Среди основных проявлений мягкой силы КНР в российской науке также выделяется распространение СМИ на национальных языках, «фасадная политика» и др. [Кухаренко, Кухаренко 2013: 166].

Зарубежные исследователи также определяют ряд весьма характерных инструментов «мягкой силы»: инвестиции, гуманитарная помощь, программы обмена, дипломатия и участие в многосторонних институтах [Zheng 2009: 3]. Политолог Д. Шэмбо и вовсе полагает, что ключевым инструментом «мягкой силы» КНР являются деньги, а к проектам китайской «мягкой силы» относятся такие новые

---

¹ Ibid.

² Ibid

инициативы, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Экономический пояс Шелкового пути и др.¹

Довольно спорным нематериальным элементом «мягкой силы» выступает религия, которую Най называет не иначе как «обоюдоострый меч», и ситуация полностью зависит от того, кто этот меч держит [Nye 2004: 59]. Влияние религии на международные отношения ощутимо заметно в последние десятилетия, но присутствовало оно всегда: и во времена Крестовых походов, и XXI в. Некоторые исследователи выделяют ее в качестве отдельной категории источников «мягкой силы», с другой стороны, религию можно рассматривать вкуче с национальной культурой государства. Хотя в китайской истории именно религия порой выступала в качестве основного элемента «мягкой силы» [Кабанова 2013]. В качестве нематериальных инструментов «мягкой силы» КНР выделяют также «национальную сплоченность» и законность режима.

Российские исследователи И.В. Радиков и Я.В. Лексютина выстраивают свою систему «мягкой силы». Согласно их видению, центральным ядром «мягкой силы» служат идеология и институты, в свою очередь проводником — массовая культура и информационные технологии, в качестве инструментов авторы называют «коммуникацию, и особенно Интернет, НПО, дипломатические представительства, культурные, научные и образовательные центры, крупномасштабные мероприятия», а носителями — известные торговые марки, достижения в науке, технике, искусстве и даже мода» [Радиков, Лексютина 2012: 20]. При этом ими весьма критично оценивается роль массовой культуры как основного проявления «мягкой силы». Авторы отмечают, что в мире существенно усилился антиамериканизм, что свидетельствует об ослаблении «мягкой силы» США, хотя американская культура по-прежнему популярна и не теряет своих позиций.

***

Сформировавшаяся концепция «мягкой силы» хорошо вписалась во внешнеполитическую стратегию «мирного возвышения и мирного развития» КНР, а позже идею построения «гармоничного мира». Понятие продолжает превалировать в заявлениях лидеров страны и их внутренней и внешней политике, постепенно усложняясь и приобретая многоуровневость.

В результате анализа вышеизложенных теорий и концепций можно заключить, что на данный момент не сложилось единого мнения касательно системы «мягкой силы». «Мягкая сила» различных стран отличается друг от друга, одни активно используют «культуру и исторически успешные традиции», другие — свою социальную или экономическую модель развития [Pang Zhongying 1997: 51]. Вероятно, поэтому не пока нет единой концепции, но в таком случае возникает вопрос: если речь идет о «мягкой силе» конкретной страны, например, о Китае, почему снова нет единообразия?

Профессор МГИМО М.М. Лебедева справедливо замечает, что не может быть универсальной концепции привлекательности ввиду неоднородности общества,

---

¹ Shambaugh David. China's soft-power push. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-06-16/china-s-soft-power-push> (Accessed 13.01.2016).

и «то, что одним кажется привлекательным, необязательно будет привлекательным для других» [Лебедева]. Следовательно, на настоящий момент остается открытым вопрос об определении привлекательности «мягкой силы» каждого субъекта, включая КНР, а также ее ключевых составляющих.

Большинство исследователей придерживается мнения, что именно культура лежит в основе «мягкой силы» КНР, отчасти исходя из официальной позиции Пекина, хотя попытки найти альтернативный подход также существуют. К «мягкой силе» зачастую относят различные элементы, которые олицетворяют собой мирную деятельность и сотрудничество. Но, как отмечает Ш. Бреслин: «комбинирование многочисленных невоенных элементов в рамках одного понятия „мягкий“ вряд ли позволит понять нюансы различных типологий и источников силы» [Breslin 2011: 4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Борох О.Н., Ломанов А.В.* От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 4. С. 54—67.
- [2] *Бояркина А.В., Лыков К.Ф., Печерица В.Ф.* Превентивная дипломатия как инструмент «мягкой силы» КНР // Вестник ЗабГУ. 2015. № 9 (124). С. 50—57.
- [3] *Журавлева (Кабанова) Е.А.* Методы управления приграничными народами Китая в XVIII в. // История, политика и философия в эпоху глобализации. 2013. С. 115—122.
- [4] *Капицын В.М.* Космополитизм-компонент мягкой силы и глобального управления // Обозреватель-Observer. 2009. № 10. С. 70—79.
- [5] *Кухаренко Н.В., Кухаренко С.В.* Институты Конфуция как инструмент политики «мягкой силы» КНР // Современный Китай и его окружение. М.: КРАСАНД, 2015.
- [6] *Кухаренко Н.В., Кухаренко С.В.* Образование как инструмент «мягкой силы» Китая в отношении России // Современный Китай в системе международных отношений. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
- [7] *Лебедева М.М.* «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 47—55. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-v-otnoshenii-tsentralnoy-azii-uchastniki-i-ih-deystviya> (дата обращения: 13.01.2016).
- [8] *Лю Цзайци* «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 149—155.
- [9] *Михневич С.В.* Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 95—129.
- [10] *Мосяков Д.В.* «Мягкая сила» в политике Китая в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2010. Т. 14. С. 5—22.
- [11] *Радиков И.В., Лексютина Я.В.* «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 2. С. 19—26.
- [12] *Титаренко М.Л.* «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. М.: ИДВ РАН, 2015.
- [13] *Breslin Sh.* The soft notion of China's 'Soft Power', Chatham House. Asia Programme Paper: ASP PP 2011/03. February 2011.
- [14] *Callahan W.A.* Identity and Security in China: The Negative Soft Power of the China Dream // Politics. 2015. Vol. 35(3—4). P. 216—229.
- [15] *Glaser B.S., Murphy M.E.* Soft Power With Chinese Characteristics. The Ongoing Debate // Chinese Soft Power and Its Implications for the United States. Competition and Cooperation in the Developing World. A Report of the CSIS Smart Power Initiative. Center for Strategic

- and International Studies, 2009. P.12. URL: http://csis.org/files/media/isis/pubs/090305_mcgiffert_chinesesoftpower_web.pdf (дата обращения: 13.01.2016).
- [16] *Kurlantzick J.* Charm offensive: how China's soft power is transforming the world. Yale University Press, 2007.
- [17] *Liu Gofu* Zhongguo ruanshili fazhan mianlin de tiaozhan he yingdui: yi fazhi jianshe wei shijiao // Shehui kexue qianyu. [China's soft power development challenges and response: perspective of creation of the rule of law // Social Science Frontier]. 2012. No. 1. P. 17—23 (in Chinese).
- [18] *Nye Joseph S.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004.
- [19] *Nye Joseph S.* The Future of Power. New York: Public Affairs, 2011. P. 20—21.
- [20] *Pang Zhongying* Guojiguaxi zhongruanlilian ji qita — ping meiguo xuezhe Yuesefu Nai de «zhuding lindao» // Zhanlue yu guanli. [Soft power and other in international relations—talking about Joseph Nye «Bound to lead» // Strategy and management]. 1997. Vol. 2. P. 49—51 (in Chinese).
- [21] *Ramo J.C.* The Beijing Consensus. London: The Foreign Policy Centre, 2004.
- [22] *The New persuaders: An international ranking of soft power.* The Institute for Government. URL: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders_0.pdf (дата обращения: 13.01.2016).
- [23] *Shi Yinhong* Zhongguo heping jueqi de zhanlue jiyu he ruogan jiben tiaojian // Guoji guancha [A number of strategic opportunities and basic conditions of China's peaceful rise // International Observer]. 2004. No. 3 (in Chinese).
- [24] *Wang Hongying, Lu Yeh-Chung* The Conception of Soft Power and its Policy Implications: a comparative study of China and Taiwan // Journal of Contemporary China. 2008. No. 17(56). P. 425—447.
- [25] *Wang Huning* Zuowei guojia shili de wenhua: ruanquanli // Fudan xuebao. [As the culture of national power: soft power // Journal of Fudan University]. 1993. No. 3. P. 91—98 (in Chinese).
- [26] *Wang Yiwei* Public Diplomacy and the Rise of Chinese Soft Power // Annals. 2008. P. 257—273.
- [27] *Yan Xuetong, Xu Jin* Zhongmei ruanshili bijiao // Xiandai guoji guanxi. [Comparison of Chinese and American soft power. Contemporary International Relations]. 2008. No. 1. P. 24—29 (in Chinese).
- [28] *Yan Xuetong* Ancient Chinese thought, modern Chinese power. Princeton University Press, 2011.
- [29] *Yu Xintian* Ruanshili jianshe yu duiwai zhanlue // Guoji wenti yanjiu [Soft power construction and external strategy of China. International Studies]. 2008. No. 2. URL: <http://www.aisixiang.com/data/19720.html> (in Chinese).
- [30] *Zheng D.E.* China's use of soft power in the developing world strategic intentions and implications for the United States. Chinese soft power and its implications for the United States: competition and cooperation in the developing world, a report of the CSIS smart power initiative. Center for Strategic and International Studies, Washington, D.C., March 2009.

Дата поступления статьи: 17.12.2015

Благодарности: Данная статья подготовлена в рамках НИР РУДН 2016 г. «Незападные теории международных отношений. Азиатские, латиноамериканские и африканские концепции мироустройства»

Для цитирования: Журавлева Е.В. Стратегия красоты: теории «мягкой силы» с китайской спецификой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2016. № 1. С. 17—31.

THE BEAUTY TRAP: THE THEORIES OF “SOFT POWER” WITH CHINESE CHARACTERISTICS

E.V. Zhuravleva

Department of Theory and History of International Relations
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maclay st., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Currently there are a lot of definitions and conceptions of “soft power” in the world’s scientific literature. The English-language works mainly adopted the term “soft power”, terminology is also varied in Chinese historiography: “ruan shili”, “ruan liliang” and “ruan quanli” (软实力, 软力量 and 软权力). A variety of terms is reflected in the variety of interpretations of the system or mechanism of “soft power”, that allows us to conclude that at the moment there is no formed unified vision and approach to its study. The subject of this study is the Russian and foreign theories of “soft power” in relation to China's foreign policy.

The author raised a number of tasks, among which are: to determine the place a policy of “soft power” in the foreign policy of China, to analyze the existing interpretation of the concept of “soft power with Chinese characteristics”, as well as trace the development of theories of “soft power”.

As a result of the research the author comes to the conclusion that despite the difference in interpretations, there are a lot of common aspects, including the idea of the majority of researchers that the concept is directly related to the influence of the subject to the object, and that the main instruments of “soft power” are humanitarian cooperation, investment, dialogue at the highest level, and others. But the combination of numerous non-military elements within the same term “soft power” doesn’t form a unified, approved concept. Different countries have their own unique system of soft power, and its instruments, key elements and basic principles are not the same. For example, talking about “attractiveness” applied to Chinese soft power, we can conclude, that it is only the tip of the iceberg.

This study allows not only to form an idea of the “soft power” through the prism of various scientific researches, but also to identify the key elements of the system, as well as alternative ways of applying the policy of “soft power” and options for its increase.

Key words: theory of “soft power”, China's foreign policy, comprehensive state power, China’s rise.

REFERENCES

- [1] Borokh O.N., Lomanov A.V., 2012. Ot «myagkoi sily» k «kul'turnomu mogushchestvu» [From “soft power” to the “cultural might”]. *Rossiya v global'noi politike*. Vol. 10. No. 4. P. 54—67.
- [2] Boyarkina A.V., Lykov K.F., Pecheritsa V.F., 2015. Preventivnaya diplomatiya kak instrument “myagkoi sily” KNR. [Preventive diplomacy as an instrument of “soft power” of China]. *Vestnik ZabGU*. 2015. No. 9 (124). P. 50—57.
- [3] Breslin Sh., 2011. *The soft notion of China's 'Soft Power'*, Chatham House. Asia Programme Paper: ASP PP 2011/03.
- [4] Callahan W.A., 2015. Identity and Security in China: The Negative Soft Power of the China Dream. *Politics*. Vol. 35(3—4). P. 216—229.
- [5] Glaser B.S., Murphy M.E., 2009. Soft Power With Chinese Characteristics. The Ongoing Debate. *Chinese Soft Power and Its Implications for the United States. Competition and Cooperation in the Developing World*. A Report of the CSIS Smart Power Initiative. Center for Strategic and International Studies, P. 12. [Online]. Available at: http://csis.org/files/media/csis/pubs/090305_mcgiffert_chinesesoftpower_web.pdf (Accessed 13 January 2016).

- [6] Kapitsyn V.M., 2009. Kosmopolitizm-komponent myagkoi sily i global'nogo upravleniya. [Cosmopolitanism as a component of soft power and global governance]. *Obozrevatel'-Observer*. No. 10. P. 70—79.
- [7] Kukhareno N.V., Kukhareno S.V., 2015. Instituty Konfutsiya kak instrument politiki “myagkoi sily” KNR. [Confucius Institutes as an instrument of the Chinese “soft power”]. *Sovremennyyi Kitai i ego okruzhenie*. Moscow: KRASAND.
- [8] Kukhareno N.V., Kukhareno S.V., 2013. Obrazovanie kak instrument “myagkoi sily” Kitaya v otnoshenii Rossii. [Education as an instrument of “soft power” of China towards Russia]. *Sovremennyyi Kitai v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii*. Moscow: LIBROKOM.
- [9] Kurlantzick J., 2007. *Charm offensive: how China's soft power is transforming the world*. Yale University Press.
- [10] Lebedeva M.M., 2014. «Myagkaya sila» v otnoshenii Tsentral'noi Azii: uchastniki i ikh deistviya [“Soft power” in relation to Central Asia: the participants and their actions]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. No. 2 (35). P. 47—55.
- [11] Lyu Tszaitzi, 2009. “Myagkaya sila” v strategii razvitiya Kitaya. [“Soft power” in China's development strategy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 4. P. 149—155.
- [12] Liu Gofu, 2012. Zhongguo ruanshili fazhan mianlin de tiaozhan he yingdui: yi fazhi jianshe wei shijiao. *Shehui kexue qianyu* [China's soft power development challenges and response: perspective of creation of the rule of law. *Social Science Frontier*]. No. 1. P. 17—23 (in Chinese).
- [13] Mikhnevich S.V., 2014. Panda na sluzhbe Drakona: osnovnye napravleniya i mekhanizmy politiki “myagkoi sily” Kitaya. [Panda in the service of the Dragon: The main directions and mechanisms of the Chinese policy of “soft power”]. *Vestnik Mezhdunarodnykh Organizatsii*. Vol. 9. No. 2. P. 95—129.
- [14] Mosyakov D.V., 2010. “Myagkaya sila” v politike Kitaya v Yugo-Vostochnoi Azii. [“Soft power” in China's policy in Southeast Asia]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. Vol. 14. P. 5—22.
- [15] Nye Joseph S., 2004a. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.
- [16] Nye Joseph S., 2011. *The Future of Power*. New York: Public Affairs. P. 20—21.
- [17] Pang Zhongying, 1997. Guojiguaxi zhongruanliliang ji qita — ping meiguo xuezhe Yuesefu Nai de “zhuding lindao”. *Zhanlue yu guanli* [Soft power and other in international relations—talking about Joseph Nye “Bound to lead”. *Strategy and management*]. Vol. 2. P. 49—51 (in Chinese).
- [18] Radikov I.V., Leksyutina Ya.V., 2012. “Myagkaya sila” kak sovremennyyi atribut velikoi derzhavy [“Soft power” as a modern attribute of great power]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 2. P. 19—26.
- [19] Ramo Joshua Cooper, 2004. *The Beijing Consensus*. London: The Foreign Policy Centre.
- [20] *The New persuaders: An international ranking of soft power*. The Institute for Government, [Online]. Available at: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders_0.pdf (Accessed 13 January 2016).
- [21] Shi Yinhong, 2004. Zhongguo heping jueqi de zhanlue jiyu he ruogan jiben tiaojian. *Guoji guancha* [A number of strategic opportunities and basic conditions of China's peaceful rise. *International Observer*]. No. 3 (in Chinese).
- [22] Titarenko M.L., 2015. “Myagkaya sila” v otnosheniyakh Kitaya s vneshnim mirom [“Soft power” in China's relations with the outside world]. Moscow: IFES of RAS.
- [23] Wang Hongying, Lu Yeh-Chung, 2008. The Conception of Soft Power and its Policy Implications: a comparative study of China and Taiwan. *Journal of Contemporary China*. No. 17(56). P. 425—447.
- [24] Wang Huning, 1993. Zuowei guojia shili de wenhua: ruanquanli. *Fudan xuebao* [As the culture of national power: soft power. *Journal of Fudan University*]. No. 3. Pp. 91—98 (in Chinese).

- [25] Wang Yiwei, 2008. Public Diplomacy and the Rise of Chinese Soft Power. *Annals*. P. 257—273.
- [26] Yan Xuetong, Xu Jin, 2008. Zhongmei ruanshili bijiao. *Xiandai guoji guanxi* [Comparison of Chinese and American soft power. *Contemporary International Relations*]. No. 1. P. 24—29 (in Chinese).
- [27] Yan Xuetong, 2011. *Ancient Chinese thought, modern Chinese power*. Princeton University Press.
- [28] Yu Xintian, 2008. Ruanshili jianshe yu duiwai zhanlue. *Guoji wenti yanjiu* [Soft power construction and external strategy of China. *International Studies*]. No. 2 [Online]. Available at: <http://www.aisixiang.com/data/19720.html> (Accessed 13 January 2016) (in Chinese).
- [29] Zheng Denise E., 2009. China's use of soft power in the developing world strategic intentions and implications for the united states. *Chinese so power and its implications for the United States: competition and cooperation in the developing world, a report of the CSIS smart power initiative*. Center for Strategic and International Studies, Washington, D.C.
- [30] Zhuravleva (Kabanova) E.A., 2013. Metody upravleniya prigranichnymi narodami Kitaya v XVIII v. [China's management methods of frontier nations in the XVIII century]. *Istoriya, politika i filosofiya v epokhu globalizatsii*. P. 115—122.

Acknowledgments: This article was prepared within the framework of PFUR 2016 Research project «Non-Western international relations theories. Asian, Latin American and African concepts of the world order».

For citations: Zhuravleva E.V. The Beauty Trap: Chinese Theories of «Soft Power». *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 16. No.1 (March 2016). Pp. 17—31.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ В ПОЛИТИКЕ ПРОДВИЖЕНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Б.Р. Асадов

Кафедра предпринимательства в туризме
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
ул. Садовая, 21, Санкт-Петербург, Россия, 191023

А.В. Кострикин

Санкт-Петербургское отделение Ассоциации работников молодежной сферы
Новоизмайловский просп., 48, Санкт-Петербург, Россия, 196191

Статья посвящена исследованию роли института международных молодежных организаций общеевропейского пространства как компонента «мягкой силы». Приведены примеры продвижения политики «мягкой силы» в истории международного молодежного движения, с позиций концепции «мягкой силы» проанализирована деятельность Европейского молодежного форума, который активно выступает проводником западных ценностей. В рамках общеевропейской организованной молодежной среды многие акторы активно выходят за рамки традиционных форм деятельности, свойственных молодежным организациям (неформальное образование, молодежные обмены, лагеря, совместные социальные проекты и т.п.), включаясь в продвижение в межгосударственных отношениях и межправительственных организациях политических позиций.

Ключевые слова: международные молодежные организации, акторы, общеевропейское пространство, мягкая сила, международное гуманитарное сотрудничество, внешняя культурная политика, международная организованная молодежная среда.

Растущая конкуренция между ключевыми акторами современных международных отношений, имеющая в том числе явное гуманитарное измерение, характеризуется усилением их активных действий за счет неправительственных структур, деятельность которых направлена на расширение границы сферы своего влияния на международной арене. В то же время в международной практике целенаправленно используются различные институциональные возможности и ресурсы, особенно потенциал гражданского общества, как в качестве объекта манипуляции и воздействия, так и в качестве специфического инструмента гуманитарной составляющей внешней политики. В основе развития такого использования потенциала гражданского общества лежат объективные факторы и реалии современного мира, где определенная роль принадлежит международной организованной молодежной среде.

Созидательная и гибкая роль ключевых участников этой среды — международных молодежных организаций — основана на многогранном формате социально-гуманитарного взаимодействия, международном культурном обмене. Эти неправительственные акторы выступают как наиболее популярные и востребован-

ные формы самоорганизации молодежи, они существуют в виде крупных международных молодежных объединений, платформ, зонтичных структур, возникших в XX в. В последние десятилетия можно отметить рост их политической деятельности, хотя и в современный период многим из них свойственна демонстрация аполитичности.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Самоорганизация молодежи на международном уровне — это не только социальный, но и исторический процесс. Сегодня наиболее распространенной формой самоорганизации молодежи выступают молодежные объединения, являющиеся одними из доминантных социальных институтов общества. Многие из них в силу своей самостоятельности (хотя эта самостоятельность зачастую достаточно условна), организационно-лидерского потенциала, а также традиционно присущей им роли центров притяжения молодежи не только все чаще становятся инициаторами международных процессов, но и обладают возможностями коллективного влияния на актуальные проблемы общества в целом.

Коллективные действия молодежи как в национальном, так и международном контексте часто рассматриваются с использованием таких понятий, как «молодежное движение», «молодежное сообщество», «молодежная среда» и т.д. В этом смысле молодежную среду общеевропейского пространства можно рассматривать как организованную, постоянно саморазвивающуюся открытую международную систему, которая обладает специфическими свойствами. Под общеевропейским пространством мы понимаем в данном контексте страны — члены Европейского Союза и Совета Европы. Участники этой среды по-прежнему являются больше объектом воздействия, а зачастую и манипуляции, чем самостоятельными субъектами сферы международных отношений, поскольку многим из них присущи такие свойства, как их принадлежность (подчиненность), а также зависимость от иных международных организаций и структур, что свою очередь позволяет последним иметь возможность в определенной степени направлять деятельность молодежных акторов в нужном им русле.

Для организованной молодежной среды общеевропейского пространства характерна практика, связанная с осуществлением целенаправленных действий со стороны международных организаций, например, Совета Европы (СЕ) и наднациональных структур, в частности Европейского Союза (ЕС), Европейского парламента (ЕП) и др. государственных структур¹.

Международные молодежные организации активно выходят за рамки традиционных форм деятельности (неформальное образование, молодежные обмены, лагеря, совместные социальные проекты и т.п.) и заявляют консолидированную позицию не только по молодежным проблемам (образование, трудоустройство,

---

¹ European Commission White Paper «A New Impetus For European Youth». Available at: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52001DC0681&from=EN> (Accessed: 01.09.2015),

досуг, спорт и т.п.), но и по вопросам отношения к действиям и политике отдельных государств. Многие участники молодежной среды постоянно испытывают значительное влияние, например, путем вовлечения этих организаций в программы и проекты общеевропейского пространства, направленные на решение наиболее актуальных проблем как национального, так и международного уровня, вовлекая их в поддержку в межгосударственных отношениях и межправительственных организациях своих политических позиций.

Безусловно, сложившаяся сегодня разветвленная система международного сотрудничества немислима без учета деятельности разнонаправленных организаций и институтов молодежи: местных, региональных, и особенно международных. Вместе с тем тенденция развития межгосударственных связей предопределяет важность коллективных согласованных действий всех участников, среди которых объединения молодежи все в большей степени стремятся выйти на международную сцену столь же решительно, как и другие неправительственные акторы. В послевоенный период (начиная с 1950-х гг.) сложились объединительные центры молодежи, где действуют разнонаправленные молодежные объединения в качестве признанных субъектов гуманитарного сотрудничества.

В силу этого представляется важным сфокусировать внимание на роли института международных молодежных организаций в сфере международного гуманитарного сотрудничества как значимого элемента развития последнего. При этом можно отметить растущий потенциал международных молодежных организаций общеевропейского пространства, многие из которых обладают определенными механизмами и ресурсами для развития компонентов т.н. «мягкой силы» (soft power) в сфере современных международных отношений [Nye 2004].

Необходимость изучения данной проблемы в контексте многогранных международных отношений связана с возможностью использования компонентов «мягкой силы» как в качестве инструмента гуманитарного влияния и присутствия, так и в обеспечении жестких действий, которые все более активно используются в современном мире.

Очевидно то обстоятельство, что сегодня со стороны как исследователей, так и специалистов-практиков и официальных государственных органов интерес к этому фактору повысился, поскольку он нередко позволяет добиваться желаемых результатов. В Концепции внешней политики РФ «мягкая сила» определяется как «...комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии»¹. Руководитель Россотрудничества К.И. Косачев, говоря о инструментах «мягкой силы» для России, среди приоритетных называет распространение русского языка, а в качестве одного из основных проводников этой политики выделяет молодежь [Косачев 2012].

---

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (Дата обращения: 02.09.2015).

Поскольку само понятие «мягкой силы» введено в научный оборот сравнительно недавно, более ранние отечественные исследования соответствующих феноменов в нашей стране проводились в рамках изучения приемов идеологической борьбы. В 1990-е гг. контакты российских и международных молодежных организаций стали активно развиваться, и одним из первых исследований этих новых реалий стала работа О.А. Воронцовской. Она, в частности, отмечает, что политика ЕС в отношении молодежных международных организаций направлена на то, чтобы через них нейтрализовать или частично ослабить острые социально-экономические проблемы, затрагивающие молодое поколение: безработицу, проблемы получения качественного образования, проблемы досуга, экономическое расслоение стран ЕС и различие уровня социальной защиты [Воронцовская 1994: 14].

В настоящее время имеется несколько исследований, в которых анализируется возможность применения «мягкой силы» в отношении молодежи, но молодежные организации при этом не рассматриваются в качестве акторов, попадая в общий перечень различных неправительственных организаций. Молодежная проблематика затрагивается при этом применительно к сфере образования и культуры.

Одним из первых показал возможности использования воздействия на молодежь через продвижение субкультурных образцов Г.Ю. Филимонов, приводя в качестве примера поддержку со стороны США распространения хип-хоп-культуры [Филимонов 2006]. Позднее в своих работах он более подробно проанализировал возможности продвижения молодежных субкультур для формирования притягательного образа США в молодежной среде, реализуя идею культурного доминирования и через это обеспечение национальных интересов США [Филимонов 2012: 147—160].

В последние годы внимание исследователей привлекают проблемы использования информационных технологий, в частности социальных сетей, для продвижения политики «мягкой силы» [Смирнов, Кохтюлина 2012]. Сфера образования также остается в сфере внимания исследователей применения «мягкой силы» [Бобыло 2013]. За рубежом, напротив, политика «мягкой силы» особенно в отношении отношений со странами бывшего СССР и в субрегиональном европейском сотрудничестве включает изучение возможностей международных молодежных организаций [The different faces...].

Влияние через молодежные организации может рассматриваться как форма применения «мягкой силы», рассчитанного на долгосрочную перспективу, поскольку предполагает конструирование имиджа государства, распространение собственных культурных норм и ценностей. Эта технология выступает одной из форм общественной дипломатии [Красина 2011: 66].

Анализ практических аспектов и особенностей компонентов «мягкой силы» и оценки их эффективности становится актуальным в рамках международной деятельности российских молодежных организаций и структур, а также выработки в дальнейшем рекомендаций по совершенствованию деятельности последних в этой области. Разумеется, в условиях сложившейся международно-политической конъюнктуры в мире данная проблема требует особого внимания специалистов и представителей отечественного научного сообщества в контексте попытки

отдельных центров мировой политики развивать модель над-цивилизационной интеграции за счет включения других пространств в этот процесс. В процессы такой интеграции в качестве компонента «мягкой силы» все больше вовлекаются и отдельные субъекты организованной молодежной среды общеевропейского пространства. Поэтому, обращаясь к данной проблематике, невозможно обойти стороной некоторые аспекты развития международных молодежных организаций общеевропейского пространства и понять их роль в развитии данного пространства в целом.

Наиболее адекватным теоретико-методологическим подходом для исследования представляется институциональный (неинституциональный) подход, который позволяет рассматривать деятельность различных акторов в историческом и структурно-функциональном аспектах, понять и раскрыть мотивацию участников.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК УЧАСТНИКОВ ПРОДВИЖЕНИЯ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Одной из первых молодежных организаций стала Христианская Ассоциация молодых людей (Young Men's Christian Association, YMCA), которая была создана в 1844 г. в Лондоне Дж. Вильямсом, хотя к тому времени уже существовали студенческие землячества и союзы, а во время буржуазных революций в Европе появилось несколько просветительских и национально-освободительных движений, объединенных общим названием «Молодая Европа». Идеи YMCA быстро нашли последователей в разных странах, прежде всего в США, и в результате уже в 1855 г. были приняты т.н. «Парижские принципы», ставшие основой международной молодежной организации YMCA.

С этого времени можно наблюдать, как YMCA стала одним из каналов распространения не только идей экуменизма, но и инструментом распространения сначала английского, а затем и американского влияния в мире. Не случайно основатель YMCA Дж. Вильямс был возведен в рыцари, а его портрет стал сюжетом одного из витражей в Вестминстерском аббатстве.

В России YMCA была создана после визита Дж. Стокса и будущего лауреата Нобелевской премии мира Дж. Мида в 1900 г. («Общество содействия духовному, нравственному и физическому развитию юношества „Маяк“»), а для его возрождения в современной России в 90-е гг. XX в. в нашу страну прибыли в первых рядах именно представители американской организации, а за ними — активисты YMCA из Швеции и Германии.

Хотя в современной России YMCA уже не осуждается и даже поддерживается Русской православной церковью, эта организация может рассматриваться как канал продвижения западных, в первую очередь протестантских ценностей и инструмент «мягкой силы».

Организация скаутов также может рассматриваться в аспекте «мягкой силы». Как известно, скаутинг был разработан английским полковником Р. Баден-Пауэллом, который был в армии разведчиком.

Вопреки популярной среди российских скаутов легенде Р. Баден-Пауэлл приехал зимой 1910—1911 гг. в Россию вовсе не для того, чтобы встретиться с русскими скаутами и рассказать царю Николаю II о скаутинге (их встреча документально не подтверждается), а, скорее всего, для того, чтобы срисовать схему укреплений крепости г. Кронштадт, где он был, по-видимому, задержан¹.

Скаутское движение среди русских эмигрантов сыграло важную роль в сохранении национальной идентичности, но для распространения западного влияния в 1945 г. Всемирная организация скаутского движения (WOSM) запретила в эмиграции русские и армянские скаутские организации как отдельные формирования, предписав им стать частью скаутских организаций стран пребывания. Однако при этом по поручению спецслужб Англии и США в лагерях для перемещенных лиц (лагеря DP — Displaced Person) из числа русских подростков стали формироваться отряды юных разведчиков, которые затем объединились в Организацию Российских юных разведчиков (ОРЮР), противопоставившую себя Национальной организации российских скаутов (НОРС).

Как писал в 1957 г. основатель российского скаутинга и главный скаут-мастер О.И. Пантюхов, ОРЮР ведет подрывную работу и провоцирует раскол в скаутском движении, вопреки неполитическому характеру скаутской организации в ОРЮР были введены занятия по политграмоте и проводится воспитание в духе тех или иных политических партий [Кучин 2008: 435—437]. В 90-е гг. XX в., когда скауты стали возрождаться в нашей стране, представители ОРЮР в рамках Ассоциации возрождения скаутского движения (АВОРС) противопоставили себя Федерации скаутов России, что привело к тому, что возрожденная скаутская организация РФ долгое время не могла стать членом Всемирной организации скаутского движения, а в конце концов представителем России в WOSM оказалась маленькая организация навигаторов, созданная при поддержке М.Б. Ходорковского.

Идеи фашизма и германского нацизма власти сначала Италии, а затем и гитлеровской Германии активно продвигали через соответствующие молодежные организации, получавшие государственную поддержку и преференции, фактически управлявшиеся правящими партиями. Хотя нацистские и фашистские молодежные организации не успели создать международных структур, они активно сотрудничали и обменивались опытом продвижения своих идей, фактически применяя политику «мягкой силы», создавали привлекательный образ молодых фашистов и сторонников НСРПГ [Климов 2013].

---

¹ О встрече Р. Баден-Пауэлла с Николаем II сообщается практически во всех брошюрах для начинающих скаутов, но опубликованные документы позволяют в этом сомневаться. Эти предположения высказал в своем докладе на семинаре для руководителей скаутского движения старший скаут-мастер, историк В.П. Васильев, который после работы в архивах и изучения камер-фурьерских журналов за 1910 и 1911 г., а также дневников Николая II обнаружил, что о встрече царя и Р. Баден-Пауэлла в них никаких сведений нет, а в воспоминаниях скаутского лидера В.Г. Янчевецкого (впоследствии известного как писатель В.Г. Ян) есть косвенная ссылка, что английский генерал был задержан (доклад В.П. Васильева так и не был опубликован).

Однако следует отметить, что и большевики активно использовали международное молодежное движение для продвижения своих идей в рамках политики «мягкой силы». В конце ноября 1919 г. в Берлине был создан Коммунистический интернационал молодежи (КИМ), а в 1945 г. его продолжателем стала Всемирная Федерация демократической молодежи, на многие годы служившая достаточно эффективным инструментом влияния СССР в международных отношениях. Современная Россия также готова использовать возможности этой организации, подав заявку на проведение Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве и Сочи в 2017 г.

В качестве примера использования международных молодежных организаций как компонентов «мягкой силы» можно упомянуть и скандалы 1968 г., связанные с тем, что стало известным о связях лидеров ряда международных молодежных движений с американскими спецслужбами [Бурмистров 2008].

Рост числа участников международной организованной молодежной среды как феномена исторического развития во многом был стимулирован геополитическими изменениями на рубеже XX—XXI вв. и глобализацией международных отношений.

На фоне трансформации организованной молодежной среды доминирующее положение занимали международные молодежные организации и другие молодежные социальные и политические институты, большинство из которых были созданы при активном участии стран Запада, США и др. В развитии новой организованной молодежной среды и, следовательно, появлении ее новых участников значимую роль сыграли интеграционные объединения, различные межгосударственные и наднациональные структуры коллективного действия, в рамках двухсторонних и многосторонних форматов.

Вместе с тем обострение актуальных глобальных, региональных и иных проблем международной жизни, как интеграционные процессы, так и деструктивные тенденции, рост ее интернационализации, взаимозависимости и другие аспекты предопределяют необходимость формирования устойчивого вектора развития международного гуманитарного сотрудничества, для чего все более активно используется ресурс многочисленных международных молодежных организаций. Поэтому в условиях динамично меняющегося мира на повестку дня также выходят проблемы качественного использования потенциала участников организованной молодежной среды как в качестве значимого фактора гуманитарного развития в рамках ведущих общемировых международных организаций (ООН, ЮНЕСКО и др.), так и перспективного ресурса и компонента «мягкой силы» в рамках деятельности крупных государственных акторов, интеграционных структур (прежде всего с учетом их обозначенных приоритетов во внешней среде), международных организаций в гуманитарной сфере. Начиная с 1980-х гг. ООН практически на каждой Генеральной Ассамблее рассматривает в той или иной форме вопросы взаимодействия с международными молодежными организациями¹.

---

¹ Организация Объединенных Наций: официальный сайт [United Nations Organisation]. Available at: <http://www.un.org/ru/index.html> (Accessed 20.08.2015).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ПОЛИТИКЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сегодня растущие международные связи молодежи в рамках общеевропейского пространства весьма многообразны. В расширении границы данного пространства они могут рассматриваться не только в качестве фактора формирования и развития новой молодежной среды, обладающей социальными, гуманитарными границами, внутренними и внешними взаимозависимостями, набором институтов и механизмов взаимодействия и развития, но создают определенные предпосылки для создания перспективного ресурса влияния на параметры нового социокультурного пространства.

В связи с этим в последние десятилетия на фоне постепенной активизации сотрудничества между представителями гражданского общества общеевропейского пространства особый интерес представляют проблемы усиления роли и перспективы молодежного фактора в развитии гуманитарных составляющих «мягкой силы», которые, в частности, активно используются, например, в развитии единого гуманитарного пространства, отвечающего политическим и экономическим запросам ведущих государственных акторов современных международных отношений Европы.

С учетом того, что до недавнего времени основные векторы гуманитарного сотрудничества формировались в рамках определенных строгих принципов, направленных сугубо на продвижение идеологических установок, ключевая трансформация состоит в том, что сегодня в реализации этого процесса активно используются гуманитарные технологии, новые инновационные формы взаимодействия участников организованной молодежной среды. Международные молодежные организации в качестве институциональной основы взаимодействия и взаимовлияния направляют свои усилия не только на удовлетворение широких запросов молодежи, выступая центрами объединения молодежи по развитию новых форм международного сотрудничества, но и являются востребованными элементами внешней культурной политики ключевых государственных субъектов международных отношений. Становясь инструментом распространения идеологических ценностей, образов на другие территории, многие из них в том числе выступают порой определяющими или влияющими на решения по ряду вопросов международной жизни, поскольку они обладают возможностью скрытно влиять на международные процессы как у себя в стране, так и за рубежом.

В качестве примере рассмотрим деятельность Европейского молодежного форума (ЕМФ, YFJ) в качестве динамичного международного неправительственного актора. В состав ЕМФ входят международные молодежные организации и Национальные советы детских и молодежных организаций общеевропейского пространства (включая государства Закавказья).

Важно отметить, что европейские молодежные организации выступают не только в качестве проводника «европейских ценностей», создавая образ региона в молодежной среде, но и как эффективная дискуссионная площадка и платформа взаимодействия, вносят свой вклад в формирование будущей европейской поли-

тической и деловой элиты. Будучи коммуникационной платформой, ЕМФ, взаимодействуя с членскими организациями, направляет свою деятельность на расширение роли молодежи в решении актуальных гуманитарных проблем общества, таких как вопросы здоровья, экологии, образования, соблюдения и защиты прав человека. В частности, в контексте последней проблемы Форум признает, что сегодня не все молодые люди имеют равные возможности для участия в жизни общества, в результате чего многие страдают от дискриминации и нарушений прав человека.

Одним из ярких программ ЕМФ стало участие в программе Совета Европы «Все различны, все равны». Форум выступал и выступает за обеспечение равного представительства всех социальных и национальных групп во всех государственных органах. С этой целью был разработан «Манифест по вопросам равенства и разнообразия». В расширении роли молодежи ЕМФ делает особый акцент на усиление роли молодежных объединений, что позволит получить более широкое признание молодежных НПО, а также содействовать тому, чтобы последние, используя возможности участия в предложенных общеевропейских программах и проектах, имели важное значение для демократического общества¹.

Важным компонентом гуманитарной деятельности ЕМФ выступает новая модель регионального и глобального партнерства с представителями стран из Азии, Африки, Латинской Америки, стран Карибского бассейна, региона Средиземного моря и Тихого Океана. Это рассматривалось как приоритетное направление в реализации видения миссии и приоритетных областей работы в Европейском молодежном форуме в период 2007—2012 гг. Значимым аспектом деятельности ЕМФ на глобальном уровне является участие в работе Международного координационного совещания молодежных организаций (ICMYO), которое как неформальная сеть объединяет международные молодежные организации и региональные молодежные платформы².

Что касается отношения ЕМФ к ситуации на территории Украины, где в арсенале украинских евроинтеграторов используется традиционный аргумент, что молодежь тянется к Европе, «европейским ценностям» и европейскому уровню жизни, то можно отметить, что эти идеи находят отражение в позиции Форума³. В разгар событий на Майдане Форум поддерживает право украинцев на выбор более тесного сотрудничества с Европой. По этой проблеме позиция Форума носит последовательный характер, и об этом свидетельствует организация в рамках Генеральной Ассамблеи ЕМФ тематической площадки «Мир: молодежь, скажи свое слово! Как последние события повлияют на Европу». Согласованная деятельность членских организаций Форума по содействию выхода из кризисной ситуации молодежи Украины через поддержку со стороны Совета Европы и открытия окна

---

¹ Youth — Young people building Europe. Available at: http://www.coe.int/t/dg4/youth/coe_youth/adae_campaign_EN.asp (Accessed: 20.08.2015),

² International Coordination Meeting of Youth Organizations (ICMYO). Available at: <http://www.icmyo.org>. (Accessed: 01.09.2015).

³ Молодежные организации ЕС требуют отмены виз для белорусов [Youth organizations demand the abolition of EU visas for Belarusians]. Available at: <http://www.eastbook.eu/ru/blog/2013/03/18/molodezhnye-organizacii-trebuiut-ot-es-otmeny-viz>. (Accessed 01.12.2015).

пилотных проектов Европейского Молодежного Фонда (нового направления посредством программы «Erasmus +»), а также организация совместной делегации в Украину свидетельствуют о растущем стремлении выступить в роли «миротворца»¹.

При этом можно отметить, что отдельные представители членских организаций, представляющие структуры крупных политических организаций Европы, используют площадку ЕМФ для отстаивания позиций своих стран и политических кругов по актуальным проблемам международной жизни.

Практика последних лет свидетельствует о том, что некоторые члены ЕМФ часто выступали с отдельными (в том числе совместно с ЕМФ) заявлениями по вопросам нарушения прав человека, особенно в странах постсоветского пространства. Это, в частности, Молодые европейские федералисты (JEF), Молодые либералы Европы (LYMEC), Европейские демократические студенты (EDS), Федерация молодых европейских зеленых (FYEG), Международная федерация молодых либералов (IFLRY), Молодежь Европейской народной партии (YEPP), Молодые европейские социалисты (YES) требовали от лидеров ЕС усилить давление на белорусских чиновников в вопросах соблюдения прав человека². Было также инициировано и обращение в адрес Международной федерации хоккея не проводить Чемпионат мира 2014 г. в Минске.

Как представляется, важная миссия ЕМФ во многом заключается в повышении степени осознанности и причастности молодежи, особенно из стран, интегрирующихся в общеевропейское пространство, где целенаправленные реализованные социально-гуманитарные мероприятия, все активнее вовлекая молодежь в свою орбиту, способствуют формированию новой европейской идентичности в организованной молодежной среде. Выступая в качестве специфических субъектов международных отношений, молодежные организации оказывают все большее влияние на этот процесс, в особенности развития его гуманитарной составляющей.

***

Анализ некоторых аспектов деятельности европейской платформы международных молодежных организаций в целом позволяет отметить, что участие в деятельности ЕМФ создает его участникам, особенно международным молодежным организациям, необходимые условия для расширения границ своего участия и влияния в процессе европейского объединения и жизни современной Европы.

Вместе с тем данная модель взаимодействия этих акторов, обладая весомой общественной и организационно-творческой силой, сегодня способна формировать не только современные подходы, направленные на удовлетворение потребностей подрастающего поколения, но и также в качестве ресурса «мягкой силы» оказать определенное влияние на актуальные гуманитарные проблемы международной жизни. Именно благодаря институциональному характеру взаимодействия меж-

---

¹ European Youth Forum supports young Ukrainians in their struggle. Available at: <http://www.youthforum.org/pressrelease/european-youth-forum-supports-young-ukrainians-in-their-struggle>. (Accessed: 20.08.2015).

² International Coordination Meeting of Youth Organizations (ICMYO). Available at: <http://www.icmyo.org>. (Accessed: 01.09.2015).

дународные молодежные организации и институты в состоянии формировать конструктивные требования и идеи («молодежный взгляд») как на региональном (ЕС, СЕ), так и на глобальном уровне (ООН, ЮНЕСКО).

В свою очередь, эти особенности международного молодежного фактора (особенно начиная с конца 1980-х гг.) значительным образом предопределяют важность коллективных согласованных действий российской организованной молодежной среды в международной сфере. В частности, сегодня нужно попытаться вовлечь и направить деятельность отдельных ее участников в тех областях и проблемах разрешения конфликтных ситуаций, где «молодежное измерение» по-прежнему остается в тени. Вместе с тем в течение двух последних десятилетий на постсоветском пространстве, часть которого рассматривается в рамках общеевропейского пространства, не были созданы крупные международные молодежные организации с разветвленной структурой. По силе своего влияния и воздействия они не могут конструктивно действовать наравне международными молодежными организациями общеевропейского пространства. При этом важно учитывать и роль международных этнических и национальных молодежных организаций, которые активно действуют в нашей стране и объединяют молодых людей не только народов, проживающих в России, но и представителей иных наций и народностей [Кострикин 2014].

В связи с этим проблемы эффективного использования «организованной молодежной позиции» как значимого ресурса внешней культурной политики на международной арене требуют не только усиления должного внимания научно-экспертного сообщества, но и осуществления практических последовательных действий для качественного развития института международных молодежных организаций в целом. Нельзя не согласиться с А.В. Сокаловым, который указывает, что российские молодежные организации должны активно использовать европейский опыт по созданию институциональных возможностей для продвижения своих программ и своей позиции в рамках международного сотрудничества, а государственные структуры — создавать необходимые условия и институты для этого, в т.ч. и с использованием механизмов «мягкой силы» [Соколов 2010].

Участники организованной молодежной среды, используя институциональные возможности по реализации широких интересов молодежи на международном уровне, все активнее стремятся стать динамичными субъектами гуманитарного сотрудничества. Вместе с тем крупные участники сегодня не выступают действующими акторами в отношении существующих наиболее актуальных конфликтов и проблем, как это происходило в условиях «политизации» этой среды, которая во многом была связана активным использованием молодежного фактора как элемента идеологической борьбы между геополитическими центрами мира.

Сегодня как никогда требуется осмысление формирования гуманитарной стратегии и концепции, ориентированных в том числе на молодежные целевые аудитории, институты, включая институт международных молодежных организаций. Как представляется, именно выявление наиболее перспективных направлений развития и оценки эффективности международной деятельности существующих

отечественных молодежных структур и особенно имеющих международные практики призвано стать материалом для выработки рекомендаций по формированию эффективной стратегии совершенствования роли молодежного фактора во внешней среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Асадов Б.Р.* Молодежные организации в сфере международных отношений: гуманитарные аспекты деятельности // Гуманитарный вектор. 2013. № 3 (35). С. 115—124.
- [2] *Бобыло А.М.* Национальная система образования как «мягкая сила» внешней политики государства. Владивосток: Дальневосточный федеральный ун-т, 2013.
- [3] *Бурмистров П., Великовский Д., Жутаев Д., Тарасевич Г., Хестанов Р.* 1968: год великого перелома // Русский репортер. 2008. № 16 (046). С. 20—31.
- [4] *Воронецкая О.А.* Формирование и развитие системы сотрудничества молодежных организаций Западной Европы: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1994.
- [5] *Климов О.А.* Государственный режим и молодежная политика // Социология молодежного движения в условиях глобализации: проблемы и перспективы: материалы междунаучно-практ. конф. (Новосибирск, 12—13 ноября 2013 г.). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. С. 29—42.
- [6] *Косачев К.И.* Не рыбу, а удочку. В чем состоит особенность «мягкой силы» России // Россия в глобальной политике. 2012. № 4 (июль—август).
- [7] *Кострикин А.В.* Национально-этнические молодежные общественные объединения в современной России: особенности и роль в работе с молодежью // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2014. Т. 21. Вып. 1. С. 70—73.
- [8] *Красина О.В.* «Мягкая сила» как теоретическая конструкция и властная технология современной мировой политики. М.: Изд-во Современного гуманитарного университета, 2011.
- [9] *Кучин В.Л.* Скауты России. 1909—2007. История. Документы. Свидетельства. Воспоминания. М.: Минувшее, 2008.
- [10] *Смирнов А.И., Кохтолина И.Н.* Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России. М.: ВНИИгеосистем, 2012.
- [11] *Соколов А.В.* Молодежные общественные объединения в общем пространстве России и Европейского Союза: стратегии молодежной политики и технологии молодежного сотрудничества. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2010.
- [12] *Филимонов Г.Ю.* «Мягкая сила» культурной дипломатии США. М.: РУДН, 2010.
- [13] *Филимонов Г.Ю.* Молодежные субкультуры как инструмент «неофициальной» внешней культурной политики США // Федерация: научный журнал о проблемах экономики, социологии, политики и права. 2006. № 17. С. 50—58.
- [14] *Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs Group, 2004.
- [15] *The different faces of “softpower”: the Baltic States and Eastern Neighborhood between Russia and the EU.* Editors: Toms Rostoks and Andris Sprūds. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2015.

Дата поступления статьи: 26.11.2015

Для цитирования: *Асадов Б.Р., Кострикин А.В.* Международные молодежные организации общеевропейского пространства: некоторые особенности участия в политике продвижения «мягкой силы» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2016. № 1. С. 32—45.

INTERNATIONAL YOUTH ORGANIZATIONS IN EUROPEAN SPACE: SOME FEATURES OF PARTICIPATION IN POLITICS PROMOTION OF “SOFT POWER”

B. R Asadov

Department of business tourism
The St. Petersburg State University of Economics
Sadovaya Str., 21, St.-Petersburg, Russia, 191023

A.V. Kostrikin

St. Petersburg Department of the Youth Workers Association
Novoizmailovsky Prosp., 48, St.-Petersburg, Russia, 196191

The article is an attempt to describe the role of the Institute of International Youth Organizations European space as a component of “soft power”. Examples of promoting a policy of “soft power” in the history of the international youth movement identified some problematic aspects and the main vectors of its development within the framework of the European Youth Forum, which is both international umbrella youth organization and actively supports the conduction of Western values, especially political and humanitarian. As the institutional framework of interaction and mutual influence of pan-European organizational youth milieu, these actors are actively going beyond the traditional forms of activity and unaccounted humanitarian potential in the field of international relations cannot be neglected by specialists. This expansion of the capacity of the activities of international youth actors fits into the overall logic of extending the boundaries of foreign cultural policy of the European Union, the Council of Europe and other regional and sub-regional international organizations. This logic of pan-European practices of Institute of International youth organizations, as a resource of “soft power”, is updated by the problems of studying the international participation of Russian youth actors in the environment and requires to focus on the identification of the creative role of international organizations and on the study of situations where the institution does not act as constructive subject of international humanitarian cooperation.

Key words: international youth organizations, actors, European space, soft power, the international humanitarian cooperation, foreign cultural policy, international organized youth.

REFERENCES

- [1] Asadov B.R., 2013. Molodjozhnye organizacii v sfere mezhdunarodnyh otnoshenij: gumanitar-nye aspekty dejatel'nosti [International youth organizations in the sphere of international relations: the humanitarian aspects of the activity]. *Gumanitarnyj vector*. No. 3(35). P. 115—124.
- [2] Bobylo A.M., 2013. *Nacionalnaya sistema obrazovaniya kak “myagkaya sila” vneshney politiki gosudarstva* [*National system of education as a “soft power” foreign policy*]. Vladivostok: Far Eastern Federal University Press.
- [3] Burmistrov P., Velikovskii D., Zhutaev D., Tarasevich G., Khestanov R., 2008. 1968: god velikogo pereloma [1968: A year of great change]. *Russkiy reporter*. No. 16 (046). P. 20—31.
- [4] Voronetskaya O.A., 1994. Formirovaniye i razvitiye sistemy sotrudnitchestva molodezhnyh organizatsiy Zapadnoi Evropy: Avtoref. Diss. cand. ist. nauk. [Formation and development of cooperation between youth organizations in Western Europe system. PhD (History)]. Moscow.

- [5] Klimov O.A., 2013. Gosudarstvennyi rezhim i molodejnaya politika. Sociologiya molodezhnogo dvizheniya v usloviyah globalizatsii [State mode and youth policy. *Sociology of the youth movement in the conditions of globalization: problems and prospects: materials International Scient. Conf.* (Novosibirsk, November 12—13, 2013)]. Novosibirsk: NGPU. P. 29—42.
- [6] Kosatchev K.I., 2012. Ne rybu, a udotchku. V tchem sostoit osobennost' "myagkoy sily" Rossii [Let's not fish, and bait. What is the feature of the "soft power" in Russia]. *Rossia v global'noy politike*. No. 4 (July-August), [Online]. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/ne-rybu-a-udochku-15642> (Accessed 20 August 2015).
- [7] Kostrikin A.V., 2014. Nacional'no-jetnicheskie molodezhnye obshhestvennye ob'edineniya v sovremennoj Rossii: osobennosti i rol' v rabote s molodezh'ju [National and ethnic youth organizations in modern Russia: features and role in the youth work]. *Uchenye Zapiski Sankt-Peterburgskogo Instituta Psichologii I Social'noy Raboty*. Vol. 21. No. 1. Pp. 70—73.
- [8] Krasina O.V., 2011. "Myagkaya sila" kak teoreticheskaya konstrukciya I vlastnaya tehnologiya sovremenniy mirovoy politiki. [Soft power" as a theoretical design and powerful technology of the modern world politics]. Moscow: Izdatel'stvo Sovremennogo gumanitarnogo unoversiteta.
- [9] Kuchin V.L., 2008. *Skauty Rossii. 1909—2007. Istorija. Dokumenty. Svidetel'stva. Vospominaniya*. [Scouts of Russia. 1909—2007. Story. Documentation. Certificates. Memories.]. Moscow: Minuvshee.
- [10] Smirnov A.I., Kiuchtlina I.N., 2012. *Globalnaya bezopasnost' i "myagkaya sila 2.0": vyzovy i vozmozhnosti dlia Rossii* [The Global security and the "soft power 2.0": Challenges and Opportunities for Russia]. Moscow: VNIIGEosistem.
- [11] Sokolov A.V., 2010. *Molodezhnye obshtshestvennyie o, iedineniya v obshtshem prostranstve Rossii I Evropeyskogo Soiuzia: strategii molodezhnoi politiki I tehnologii molodezhnogo sotrudnitchestva* [Youth associations in the common space of Russia and the EU: a strategy of youth policy and youth cooperation technology.]. Rostov-on-Don: URFU.
- [12] Filimonov G.Yu., 2010. "Myagkaya sila" kulturnoy diplomatii SShA ["Soft power" US cultural diplomacy]. Moscow: RUDN.
- [13] Filimonov G.Yu., 2006. Molodyozhnyie subkultury kak instrument "neoficialnoi" kulturnoi politiki SShA [Youth subcultures as an instrument of "informal" foreign cultural policy of the USA] *Federaciya: nauchnyi zhurnal o problemah ekonomiki, sociologii, politiki i prava*. No. 17. P. 50—58.
- [14] Nye J., 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs Group.
- [15] *The different faces of "softpower": the Baltic States and Eastern Neighborhood between Russia and the EU*, 2015. Editors: Toms Rostoks and Andris Sprūds. Riga, Latvian Institute of International Affairs.

For citations: Asadov B.R., Kostrikin A.V. International Youth Organizations in Europe: Some Aspects of Participation in Promotion of «Soft Power». *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 16. No. 1 (March 2016). Pp. 32—45.

ФОРМИРОВАНИЕ И ПРОДВИЖЕНИЕ БРЕНД-ИМИДЖА РОССИИ

И.Ю. Глинская

Кафедра рекламы и бизнес-коммуникаций
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В условиях возрастающей конкуренции между странами борьба переместилась в бренд-имиджевое пространство. Международные рейтинги показывают, что Россия занимает в них достаточно низкие позиции. Этот факт свидетельствует о том, что проблема формирования имиджа России имеет первостепенное значение в контексте информационного давления со стороны ряда ведущих стран мира. Статья посвящена механизмам формирования и продвижения бренд-имиджа России. Автор дает ряд предложений по подготовке стратегии формирования и продвижения бренд-имиджа России и предлагает создать Институт по разработке имиджевой политики, в который могут войти представители государства, бизнес-элиты и общественных институтов.

Ключевые слова: геополитическое противоборство, имидж, бренд-имиджевое пространство, механизм, международный рейтинг, маркетинг, мониторинг, средства массовой коммуникации.

XXI в. характерен развитием имиджелогии как новой области научного знания — а также его самостоятельной области — политической имиджелогии. Задачей теории имиджелогии является исследование и описание закономерностей формирования и трансформации имиджа. В нашей стране появились серьезные исследования, посвященные политическому имиджу России. Среди российских ученых следует выделить тех, кто создал новые подходы к этому явлению, в частности, Ю.В. Ирхина, Л.Н. Тимофееву, Е.Г. Морозову, О.В. Гаман-Голутвину, и др. [Ирхин 2007: 7—11; Тимофеева 2009: 41—54; Морозова 1999:247; Гаман-Голутвина 2006: 448; Гринберг 2008: 317].

Исследование имиджа страны невозможно без опоры на анализ иррациональных компонентов, входящих в структуру политического имиджа — стереотипов и политических мифов. В основе исследований лежат работы Р. Барта, К. Леви-Стросса, А.Ф. Лосева и др. [Барт 2004: 351; Леви-Стросс 2008: 512; Лосев 1991: 527]. Технологии конструирования имиджа страны, оценка и способы повышения их эффективности находятся в центре внимания экспертно-аналитического общества и носят прикладной характер. Работы содержат методику конструирования бренда и позиционирования государства. Среди исследований особую значимость имеют работы Т.П. Лебедевой, И.А. Василенко, И.Я. Рожкова, В.Г. Кисмерешкина; К.С. Гаджиева и др. [Лебедева 2011:13—28; Василенко 2013:359; Рожков, Кисмерешкин 2008:368; Гаджиев 2007:128].

Среди современных зарубежных авторов следует выделить ученых, которые внесли вклад в имиджелогии, введя ряд новых терминов в научный дискурс, разработали новые технологии в области политического маркетинга — Райс Э., Тра-

ут Дж.; Анхольт С., Д. Белл, Гербнер Г., Най Дж. и др. [Райс, Траут 2004: 272; Анхольт 2010: 239; Белл 1965: 474; Гербнер 1999: 237—247; Най 1994: 60—69].

Автор данной статьи рассматривает современное состояние имиджа России и предлагает стратегию формирования и продвижения бренд-имиджа России в глобальном бренд-имиджевом пространстве, используя компаративистский метод, мониторинг политических событий, факторный анализ, коммуникативную парадигму маркетинга.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИМИДЖА РОССИИ

Деятельность по целенаправленному формированию положительного имиджа страны сегодня включает целый ряд различных составляющих, начиная с особенностей государственной политики, заканчивая спецификой поведения страны на международной арене, с учетом ее участия в международных экономических и культурных событиях.

Следует подчеркнуть, что в условиях стремительного роста информации и участия практически всех мировых государств в новых коммуникационных системах необходимо уделять должное внимание всем составляющим имиджеобразующей информации, связанной со страной.

Международные рейтинги, отражающие экономическое и социально-политическое состояние общества, свидетельствуют о том, что Россия отстает от других стран по многим показателям. Социально-демографические проблемы также негативно влияют на позиционирование страны на международной арене. Этот факт доказывает то, что России необходимо формирование и продвижение позитивного имиджа и бренда в условиях растущей скоординированной политической и экономической атаки со стороны стран-конкурентов.

Б. Рассел писал о том, что «на протяжении нескольких ближайших столетий цивилизация будет более многообразной, чем она была со времени Возрождения. Мы вынуждены будем признать равенство Азии, причем не только в политическом, но в культурном отношении» [Рассел 1998: 456—457].

Поскольку Россия является связующим звеном между Европой и Азией, в последнее десятилетие стали укрепляться отношения со странами АТР. В XXI в. основой общемировой стабильности является становление и развитие системы коллективной безопасности именно в Евразии, так как на этом континенте наблюдаются наиболее жесткие геополитические противоборства различных цивилизаций, отдельных государств и народов.

Миссия России — предотвратить угрозы противостояния между Западом и Востоком, поддерживая баланс их интересов, и стать главной участницей формирования единого евроазиатского экономического пространства, способствовать межкультурным связям. Страна имеет опыт ведения диалога культур, находящихся на ее территории.

Однако модель развития России не может быть ни западной, ни восточной. Она может включать элементы этих цивилизаций, преломляемые под углом своей собственной евроазиатской цивилизации. Опыт Запада следует адаптировать к рос-

сийским условиям, несколько трансформируя духовные ценности. В то же время стоит брать на вооружение и восточный опыт, в первую очередь таких стран, как Китай, Япония, Индия, Сингапур. Соединяя Запад и Восток транспортными коридорами, Россия будет объединяющим звеном между цивилизациями.

Нельзя не признать, что Китай вступил в полосу экономического роста, и, по мнению ведущих специалистов в области имиджологии, «благополучие — и стабильность, и дальнейшая динамика всех стран по отдельности и всего мира будут зависеть от Китая» [Рожков, Кисмерешкин 2006: 94—95]. У России давние отношения с этой страной, которые не всегда были гладкими, но последние события, связанные с подписанием взаимовыгодных контрактов, культурные связи и обмен образовательными услугами позволяют сделать вывод о том, что восприятие России в Китае носит положительный характер. России следует и дальше позиционировать себя в этих направлениях, т.е., используя маркетинговые коммуникации, воздействовать на общественное мнение Китая.

Поскольку имидж формируется с помощью общественного мнения, необходим его мониторинг в различных странах, с тем, чтобы выявить существующие негативные стереотипы, которые создаются элитой общества, и сдвигать их в сторону позитива.

Для развития успешных брендов у России есть неоспоримое преимущество по сравнению со многими другими странами: богатство российской культуры и глобальное пространство русского языка, раскинувшееся с нашими соотечественниками по всему миру. Бренд — это долгосрочная стратегия устойчивого получения прибыли, действующая во многих странах мира, поэтому конкурентоспособность России зависит от того, как регионы и города будут проводить брендинг. Если этот процесс пойдет быстро и успешно, то бренд России станет реальным проектом и поможет государству укрепить свои позиции в глобальном пространстве.

Значение формирования позитивного имиджа России в мировом глобальном пространстве зависит от укрепления ее экономики, социальной сферы, науки, культуры и образования.

За последние годы Россия сделала немало для укрепления своего статуса мировой энергетической державы, проводит миротворческую политику по отношению к зарубежным странам, укрепляет добрососедские отношения со странами ближнего зарубежья, отстаивая, однако, при этом свои позиции последовательного и надежного партнера. Несмотря на попытки ряда стран Запада ослабить положительный имидж России, страна ведет курс на формирование имиджа сильного государства с высоким научным потенциалом, национальными культурными традициями, достойным образованием, спортивными достижениями. Это возможно в случае, если разработкой такой программы будут заниматься все структуры — государство, бизнес-элита, общественные институты и т.д. Такие возможности сегодня есть, и работа в этом направлении ведется, однако нет системного подхода, не выработана четкая концепция и стратегия проведения в жизнь мероприятий по формированию позитивного бренд-имиджа России. Каждая структура действует отдельно, не согласуя свои действия с другими.

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА РОССИИ

Для того, чтобы трансформировать имидж России, необходим постоянный диалог власти, бизнеса и общества, в котором примут участие представители федеральных и региональных органов, МИД РФ, общественных организаций, профессиональных институтов, предприниматели, рекламные и PR-агентства.

В рамках стратегии формирования международного имиджа России необходимо создать Институт или координационный совет, занимающийся формированием имиджевой политики по созданию и продвижению бренд-имиджа России в бренд-имиджевом пространстве. Такое пространство, наряду с экономическим, политическим, информационным, образовательным, культурным, следует выделить как отдельное пространство, которое является частью глобального бренд-имиджевого пространства. Сегодня у России есть огромный потенциал для развития и укрепления своих позиций на мировой арене. Было бы целесообразно разработать ряд следующих проектов:

— политические проекты (влияние через политический диалог, используя площадки для обмена мнениями — Клуб Валдай, Ярославский форум, участие в международных организациях — ООН, ОБСЕ, ШОС и др.);

— экономические проекты (взаимодействие с бизнес-элитой через участие в международных организациях — БРИКС, ЕАЭС), экономических форумах, влияние через энергетические проекты, такие как «Сахалин-3», «Северный поток 2», международные проекты в области атомной энергетики и др.);

— культурные проекты — мероприятия по распространению культурных ценностей России в зарубежных странах и усилению значимости русского языка при непосредственном участии культурных центров РФ за рубежом (2014 — год России в Великобритании, 2016 — год Франции в России, и использование этого опыта и для других стран);

— научные проекты (международные космические проекты, развитие наукограда Сколково, Дальневосточного федерального университета и др. с участием представителей науки и бизнеса);

— образовательные проекты (международные образовательные программы и обмен преподавателями и студентами, практика двойных дипломов для повышения конкурентоспособности выпускников российских вузов);

— спортивные проекты — международные спортивные мероприятия (Чемпионат мира по футболу 2018 г. и т.д.);

— миротворческие проекты — гуманитарная помощь пострадавшим странам от ЧС. Введение Глобального индекса миротворчества (Global Peacemaking Index), определяющего степень миротворчества стран по определенным показателям, как участниц в международных миротворческих акциях;

— проект «Церковная дипломатия» как один из механизмов формирования позитивного имиджа РФ (широкий межконфессиональный и межкультурный диалог, взаимодействие с соотечественниками с помощью зарубежных епархий; поддержка благотворительных организаций, участие в акциях, способствующих

борьбе со СПИДом, алкоголизмом и наркоманией среди молодежи; воздействие на маргинальную часть населения, составляющее «социальное дно», а также на представителей бизнеса для привлечения их к участию в благотворительных акциях).

Большую роль в повышении имиджа государства могут играть средства массовой коммуникации, обладающие огромными возможностями активного влияния не только на восприятие гражданами отдельных политических явлений и событий, но и на их отношение к политике государства в целом. СМК способны формировать, влиять и управлять общественным мнением, влиять на имидж политиков, имидж политических партий, на имидж государства. Электронные СМК расширяют свои возможности и в нашей стране — веб-сайты, блоги, социальные сети — это новые механизмы, которые необходимо использовать и для формирования позитивного имиджа государства.

Конкуренция бренд-имиджей стран — это борьба за благоприятные позиции на рынке. И в условиях глобализации эта борьба ужесточается, принимает новые формы. Поэтому бренд-имидж России, сохранив свою субстанцию, в основе которой лежат духовные ценности, национальная патриотическая идея и перспективы развития, сможет повлиять на позиционирование страны как достойной участницы, имеющей свою идентичность и высокую репутацию у мирового сообщества.

Таким образом, необходимо выделить ряд предложений по подготовке стратегии формирования и продвижения бренд-имиджа России:

— преодоление негативных внутренних факторов, влияющих не только на образ страны и бизнеса, но, в первую очередь, на само их развитие, прежде всего в экономической и социальной сфере;

— детальное изучение образа России в историческом контексте, с учетом комплекса факторов, влияющих на его формирование;

— анализ менталитета нации как основы для формирования имиджа с целью выявления его основных характеристик;

— создание новых символов, выполняющих этноинтегрирующие функции в контексте преемственности историко-культурных традиций России;

— исследование закономерностей влияния глобальных и региональных процессов на формирование имиджа России;

— мониторинг позиции России в глобальном бренд-имиджевом пространстве;

— мониторинг сложившегося образа страны в различных регионах мира на уровне элит и общества в целом с учетом специфики международных отношений;

— разработка комплекса элементов внутреннего и внешнего имиджа в их диалектическом единстве;

— разработка научно обоснованных предложений и рекомендаций по повышению привлекательности имиджа государства и эффективности механизмов его формирования в коммуникативно-информационном пространстве;

— изучение существующих стереотипов массового сознания с целью их трансформации и создания общественного мнения для усиления позитивных элементов имиджа России;

— проведение систематических официальных действий, направленных на улучшение имиджа России в целом, в том числе через принятие документов и заявлений стратегической направленности, адекватно показывающих возможность долгосрочного сотрудничества с Россией в политической и экономической сфере;

— формирование бренд-имиджа России на основе реализации программы региональных брендов и продвижение его позиций в глобальном бренд-имиджевом пространстве;

— создание Института имиджевой политики, занимающегося стратегией формирования бренд-имиджевого пространства, вопросами публичной дипломатии, с целью продвижения российских ценностей за рубежом, на основе диалога между властью и бизнесом, межкультурного и межконфессионального диалога, в состав которого могут войти: представители аппарата Президента, МИД РФ, МЧС, ГД Федерального собрания, Минэкономразвития, Минобрнауки и науки, Минкультуры, Церковных епархий, РСПП, Союза маркетологов России, Россоотрудничества, АКАР, СМК и др.;

— создание системы информационной защиты в случае чрезвычайных политических ситуаций, как это произошло во время грузино-осетинского конфликта, событий на Украине, в Сирии и др., и проведение информационной кампании, основанной на национальных интересах России [Глинская 2011:349—350].

В целях реализации изложенных предложений целесообразным видится использование как существующих, так и новых механизмов для формирования и продвижения позитивного бренд-имиджа России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Анхольт С.* Бренд Америка. М.: Добрая книга, 2010.
- [2] *Барт Р.* Мифологии. М., 2004.
- [3] *Василенко И.А.* Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта. М., 2013.
- [4] *Гаджиев К.С.* Имидж государства в конфликте идеологий. М., 2007.
- [5] *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006.
- [6] *Глинская И.Ю.* Политические механизмы формирования позитивного имиджа России. М.: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. С. 349—350.
- [7] *Ирхин Ю.В.* Политическое управление и прогностический подход к политике. Социология власти // Журнал Российской академии государственной службы при Президенте РФ. 2007. № 2. С. 7—11.
- [8] *Лебедева Т.П.* Имидж государства в мировом политическом пространстве: структурные модели формирования // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2011. № 1. С. 13—28.
- [9] *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 2001.
- [10] *Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
- [11] *Морозова Е.Г.* Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. М., 1999.
- [12] *Тимофеева Л.Н.* Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. 2009. № 5. С. 41—54.
- [13] *Райс Э., Траут Дж.* Позиционирование. Битва за узнаваемость. СПб.: Питер, 2004.

- [14] *Russell B.* История западной философии. Ростов н/Д., 1998. С. 456—457.
- [15] *Рожков И.Я., Кисмерешкин В.Г.* Имидж России. Ресурсы, опыт, приоритеты. М.: РИПОЛ классик, 2008.
- [16] *Рожков И.Я., Кисмерешкин В.Г.* Бренды и имиджи. М.: РИП-холдинг, 2006. С. 94—95.
- [17] *Bell D.* The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. N.Y.: Free Press, 1965.
- [18] *Gerbner G.* The image of Russians in American media and the “New Epoch”. Newbury Park, CA: Sage Publications, Inc. 69 Hess, S., 1996. P. 237—247.
- [19] *Nye J.S.* Redefining NATO’s mission in the information age // NATO Review. 1994. No. 4. P. 60—69.

Дата поступления статьи: 14.05.2015

Для цитирования: *Глинская И.Ю.* Формирование и продвижение бренд-имиджа России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2016. № 1. С. 46—53.

CREATION AND PROMOTION OF BRAND-IMAGE OF RUSSIA

I.Yu. Glinskaya

Department of advertising and business-communication
Peoples’ Friendship University of Russia
Mickluho-Maclay str., 10/ 2, Moscow, Russia, 117198

In the conditions of growing competition between the countries the struggle has moved into a brand and image space. International ratings show that Russia has rather low positions. This fact suggests that the problem of formation of image of Russia is of great importance in the context of information pressure from a number of leading countries of the world. The article is devoted to the mechanisms of formation and promotion of the brand image of Russia. The author gives several proposals on developing the strategy of formation and promotion of brand image of Russia and recommends creating the Institute of image policy, which may include representatives of state, business elite and public institutions.

Key words: Geopolitical competition, image, brand-image space, mechanism, international rating, marketing, monitoring, mass-media.

REFERENCES

- [1] Anhol't S., 2010. *Brend Amerika [Brand America]*. Moscow: Dobraya kniga.
- [2] Bart R., 2004. *Mifologii [Mythology]*. Moscow.
- [3] Bell D., 1965. *The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*. N.Y.: Free Press.
- [4] Gadzhiev K.S., 2007. *Imidzh gosudarstva v konflikte ideologij [The image of the state in the conflict of ideologies]*. Moscow.

- [5] Gaman-Golutvina O.V., 2006. *Politicheskie ehlyty Rossii. Vekhi istoricheskoy ehvolyucii* [Political elite of Russia. Stages of historical evolution]. Moscow: ROSSPEHN.
- [6] Gerbner G., 1996. *The image of Russians in American media and the "New Epoch"*. Newbury Park, CA: Sage Publications, Inc. 69 Hess, S. P. 237—247.
- [7] Glinskaya I.Yu., 2011. *Politicheskie mekhanizmy formirovaniya pozitivnogo imidzha Rossii* [Political mechanisms of formation of positive image of Russia]. Moscow: LAP LAMBERT Academic Publishing. P. 349—350.
- [8] Irhin Yu.V., 2007. Politicheskoe upravlenie i prognosticheskij podhod k politike [Political management and predictive approach to policy]. *Sociologiya vlasti. Zhurnal Rossijskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente RF*. No. 2. P. 7—11.
- [9] Lebedeva T.P., 2011. Imidzh gosudarstva v mirovom politicheskom prostranstve: strukturnye modeli formirovaniya [The image of the state in the global political space: the structural model of formation]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser.21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. No. 1. P. 13—28.
- [10] Levi-Stross K., 2008. *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology]. Moscow.
- [11] Losev A.F., 1991. *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura* [Philosophy. Mythology, Culture]. Moscow.
- [12] Morozova E.G., 1999. *Politicheskij rynek i politicheskij marketing: koncepcii, modeli, tekhnologii* [Political market and political marketing: concepts, models, technology]. Moscow.
- [13] Nye J.S., 1994. Redefining NATO's mission in the information age. *NATO Review*. No. 4. P. 60—69.
- [14] Rajs Eh., Traut Dzh., 2004. *Pozicionirovanie. Bitva za uznavaemost'* [Positioning. The battle for recognition]. SPb.: Piter.
- [15] Rassel B., 1998. *Istoriya zapadnoj filosofii* [The history of Western philosophy]. Rostov on Don. P. 456—457.
- [16] Rozhkov I.Ya., Kismereshkin V.G., 2006. *Brendy i imidzhi* [Brands and images]. Moscow: RIP-holding. P. 94—95.
- [17] Rozhkov I.Ya., Kismereshkin V.G., 2008. *Imidzh Rossii. Resursy, opyt, priorityty* [The Image of Russia. Resources, expertise, priorities]. Moscow: RIPOL klassik.
- [18] Timofeeva L.N., 2009. Politicheskaya kommunikativistika: problemy stanovleniya [Political communicativistics: problems of formation]. *Polis*. No. 5. P. 41—54.
- [19] Vasilenko I.A., 2013. Imidzhevaya strategiya Rossii v kontekste mirovogo opyta [Imaginary strategy of Russia in the context of world experience]. Moscow.

For citations: Glinskaya I.Yu. Creation and Promotion of Brand-Image of Russia. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 16. No. 1 (March 2016). Pp. 46—53.

СОВМЕСТНЫЕ ПРОЕКТЫ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИННОВАЦИОННАЯ ФОРМА СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ В XXI В.

Е.И. Медяник

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье рассмотрены совместные российско-китайские проекты в области высшего образования в качестве инновационной формы сотрудничества двух государств в новом тысячелетии. Автор подчеркивает, что в основном данные проекты являются учебными, тогда как недостаточно развитыми остаются исследовательские, инновационные, инвестиционные и комбинированные образовательные проекты. Но, несмотря на это, наблюдается очевидный прогресс во взаимоотношениях двух государств в данной области. Вместе с тем автор отмечает возрастающую роль совместных проектов в области образования как важных и эффективных инструментов «мягкой силы». При этом, как показало исследование, российско-китайские образовательные проекты подразделяется не только на двусторонние, но и на многосторонние, что, в свою очередь, позволяет России популяризировать собственную культуру и образовательные услуги на разных геополитических пространствах, которыми выступают пространства ШОС и БРИКС. Соответственно, вслед за повышением привлекательности культуры и образовательных услуг будет формироваться положительный имидж российского государства на международной арене. В статье определены интересы, проблемы и перспективы участия России в реализации совместных с Китаем проектов в области высшего образования.

Ключевые слова: Россия, Китай, совместные проекты в области высшего образования, «мягкая сила», интеграционные процессы в области образования, интеллектуальный капитал, рынок образовательных услуг.

В современном мире качество образования все чаще рассматривается не только как показатель уровня социально-экономического развития страны, но и как важный инструмент «мягкой силы». Как отмечает ректор МГИМО МИД России А.В. Торкунов, конкуренция в современном мире приобретает культурно-цивилизационное измерение [Торкунов 2012: 86]. А это означает, что от того, насколько грамотно и целенаправленно каждое государство будет экспортировать свою культуру и образовательные услуги, будет зависеть совокупный имидж государства на мировом пространстве.

Интеграционные процессы в сфере образования дали старт совместным проектам, в которых, начиная со второй половины XX в., стали принимать участие все большее число учебных заведений разных странах мира. Директор Международного института планирования образования Ф.Г. Кумбс отмечал, насколько важны разные формы международных образовательных контактов для развития как общемирового, так и национального образования. Кумбс также ратовал за то, что международное образовательное сотрудничество позволяет национальным системам образования постоянно совершенствоваться и не впадать в застойное состояние [Coombs 1985: 329].

Вступив в новый век, Россия и Китай подписали «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве», в котором были определены в том числе и приоритетные направления взаимодействия двух государств в новом тысячелетии и отмечено, что стороны будут всемерно способствовать развитию обменов и сотрудничества в области образования¹. В Соглашении между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования (2006 г.) выделено, что одним из основных направлений сотрудничества должно стать «участие в совместных программах и проектах, способствующих развитию гуманитарного, естественнонаучного и технического образования»². Совместный образовательный проект — это новая форма сотрудничества России и Китая в новом тысячелетии.

Важно отметить, что такие масштабные гуманитарные проекты, как национальные годы и Годы национальных языков, придали мощный импульс сотрудничеству России и Китая в области образования. Эксперт Г.В. Куликова отмечает, что данные проекты не только способствовали поиску новых форм совместного сотрудничества в области образования, но и привлекли внимание российской и китайской общественности к существующим проблемам в области подготовки высококвалифицированных кадров со знанием русского и китайского языков [Куликова 2012: 215].

К совместным российско-китайским проектам в области высшего образования можно отнести такие проекты, как бакалаврские и магистерские программы двойного диплома и совместные образовательные программы, совместные аспирантуры, учреждение профильных ассоциаций и форумов, проведение зимних и летних школ, создание совместных образовательных учреждений как на двусторонней, так и на многосторонней основе.

Следует подчеркнуть, что в мировой практике все большее значение приобретают такие проекты, как программы двойных дипломов и совместные образовательные программы. Российские и китайские вузы уже запустили ряд подобных проектов по инженерным, экономическим и лингвистическим специальностям [Интернационализация российских вузов... 2013: 38]. Однако, как отмечают эксперты, существует ряд проблем на пути их реализации, например, связанных с приглашением и оформлением на работу в российские учебные заведения иностранных преподавателей.

Другой проблемой является сложность процедуры нострификации зарубежных дипломов иностранных студентов и преподавателей [Роль программы двойного дипломирования... 2015: 85].

---

¹ The Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation Between the People's Republic of China and the Russian Federation. The official site of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Available at: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/3FF2F2E44791021644257D010038E9EF (Accessed 30.05.2015) (In Russian).

² Agreement between the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the Ministry of Education of China on cooperation in the field of education // International agreements on cooperation in the field of education. Moscow, 2009. P. 329.

Профессор Хэйлуңцзянского университета Го Ли отмечает, что достаточно большое количество вузов не стремятся продвигать долгосрочные образовательные программы, а предпочитают инвестировать в краткосрочные проекты. К тому же, по его мнению, при достаточно высокой стоимости обучения большое число вузов не в состоянии предоставить высококачественное образование. Таким образом, количество потребителей образовательных услуг по линии совместных российско-китайских образовательных программ по-прежнему невелико.

Го Ли выделяет еще одну проблему. Она связана с тем, что у китайских студентов, направляемых учиться в Россию по совместной образовательной программе, слабая языковая подготовка [Чжун э жэньвэнь ... 2013: 98—99].

Эксперт Ли Ли указывает на то, что при наборе студентов ряд российских вузов снижают уровень требований, в том числе и по уровню владения русским языком, из-за дефицита собственных средств и стремления получить максимальную экономическую выгоду. Поэтому достаточно большое количество китайских студентов во время обучения в вузе в России не в состоянии освоить читаемые дисциплины [Li Li 2014: 577].

Но в то же время эксперты отмечают и целый ряд преимуществ данной формы сотрудничества, среди которых опыт межличностного кросс-культурного взаимодействия, владение разными деловыми культурами и изучение иностранного языка [Роль программы двойного дипломирования... 2015: 85].

Популярность приобретают такие проекты, как летние и зимние школы для учащихся вузов¹. Важным шагом по интенсификации прямых межвузовских связей стали такие проекты, как учреждение ассоциаций профильных университетов России и Китая² и Форум ректоров высших учебных заведений Российской Федерации и Китайской Народной Республики³. На сегодняшний день функционируют 7 Ассоциаций университетов России и Китая, которые объединяют вузы как по принципу профильной ориентации, так и по географическому признаку (Ассоциация вузов Дальнего Востока и Сибири Российской Федерации и Северо-Восточных регионов Китайской Народной Республики). Это позволяет вузам-членам Ассоциаций напрямую создавать совместные научно-образовательные программы и курсы, проводить коллективные исследования и организовывать совместные мероприятия, что представляет несомненный интерес для участников образовательного процесса.

---

¹ Чжун э жэньвэнь цзяолу цичжи сяньму [Российско-китайские проекты в области гуманитарного взаимодействия [Russian-Chinese projects in the field of humanitarian cooperation]. China Education Association for International Exchange. Available at: <http://www.ceaie.edu.cn/zhongourenwenjiaoliu/176.html> (Accessed 02.06.2015) (In Chinese).

² The Protocol of the fifteenth session of the Russian-Chinese Commission for Humanitarian Cooperation. The official site of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Available at: <http://минобрнауки.рф/документы/5336/файл/4227/Protokol%202014.pdf> (Accessed 03.06.2015) (In Russian).

³ Rector Forum of Russian and Chinese Universities. The official site of the Lomonosov Moscow State University. Available at: http://www.msu.ru/news/forum_rektorov_vuzov_rossii_i_kitaya.html (Accessed 03.06.2015) (In Russian).

Масштабным и значимым проектом в сфере образования может стать первый совместный российско-китайский университет, который планируется открыть на территории китайской провинции Гуандун, в г. Шэньчжэнь. Ключевой задачей проекта является подготовка в Китае на основе лучших российских образовательных программ молодых высококвалифицированных специалистов, которые будут востребованы не только в России и Китае, но и во всем мире.

Для создания университета был выбран один из наиболее динамично развивающихся городов Китая, являющийся одной из его пяти специальных экономических зон (СЭЗ). Ряд иностранных государств также планирует в ближайшем будущем открыть совместные с Китаем университеты на его территории, среди которых университеты Беркли и Рочестера (США), Мельбурна и Квинсленда (Австралия), Глазго (Шотландия). Кроме того, вузы Германии, Великобритании и Дании также планируют реализовать подобные проекты¹. Можно предположить, что Шэньчжэнь в дальнейшем может стать крупнейшим международным университетским центром.

Следует отметить, что это будет не первое совместное высшее учебное заведение в практике российско-китайского образовательного сотрудничества. На базе Новосибирского государственного университета совместно с Хэйлуцзянским университетом действует Российско-китайский институт [Чжун э жэньвэнь хэцзо лиши... 2013: 96].

Примечательно, что идея создания совместных высших учебных заведений получает достаточно широкое распространение. Владивостокский государственный университет экономики и сервиса и Чаньчуньский университет Гуанхуа планируют открыть Международный институт Северо-Восточной Азии, в котором будут готовить специалистов в области экономики, менеджмента, информационных технологий, дизайна, туризма и др.² Китайский народный университет (г. Пекин) и Санкт-Петербургский государственный университет также рассматривают возможность создания совместного высшего учебного заведения³.

Стоит отметить, что политика Пекина по созданию с иностранными партнерами совместных учебных заведений находится в русле китайской государственной стратегии «заимствования» (иньцзиньлай). Это позволяет Китаю импортировать высококачественные ресурсы в области высшего образования. К тому же китайские вузы главным образом стремятся развивать сотрудничество с ведущими мировыми университетами, обладающими высокой репутацией в академическом мире [Iftekhar, Kayombo 2015: 9].

Эксперты подчеркивают, что одной из характерных черт интернационализации и глобализации высшего образования стала практика открытия в развива-

---

¹ Two diplomas in pocket. Informational portal "Russia in BRICS". Available at: <http://www.brics.mid.ru/brics.nsf/WEBNovstart/C325786100462DFE43257E5000723690> (Accessed 04.06.2015) (In Russian).

² Garusova L. Foreign students in Russian universities. Available at: http://www.vvsu.ru/analytic/article/10742369/larisa_garusova_professor_vgues (accessed 05.06.2015) (In Russian).

³ Kolesnikova K. Find your student. Leading universities enter new intellectual markets. Available at: <http://www.rg.ru/2014/11/26/vuz.html> (Accessed 05.06.2015) (In Russian).

ющихся странах филиалов университетов из развитых стран, которые привлекают студентов в основном за счет использования собственного «бренда» [University Expansion in a Global Changing Economy... 2013: 18]. США, Австралия и ряд европейских государств уже открыли на территории КНР 7 совместных университетов и 40 институтов [Mei Wu, Shengbing Li 2015: 29]. Помимо образовательной миссии, такого рода проекты способствуют процессам «вестернизации» и «американизации» китайского общества, становясь эффективным инструментом «мягкой силы». России важно активнее использовать подобную форму сотрудничества. Ведь это позволит не только повысить конкурентоспособность российского образования, но и транслировать собственную культуру, язык, ценности и образ жизни китайской аудитории.

Наряду с двусторонними проектами Россия и Китай развивают сотрудничество в области образования в многостороннем формате. Важной задачей данного направления сотрудничества является создание единого образовательного пространства, как между Россией и Китаем, так и на разных геополитических пространствах. В настоящее время успешным российско-китайским многосторонним образовательным проектом является Университет ШОС (УШОС).

Университет ШОС — это амбициозный проект, одна из самых масштабных инициатив в мире по интеграции образовательной и научной школы на широком геополитическом пространстве. Эксперты называют Университет ШОС примером транснациональной корпорации университетов — международным университетским комплексом (МУК) [Шитов 2013: 35].

Университет уже объединяет в себе 82 ведущих вуза стран-участниц ШОС¹ и реализует подготовку магистров по семи направлениям². Он представляет стратегический интерес для России и Китая. УШОС служит хорошей площадкой для популяризации русского языка и демонстрации потенциала российского образования. В то же время, как отмечает эксперт Е.И. Сафронова, сохранение общего культурно-образовательного пространства с центральноазиатскими странами — это главный гуманитарный интерес России в ШОС [Сафронова 2014: 187]. Для китайской стороны проект важен с точки зрения обучения китайских граждан по представляющим стратегический интерес для дальнейшего экономического развития страны специальностям, среди которых экология, энергетика, IT-технологии, нанотехнологии, экономика. При этом УШОС — это новый инструмент укрепления взаимоотношений Китая со странами Центральной Азии. Эксперт И.Е. Денисов подчеркивает, что в связи со сменой приоритетных направлений внешней политики КНР на первый план выходит периферийная дипломатия, т.е. отношения Китая с соседями по региону [Денисов 2015].

При этом существует ряд важных на данный момент неразрешенных проблем. Китайский эксперт Цао Чжи относит к таковым прежде всего то, что системы образования государств — членов УШОС, их методики и условия обучения в зна-

---

¹ Asadullin R.M. VII Education Week of SCO Member States “Education without Borders”. Available at: <http://www.ufa2015.ru/media/articles/882/> (Accessed 20.06.2015) (In Russian).

² I see in the SCO University spiritual and educational foundation of the SCO space. Official informational portal of SCO. Available at: <http://infoshos.ru/ru/?idn=14196> (Accessed 21.06.2015) (In Russian).

чительной степени отличаются друг от друга. И такое положение дел, по мнению эксперта, приводит к тому, что большое количество реципиентов образовательных услуг достаточно тяжело адаптируются к новой образовательной среде.

К тому же Цао Чжи выделяет, что на данный момент недостаточно полно проработана правовая база, отсутствует ряд важных нормативных документов, детально регламентирующих весь процесс обучения. В связи с этим возникают проблемы с перезачетом учебных дисциплин, их содержанием и качеством преподавания.

Наряду с этим, как подчеркивает эксперт, достаточно большое число студентов при обучении в вузе-партнере не имеют научных руководителей, что не позволяет им полноценно и качественно исследовать свою научную проблему. И, таким образом, обучение в вузе-партнере превращается в обычный студенческий обмен. Эксперт Цао Чжи полагает, что для решения данных проблем необходимо более детально проработать нормативно-правовую базу, модернизировать модель и методику обучения, непрерывно увеличивать количество реципиентов образовательных услуг по линии УШОС. Помимо этого, эксперт предлагает уделять большее внимание страноведческой подготовке студентов, что в дальнейшем позволит им лучше адаптироваться к условиям проживания и обучения на территории иностранного государства [Cao Zhi 2014: 221].

Другим российско-китайским многосторонним проектом в сфере образования является Сетевой Университет БРИКС (УБРИКС), договоренность о создании которого была достигнута в марте 2015 г.¹ Это свидетельствует о взаимном и целенаправленном движении стран-участниц объединения к созданию единого образовательного пространства БРИКС.

Безусловно, государства БРИКС обладают целым рядом благоприятных факторов для интеграции, к которым эксперты относят взаимодополняемость экономик, наличие общих внутренних и внешних приоритетов развития [Уянаев 2014: 304].

Тем не менее, выстраивание архитектуры единого образовательного пространства — достаточно непростая задача. В отличие от ШОС, страны БРИКС прошли разный исторический путь становления национальной системы образования. Ввиду культурно-цивилизационных [Уянаев 2014: 304], географических и исторических различий образовательные системы стран БРИКС имеют больше отличий, нежели общих точек соприкосновения.

Ф. Альтбах отмечает, что Бразилия, Россия, Индия и Китай находятся на периферии глобальной системы высшего образования, а их академические системы остаются «гигантскими периферийными зонами». В то же время эксперт подчеркивает, что они выступают как крупные региональные образовательные центры, поскольку большинство студентов, обучающихся в их высших учебных заведениях, — это выходцы из соседних государств [Altbach 2016: 49—50]. Такая же ситуация характерна и для ЮАР, которая занимает лидирующие позиции в облас-

---

¹ The decision to create the League universities and the Network University BRICS. The official site of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Available at: <http://минобрнауки.рф/с/новости/5235> (Accessed 25.06.2015) (In Russian).

ти образования на африканском континенте. Однако уровень развития ее системы образования тоже значительно уступает уровню развитых стран [Sintayehu Kassaye Alemu 2013]. Ф. Альтбах считает, что общей задачей стран объединения является поиск баланса между стремлением получить международное признание и сохранением региональных и национальных особенностей собственных академических культур [Altbach 2016: 49—50]. Можно предположить, что при достижении данного баланса и соединив сильные стороны национальных систем образования стран БРИКС можно создать хорошую платформу для удовлетворения потребностей как каждой из сторон, так и всего объединения.

***

Представляется важным отметить, что на данный момент Россия и Китай реализуют совместные проекты в области высшего образования преимущественно учебного типа, тогда как недостаточно развитыми пока остаются исследовательские, инновационные, инвестиционные и комбинированные образовательные проекты. По общему числу совместных образовательных программ с Китаем Россия занимает пятое место, уступая Австралии, Великобритании, США и Канаде. Причем количество совместных программ между КНР и Австралией с Великобританией более чем в 2,5 раза больше, чем у России. Что касается совместных программ бакалавриата, то Россия занимает третью позицию.

При этом необходимо констатировать, что в числе отправляющихся на обучение в Россию китайских студентов есть достаточно немалый процент молодых людей, которые не сдали в Китае государственный экзамен «гаокао» для поступления в высшие учебные заведения. Уровень их подготовки не только по русскому языку, но и по другим учебным предметам недостаточен для получения высшего образования [Zhang Kaiyuan 2013: 809].

Значительное отставание по числу совместных программ наблюдается по направлениям магистратуры, аспирантуры и докторантуры, т.е. постдипломного образования, а также среди программ профессионально-технической подготовки¹. Так, например, на данный момент формально существуют лишь две совместные российско-китайские аспирантуры: между МГУ им. М.В. Ломоносова и Пекинским университетом и между Дальневосточным федеральным университетом и Хэйлунцзянским университетом. Уровень функционирования данных аспирантур крайне низок [Маслов 2009: 141].

Помимо этого, одной из основных причин обучения китайских граждан в российских учебных заведениях по-прежнему является низкая стоимость обучения по сравнению с такими странами, как США, страны Европейского Союза, Япония, Австралия, Новая Зеландия². России важно утвердиться в глазах китайских гражд-

---

¹ Chan J. Transnational education in China // Higher Education Funding Council for England. Available at: <http://blog.hefce.ac.uk/2014/11/27/transnational-education-in-china/> (Accessed 20.06.2015).

² Borisenko O.A., Zhang Y. Features of cooperation between Russia and China in the field of joint educational programs // *Politics, State and Law*. 2015. № 1. Available at: <http://politika.snauka.ru/en/2015/01/2245> (Accessed 22.06.2015).

дан как стране с качественным, доступным и современным образованием. Это в свою очередь позволит постепенно повысить стоимость обучения. Ведь не стоит забывать, что уровень финансирования науки и образования в России в 15 раз ниже, нежели в развитых странах [Эдвардс, Осипова 2011: 14].

Приток китайских студентов даст возможность российским вузам несколько снизить зависимость от государственных ассигнований и привлечь дополнительные внешние средства на развитие собственной научной и социальной инфраструктуры. Что в конечном итоге будет способствовать повышению их конкурентоспособности на международном рынке образовательных услуг. При этом, в процессе продвижения на китайский рынок российского интеллектуального капитала, могут быть созданы российские интеллектуальные бренды, которые в дальнейшем будут способствовать укреплению позиций российских образовательных учреждений и продвижению их интересов на мировом образовательном рынке.

Следует отметить, что для успешной реализации образовательных проектов необходимы специалисты в сфере проектного менеджмента и управления проектами. Одной из основных проблем, возникающих на пути создания совместных образовательных программ, является отсутствие у сотрудников учебных заведений необходимых навыков и компетенций для организации подобной формы сотрудничества. Наряду с этим необходимо также продвигать инновационные технологии в процесс обучения — популяризовать дистанционное образование, создавать российско-китайские электронные образовательные платформы, так как не все вузы в состоянии предоставить всю необходимую социальную инфраструктуру для обучающихся.

Вместе с тем важной задачей является участие в разработке совместных образовательных проектов представителей коммерческих кругов. Необходимо проанализировать потребности бизнес-структур, чтобы в рамках совместных проектов в области образования осуществлялась подготовка специалистов по направлениям, представляющим общий интерес для коммерческих кругов России и Китая. Важно создать цепочку «образование — наука — производство», которая бы конвертировала полученные в процессе обучения знания в научные разработки с последующим их внедрением в совместное российско-китайское производство. Таким образом, бизнес-структуры двух стран выступали бы заказчиками и спонсорами совместных образовательных проектов, как это происходит в рамках сотрудничества Китая с рядом стран Европы и США.

Важно подчеркнуть, что преимущество совместных международных проектов в области образования заключается в консолидации усилий и ресурсов разных государств для решения актуальных задач, представляющих взаимный интерес для каждой из сторон. Это отвечает мировым тенденциям в сфере образования и служит эффективным инструментом «мягкой силы». Можно с уверенностью заявить, что такая форма взаимодействия уже доказала свою востребованность и потенциал в контексте развития совместных российско-китайских научно-образовательных инициатив.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Будажанова Б.Б., Фен Шисюань* Роль программы двойного дипломирования в высшем образовании (на примере России и Китая) // *Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра*. 2015. № 16—2. С. 81—86.
- [2] *Денисов И.Е.* Путешествие на запад // *Россия в глобальной политике*. 2015. № 1. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Puteshestvie-na-zapad-17315> (дата обращения: 12.06.2015).
- [3] *Го Ли и др.* Чжун э жэньвэнь хэцзо лиши юй сяньши. [Китайско-российское гуманитарное сотрудничество: история и современность]. Харбин: Хэйлуцзян дасюэ чубаньшэ, 2013. № 10.
- [4] *Интернационализация российских вузов: китайский вектор* / Н.Е. Боровская (рук.) и др.; гл. ред. И.С. Иванов. М.: Спецкнига, 2013.
- [5] *Куликова Г.В.* Россия — Китай: Народная дипломатия. М.: ИД «ФОРУМ», 2012.
- [6] *Ли Ли* Чжун э люсюэ цзяоюй хэцзо дэ чжаньлюэ юй цяньцзин // Чжун э чжаньлюэ хобань дуйхуа: сяньчжуан, вэньти, цзяньи. [Стратегия и перспективы развития китайско-российского сотрудничества в области образования иностранных студентов // Китайско-российский диалог стратегического партнерства: современное положение, проблемы и предложения]. Чжунян бяньи чубаньшэ, 2014. С. 256—269.
- [7] *Маслов А.А.* Россия-Китай: этапы и проблемы образовательного обмена в XX—XXI вв. // *Сотрудничество России и КНР в сфере образования: анализ прошлого и перспективы будущего* / Под ред. Н.Е. Боровской. М.: НИТУ «МИСиС», 2009. С. 133—159.
- [8] *Сафронова Е.И.* Значение гуманитарного сотрудничества стран ШОС и интересы России // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. М.: ИДВ РАН, 2014. Вып. XIX. С. 183—203.
- [9] *Торкунов А.В.* Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // *Вестник МГИМО (У)*. 2012. № 4 (25). С. 85—93.
- [10] *Уянаев С.В.* БРИКС: этапы становления и российско-китайское взаимодействие // *Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко*. М.: ИД «ФОРУМ», 2014.
- [11] *Формирование компетентности ученого для международной научной проектной деятельности* / Н.М. Эдвардс, С.И. Осипова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2011.
- [12] *Шутов С.Б.* Мировая глобализация образовательного пространства как основа создания международных университетских комплексов (социально-философский анализ) // *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 1. С. 34—36.
- [13] *Altbach F.G.* *Global Perspectives on Higher Education*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2016.
- [14] *Borisenko O.A., Zhang Y.* Features of cooperation between Russia and China in the field of joint educational programs // *Politics, State and Law*. 2015. № 1 [Online]. Available at: <http://politika.snauka.ru/en/2015/01/2245> (Accessed 12 June 2015).
- [15] *Cao Zhi* A Review of the SCO's Education Collaboration in 2013. Annual Report on the Shanghai Cooperation Organization (2014). Social Sciences Academic Press (China), 2014.
- [16] *Carnoy Martin, Loyalka Prashant, Dobryakova Maria* (Eds) *University Expansion in a Global Changing Economy: Triumph of the BRICs*. Stanford University Press, 2013.
- [17] *Coombs P.H.* *The World Crisis in Education: the view from the eighties*. New York: Oxford University Press, 1985.
- [18] *Iftekhar S.N., Kayombo J.J.* Chinese-Foreign Cooperation in Running Schools (CFCRS): A policy analysis // *International Journal of Research Studies in Education*. 2016. Vol. 5. No. 4. P. 73—82.
- [19] *Mei Wu, Shengbing Li* Cross-Border Higher Education Institutions in Mainland China: A developmental perspective // *Higher Education Forum*. 2015. Vol. 12. P. 23—35.

- [20] *Sintayehu Kassaye Alemu* Global University Rankings and African Universities. Centre for European Policy Studies (CEPS), [Online]. Available at: http://unike.au.dk/fileadmin/www.unike.au.dk/African_universities_and_Global_Ranking.pdf (Accessed 12 June 2015).
- [21] *Zhang Kaiyuan, Yu Zixia* (Eds) *The History of Chinese Student Study Abroad*. Beijing: Social sciences academic press (China), 2013.

Дата поступления статьи: 30.11.2015

Для цитирования: Медяник Е.И. Совместные образовательные проекты как инновационная форма сотрудничества России и КНР в XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2016. № 1. С. 54—64.

JOINT EDUCATIONAL PROJECTS AS AN INNOVATIVE FORM OF COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN THE XXI CENTURY

E.I. Medyanik

Department of Theory and History of International Relations
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho- Maclay st., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article describes the Russian-Chinese joint projects in the field of higher education as an innovative form of cooperation between the two countries in the new millennium. The author stresses that, in general, these projects are educational, while still not sufficiently developed research, innovation, investment and combined educational projects. But, despite this, there has been clear progress in relations between the two countries in this field. However, the author shows the growing role of international educational projects as an important and effective instruments of «soft power». At the same time, the research also showed that Sino-Russian educational projects are divided not only into bilateral but also into multilateral projects. That, in turn, allows Russia to promote their own culture and educational services in the different geopolitical regions that are the region of SCO and BRICS. Accordingly, increasing the attractiveness of culture and education will promote a positive image of Russia in the international arena. The author defines the Russian interests, problems and perspectives in the field of Russian-Chinese joint projects in the field of higher education.

Key words: Russia; China; joint projects in the field of higher education; «soft power»; the integration processes in the field of education; intellectual capital; educational services market.

REFERENCES

- [1] Altbach F.G., 2016. *Global Perspectives on Higher Education*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- [2] Borisenko O.A., Zhang Y., 2015. Features of cooperation between Russia and China in the field of joint educational programs. *Politics, State and Law*. No. 1 [Online]. Available at: <http://politika.snauka.ru/en/2015/01/2245> (Accessed 12 June 2015).
- [3] Budazhapova B.B., Fen Shisyuan', 2015. Rol' programmy dvojnogo diplomirovaniya v vysshem obrazovanii (na primere Rossii i Kitaya) [The role of the dual certification program in higher education (Russia and China)] *Rossiya i Kitai: problemy strategicheskogo vzaimodeistviya: sbornik Vostochnogo tsentra*. No. 16—2. P. 81—86.
- [4] Cao Zhi, 2014. A Review of the SCO's Education Collaboration in 2013. *Annual Report on the Shanghai Cooperation Organization (2014)*. Social Sciences Academic Press (China). P. 221.

- [5] Carnoy, Martin, Loyalka, Prashant, Dobryakova, Maria (Eds), 2013. *University Expansion in a Global Changing Economy: Triumph of the BRICs*. Stanford University Press.
- [6] Coombs P.H., 1985. *The World Crisis in Education: the view from the eighties*. New York: Oxford University Press.
- [7] Denisov I.E., 2015. Puteshestvie na zapad [Journey to the West]. *Rossiya v global'noi politike*. No. 1 [Online]. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Puteshestvie-na-zapad-17315> (Accessed 12 June 2015).
- [8] Guo Li, etc., 2013. *Sino-Russian humanitarian cooperation: Past and Present*. Harbin: Heilongjiang daxue chubanshe. No. 10.
- [9] Iftekhhar S.N., Kayombo J.J., 2016. Chinese-Foreign Cooperation in Running Schools (CFCRS): A policy analysis. *International Journal of Research Studies in Education*. Vol. 5. No. 4. P. 73—82.
- [10] *Internatsionalizatsiya rossiiskikh vuzov: kitaiskii vector* [The internationalization of the Russian high schools: Chinese vector], 2013 / N.E. Borevskaya (ruk.) and others; chief ed. I.S. Ivanov. Moscow: Special book.
- [11] Li Li, 2014. Strategy and prospects for the development of Sino-Russian cooperation in the field of education of foreign students // *The Sino-Russian strategic partnership dialogue: current situation, problems and suggestions*. Zhongyang bianyi chubanshe. P. 256—269 (in Chinese).
- [12] Kulikova G.V., 2012. *Rossiya — Kitai: Narodnaya diplomatiya* [Russia — China: People's Diplomacy]. Moscow: ID «FORUM».
- [13] Maslov A.A., 2009. *Rossiya-Kitai: etapy i problemy obrazovatel'nogo obmena v XX—XXI vv.* [Russia-China: the stages and problems of educational exchange in XX—XXI centuries.] *Sotrudnichestvo Rossii i KNR v sfere obrazovaniya: analiz proshlogo i perspektivy budushchego*. Ed. by N.E. Borevskaya. Moscow: NITU «MISiS». P. 133—159.
- [14] Mei Wu, Shengbing Li, 2015. Cross-Border Higher Education Institutions in Mainland China: A developmental perspective. *Higher Education Forum*. Vol. 12. P. 23—35.
- [15] Safronova E.I., 2014. Znachenie gumanitarnogo sotrudnichestva stran ShOS i interesy Rossii [The importance of humanitarian cooperation of the SCO member states and Russian interests]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'*. Moscow: IDV RAN. No. XIX. P. 183—203.
- [16] Torkunov A.V., 2012. Obrazovanie kak instrument «myagkoi sily» vo vnesheinei politike Rossii [Education as an instrument of “soft power” in Russian foreign policy]. *Vestnik MGIMO (U)*. No. 4 (25). P. 85—93.
- [17] Uyanaev S.V., 2014. BRIKS: etapy stanovleniya i rossiisko-kitaiskoe vzaimodeistvie [BRICS: stages of formation and Russian-Chinese cooperation]. *Kitai na puti k vozrozhdeniyu. K 80-letiyu akademika M.L. Titarenko*. Moscow: ID «FORUM».
- [18] *Formirovanie kompetentnosti uchenogo dlya mezhdunarodnoi nauchnoi projektnoi deyatelnosti* [Formation of competence of the scientist to the international scientific project activity]. 2011 / N.M. Edvards, S.I. Osipova. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t.
- [19] Shitov S.B., 2013. Mirovaya globalizatsiya obrazovatel'nogo prostranstva kak osnova sozdaniya mezhdunarodnykh universitetskikh kompleksov (sotsial'no-filosofskii analiz) [World globalization of educational space as the basis for establishing international university complexes (social-philosophical analysis)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. No. 1. P. 34—36.
- [20] Sintayehu, Kassaye Alemu. *Global University Rankings and African Universities*. Centre for European Policy Studies (CEPS) [Online]. Available at: http://unike.au.dk/fileadmin/www.unike.au.dk/African_universities_and_Global_Ranking.pdf (Accessed 12 June 2015).
- [21] Zhang, Kaiyuan, Yu, Zixia (Eds), 2013. *The History of Chinese Student Study Aboard*. Beijing: Social sciences academic press (China).

For citations: Medyanik E.I. Joint Educational Projects as an Innovative Form of Cooperation between Russia and China in the XXI Century. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 16. No. 1 (March 2016). Pp. 54—64.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРОДВИЖЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ

К.В. Саяпина

Кафедра маркетинга
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются ведущие международные практики формирования и продвижения инновационных кластеров. Исследуется текущий российский опыт построения стратегии продвижения существующих различных типов инновационных кластеров. В конце статьи представлены основные принципы реализации стратегии продвижения, направленной на повышение конкурентоспособности функционирования инновационного кластера в целом — это аспект открытости к интеграции новых потенциальных участников; механизм сетевого управления; следование единой стратегии развития кластера, основным акцентом которой является технологический рост; активное внешнее сотрудничество на межрегиональном и международном уровне.

Ключевые слова: инновационный кластер, инновационная политика, технологические платформы, стратегии продвижения, конкурентоспособность.

Рост конкурентоспособности на основе преимуществ, являющихся результатом деятельности кластеров, на сегодняшний день стал решающим фактором распространения принципов кластерной политики в рамках ведения инновационных процессов в различных странах мира. Результативность инновационной модели экономического развития наблюдается в динамично развивающихся и экономически развитых странах (США, государства ЕС, Израиль, Китай, Япония), активно использующих кластерные механизмы формирования экономики. Соответствующим образом, модель реализации инновационного кластера является наиболее эффективным и динамичным способом быстрой коммерциализации продуктов и услуг и получения высоких конкурентных преимуществ на глобальном рынке.

Для оценки передового опыта их формирования и продвижения необходимо провести концептуальный анализ инновационных кластеров как таковых, принци-

пов их продвижения, а также исследовать успешные примеры международного опыта, при помощи метода анализа ситуации, прогностического метода, метода контент-анализа в контексте анализа процесса принятия решений.

Основной задачей статьи является исследование зарубежного опыта становления инновационных кластеров, принципов стратегии их продвижения, с целью последующей его адаптации в рамках российских реалий.

На сегодняшний день существует много классификаций инновационных кластеров по различным параметрам, разработанные рядом специалистов в области кластерной политики. Так, представителями традиционного регионального подхода на основе внешних эффектов масштаба производства являются специалисты теории размещения производства [Launhardt 1993: 208], [Weber 2015: 296], теории региональной специализации [Ohlin 1967: 340], [Heckscher 2009: 438], теории автаркии Больших пространств [List 2011: 514], концепции полицентрического развития геополитических регионов и равновесия геостратегических сил [Cohen 2014: 504], теории инноваций [Schumpeter 1982: 244], концепции полюса роста [Perroux 2010: 221], [Boudeville 1966: 208], [Richardson 1973: 274]).

Основными направлениями теории внутренних факторов развития кластера является преимущественно теория кластеризации экономики [Porter 1998: 397], [Marshall 1997: 319], [Rosenfeld 2012: 418], [Pottier 1963: 32], [Enright 2001: 25], [Шишков 2008: 17], [Цихан 2003: 22], [Раевский, Винокурова 2007: 4], [Гранберг 2003: 496], [Рыгалин 2006: 3].

Таким образом, инновационный кластер — это группа различных типов организаций — инновационных стартапов; малых, средних и крупных предприятий, а также научно-исследовательских центров — действующих в определенной области, где стимулирование к ведению инновационной деятельности происходит путем постоянного активного взаимодействия, совместного пользования имеющимися ресурсами, обмена знаниями и опытом, а также благодаря передаче технологических особенностей, системности и распространению информации среди всех участников кластера, в рамках существующего и развивающегося инновационного потенциала.

ФОРМИРОВАНИЕ И ПРОДВИЖЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ ЗА РУБЕЖОМ

Основные принципы формирования и последующего продвижения инновационных кластеров в странах мира представляют собой следующее:

— ядром кластера преимущественно выступает научный центр либо университет;

— основными участниками инновационного кластера являются крупные и малые промышленные компании, а также вспомогательные организации инфраструктуры;

— уровень государственной поддержки, в основном, значительный.

Инновационный кластер г. Олбани (штат Нью-Йорк), играющий лидирующую роль в сфере нанотехнологий, является ярким примером эффективно раз-

вивающегося инновационного кластера: доминирующие компании в области высоких технологий и нанотехнологий, образовательные учреждения и научные центры, исследовательские организации и необходимые инфраструктурные подразделения — все это находится в так называемой Технической долине США (Tech Valley).

Формирование кластера происходило по принципу концентрации вокруг научного центра — центра нанотехнологий Колледжа нанотехнологий и науки (CNSE's Albany NanoTech Complex), который представляет собой интегрированную систему исследования, развития и обучения, а также разработки и создания прототипов в наносфере, и обеспечивает необходимой стратегической поддержкой крупные промышленные компании (такие, как IBM, Intel, GlobalFoundries, SEMATECH, TSMC, Toshiba, Applied Materials, Tokyo Electron, ASML, Novellus Systems) и малые исследовательские предприятия «нового поколения»¹. Инструментами продвижения и поддержки, используемыми данным центром, служит всестороннее внешнее сотрудничество, в том числе и активная помощь со стороны федеральных и региональных властей, система бизнес-инкубаторов, разработка пилотных прототипов, а также постоянное совершенствование технологий в рамках кластера.

В странах ЕС основополагающая роль в процессе формирования и продвижения инновационных кластеров принадлежит государственным органам управления. Это проявляется на трех уровнях организации промышленных связей: макроуровень (организация и координация «Европейских технологических платформ» (European Technology Platforms), а также последующее развитие «Совместных технологических инициатив» (Joint Technology Platforms), построенных по сетевому принципу); мезоуровень (создание крупных государственных центров и ассоциаций, благодаря которым обеспечивается промышленное сотрудничество и взаимодействие на межгосударственном уровне в рамках ЕС); микроуровень (формирование объединений в поддержку научно-производственных связей на отдельных территориях и регионах стран ЕС). В странах ЕС при формировании инновационных кластеров значимую роль в контексте финансирования играют частные компании (более 50%).

Система формирования и продвижения инновационных кластеров в Японии имеет схожую структуру с США: доминирующую роль играет поддержка 14 крупных национальных университетов и исследовательских институтов. Однако малые предприятия, стартапы и поддержка региональных властей не столь значимы. Основополагающую роль играет Министерство экономики, торговли и промышленности (Ministry of Economy, Trade and Industry — METI), принявшее государственную инициативу по формированию инновационных кластеров (Knowledge Cluster Initiative), программу по развитию городских агломераций (City Area Program), а также проект по формированию промышленных инновационных кластеров (Industrial Cluster Project). Важной чертой процесса создания и продвижения

---

¹ College of Nanoscale Science and Engineering, Suny Polytechnic Institute. Available at: <http://www.sunycnse.com/Home.aspx> (Accessed 20.03.2016).

инновационных кластеров здесь является сотрудничество со странами ЕС (совместные проекты, организация конференций и форумов, обмен знаниями и технологиями, создание совместных комиссий независимых экспертов).

Активный рост инновационных кластеров также отмечается и в Индии. Большой вклад в данный процесс вносится со стороны государственной федеральной и региональной власти. Тем не менее, большинство участников инновационных кластеров состоит из малых предприятий и инновационных компаний.

В Израиле в контексте создания инновационных кластеров активно развивается государственно-частное партнерство. С каждым годом увеличивается число международных компаний — участников кластера, за счет которого продвигаются результаты деятельности кластеров. Это частично объясняется принятием и развитием государственной инициативы по активному привлечению ведущих международных промышленных предприятий, исследовательских институтов и научных организаций.

В Китае модель формирования и продвижения инновационных кластеров строится на основе делового сотрудничества при руководящей роли государства. Тем не менее, более приоритетным направлением развития является поиск и последующий рост инновационного потенциала в уже существующих промышленных кластерах, опираясь на экономические успехи государственных зон технико-экономического развития и других льготных образований (технопарки, зоны высоких технологий и др.)¹.

В странах СНГ доминирующую роль играют государственные программы по формированию и поддержке инновационных кластеров: например, государственная программа по форсированному индустриально-инновационному развитию (Казахстан), концепция развития инновационного предпринимательства (Молдова), государственная программа по развитию науки, инноваций и содействию технологической модернизации (Казахстан). Огромное значение придается построению международного сотрудничества (в первую очередь с Россией). Однако в некоторых государствах (Беларусь, Молдова) понятие «инновационный кластер» еще только начинает вводиться, и формирование его происходит более медленными темпами, на уровне государственных законопроектов и инициатив.

РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ПРОДВИЖЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ

В России в настоящее время развивается многоуровневая мультиструктурная система формирования инновационных кластеров, и в ней присутствует большинство моделей, активно используемых в других странах. Тем не менее, среди основных типов инновационных кластеров необходимо выделить следующие.

1. Инновационные территориальные кластеры: были сформированы в первом полугодии 2012 г. на основе конкурсного отбора Рабочей группы по развитию

---

¹ Ministry of Science and Technology of the People's Republic of China. Available at: <http://www.most.gov.cn/eng> (Accessed 20.03.2016).

частно-государственного партнерства в инновационной сфере при Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям по критериям научно-технологического, образовательного и производственного потенциала кластера; уровню развития инфраструктуры, а также уровню организационного развития кластера в целом. Продвижение данного типа кластеров проводится на основе следующих инструментов:

— инвестирование в инфраструктуру (инвестиционные программы компаний с государственным участием, государственные программы, федеральные целевые программы, индустриальные парки Министерства промышленности и торговли);

— развитие инновационной инфраструктуры (технопарки Министерства коммуникаций и связи, программа поддержки сектора малых и средних предприятий Министерства экономического развития, наноцентры группы Роснано, инжиниринговые центры Министерства образования и науки и Министерства промышленности и торговли);

— поддержка «потока проектов» (фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, венчурные фонды ОАО «РВК», Фонд «Сколково», Фонд «ВЭБ Инновации», ФГАУ «Российский Фонд Технологического Развития»);

— развитие компетенций (президентские программы подготовки управленческих и инженерных кадров, «Глобальное образование» Агентства стратегических инициатив).

2. Общенациональные технологические платформы: являются результатом инициативы Минэкономразвития России в 2010 г. Представляют собой инструмент по концентрации усилий для формирования перспективных коммерческих технологий, новых продуктов и услуг, а также для привлечения финансирования исследований и разработок.

3. Особые экономические зоны: регулируются обширной нормативно-правовой базой. Основной государственный орган руководства и контроля — Минэкономразвития. Располагаются в крупных научно-исследовательских центрах, обладающих высоким потенциалом. Первостепенными преимуществами для инвесторов ОЭЗ являются доступ к быстро развивающемуся российскому рынку информационных технологий и НИОКР; высококвалифицированные специалисты; высокий потенциал сотрудничества с научными и исследовательскими центрами; бизнес-инкубаторы для стартап-проектов.

4. Региональные кластеры Минэкономразвития: активно используются в настоящее время в ходе реализации инновационной политики в стране. Наиболее ярким и значимым примером регионального кластера является инновационный центр «Сколково». Тем не менее, развитие данного кластера не в полной мере соответствует мировой традиции формирования инновационных кластеров: деятельность «Сколково» была инициирована 28 сентября 2010 г. федеральным законом ФЗ-244 «Об Инновационном Центре „Сколково“», а сам проект создания

Инновационного центра реализуется Фондом «Сколково» (фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий). В целом, среди всех региональных кластеров только 10—15% можно отнести к инновационным, и все они имеют скорее декларативный характер (например, кластер «Ракетное и авиационное двигателестроение» в Пермском крае)¹.

5. Другие модели: характеризуются «размытыми» принципами формирования и координации. Это могут быть кластеры на базе договоров о стратегическом партнерстве (например, консорциум по инициативе института катализа им. Г.К. Борескова СО РАН в Сибири), единичные примеры кластеров в рамках частных компаний. Что касается формирования инновационных кластеров в рамках российских государственных корпораций, то они очень незначительны, в развитии в настоящий момент находятся лишь отдельные случаи участия Росатома и Ростехнологий в проектах РОСНАНО.

Анализируя международный и российский опыт формирования инновационных кластеров, автор считает, что в российской практике в данном контексте существуют следующие актуальные проблемы:

— недостаточная поддержка на институциональном уровне (включая административную и экспертную): например, основными мерами государственной поддержки особых экономических зон являются только налоговые льготы, таможенные тарифы, а также создание общей первичной инфраструктуры;

— низкая степень конечной коммерциализации проектов (во многом декларативный характер деятельности кластеров);

— несовершенная система взаимосвязей между крупными и малыми предприятиями, участниками кластера с органами власти и независимыми экспертами.

Тем не менее, со стороны государственных органов власти проводится довольно активная политика по поддержанию процесса развития инновационных кластеров, а также их продвижению.

***

Таким образом, анализируя международный и российский опыт формирования и продвижения инновационных кластеров, автор считает необходимым выделить следующие ключевые тенденции.

1. Заимствование положительной зарубежной практики формирования и продвижения инновационных кластеров в России выражено неявным образом; данный процесс скорее имеет свой уникальный характер в силу специфических российских особенностей развития экономики.

2. Огромную роль начинает приобретать продуманная стратегия продвижения и формирования международного брендинга для развития инновационного

---

¹ Documents and recommendations in cluster policy realization in Russian Federation. Available at: <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/indexdocs> (Accessed 21.03.2016) (in Russian).

кластера. Положительный международный брендинг помогает привлекать ведущих специалистов по всему миру, которые предъявляют особые требования к известности, прозрачности, значимости, престижности работы, авторитету научных школ, поддержке социальных и политических лидеров.

3. Вследствие сложности и высокой динамичности процессов формирования и развития инновационного кластера в сфере высоких технологий механизм стратегии продвижения кластеров должен строиться на следующих принципах:

— открытость к интеграции новых участников, способность стимулировать их появление, привлекать новых участников, доноров, капиталы;

— организация управления по сетевому принципу: управление распределяется между различными по типу организациями, не являющимися непосредственными рыночными игроками (ассоциации, некоммерческие организации); в структуре кластера присутствуют специально сформированные совещательные органы («советы» и «секретариаты»); большой акцент ставится на сетевые коммуникации (интернет-порталы, периодические встречи по планированию и т.п.);

— существование общей стратегии развития кластера, которую возможно реализовать, даже если организационная структура кластера не представляет собой единую корпорацию. Для высокой эффективности деятельности кластера необходимо, чтобы данная стратегия соответствовала региональным программам развития страны;

— целенаправленность на технологический рост на основе проведения форвардных исследований и разработок (большинство динамично развивающихся инновационных кластеров в высокотехнологичных отраслях включено в передовые национальные и международные программы исследований);

— построение сотрудничества не только на локальном, но и на межрегиональном и международном уровнях (вхождение в состав «технологических платформ», включение в «национальные кластеры» и т.п.).

Таким образом, при грамотном и своевременном построении структуры менеджмента инновационного кластера можно максимизировать эффективность его работы, совершенствовать и ускорять процесс его развития благодаря принятию необходимых решений и гармоничному формированию необходимых внешних деловых отношений, и в значительной степени повысить конечную конкурентоспособность продуктов разработки и производства кластера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ-ВШЭ, 2003.
- [2] Раевский С.В., Винокурова Ю.В. Кластерная концепция организации структуры экономики регионов // Региональная экономика. 2007. № 7. С. 19—22.
- [3] Рыгалин Д.Б. Аспекты реализации кластерного подхода // ИнВестРегион. 2006. № 3. С. 60—63.
- [4] Цихан Т.В. Кластерная теория экономического развития // Теория и практика управления. 2003. № 5. С. 18—40.

- [5] *Шушков Ю.В.* Регионализация и глобализация мировой экономики: альтернатива или взаимодополнение? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2008. № 8. С. 3—20.
- [6] *Boudeville J.R.* Problems of Regional Economic Planning. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1966.
- [7] *Cohen S.B.* Geopolitics: the Geography of International Relations. PA: Rowman & Littlefield Publishers, 2014.
- [8] *Enright M.J.* Regional clusters: what we know and what we should know. Paper present at the Kiel Institute International Workshop on Innovation Clusters and Interregional Competition. 2001. № 12—13.
- [9] *Heckscher E.F.* The Continental System; an Economic Interpretation. Charlestone: Biblio-Bazaar, 2009.
- [10] *Launhardt W.* Mathematical Principles of Economics (Classics in the History of Economics). Cheltenham: Edward Elgar Pub, 1993.
- [11] *List F.* National System of Political Economy: The History (Three Volumes in One). New York: Cosimo Classics, 2011.
- [12] *Marshall A.* Principles of Economics (Great Minds Series). New York: Prometheus Books, 1997.
- [13] *Ohlin B.* Interregional and International Trade: Revised Edition. Massachusetts: Harvard University Press, 1967.
- [14] *Perroux F.* A New Concept of Development: Basic Tenets (Routledge Library Editions: Development). London: Routledge, 2010.
- [15] *Porter M.* Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors. London: Free Press, 1998.
- [16] *Pottier P.* Axes de communication et developement economique // *Revue economique*. 1963. Vol. 14. P. 63—95.
- [17] *Richardson H.W.* Regional Growth Theory. Macmillan, 1973.
- [18] *Rosenfeld S.A.* Competitive Manufacturing: New Strategies for Regional Development. New Jersey: CUPR/Transaction, 2012.
- [19] *Schumpeter J.A.* The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle (Social Science Classics Series). New Jersey: Transaction Publishers, 1982.
- [20] *Weber A.* Alfred Weber's Theory of the Location of Industries. London: Forgotten Books, 2015.

Дата поступления статьи: 21.10.2015

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Международный брендинг инновационных кластеров России», проект № 13-32-01034а1.

Для цитирования: *Саяпина К.В.* Международный и российский опыт формирования и продвижения инновационных кластеров // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения»*. 2016. № 1. С. 65—74.

INTERNATIONAL AND RUSSIAN EXPERIENCE IN FORMING AND PROMOTING INNOVATION CLUSTERS

K.V. Sayapina

The department of marketing
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 6 Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to analysis of peculiarities in forming and promoting Russian and international innovation clusters. Cluster's orientation to innovation is its significant feature: cluster approach is fully realized in many countries all over the world, because it is the cluster frames which increase opportunity of creating a unique innovation idea, together with speed and effectiveness of commercialization process. Innovation potential, sufficiency of production and distributional facilities, long-term management strategy, optimization of external and internal cluster connections are key features to provide competitive advantages of the innovation cluster.

In the article key principals of innovation cluster formation in the leading states are considered: the core of cluster is predominantly a scientific research center or higher institution, with large and small industrial companies as the cluster participants, with significant governmental support.

In the article the main tendencies of innovation cluster international development are underlined: companies' efforts to increase competitiveness on basis of vertical integration; horizontal integration as an attempt to decrease production costs through specialization improvement; conglomerate consolidation to take down risks through diversification; growth of transnational innovation clusters of the largest industrial companies to gain point on the global market.

Measures of forming efforts to effective promotion of innovation clusters on international markets are interaction of companies with specialized technological platforms, participation in federal and regional events to stimulate research and development activity; realization of permanent comparative analysis with leading foreign practices under key factors of development, and formation of innovation ecosystem, including business-incubators, accelerators, venture funds, personnel education and technological entrepreneurship in frames of cluster.

Key words: Innovation cluster, innovation policy, technological platforms, promotion strategies, competitiveness.

REFERENCES

- [1] Boudeville Jacques Raoul, 1966. *Problems of Regional Economic Planning*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- [2] Cohen Saul Bernard, 2014. *Geopolitics: the Geography of International Relations*. PA: Rowman & Littlefield Publishers.
- [3] Enright Michael J., 2001. Regional clusters: what we know and what we should know. *Paper present at the Kiel Institute International Workshop on Innovation Clusters and Interregional Competition*. No. 12—13.
- [4] Granberg A.G., 2003. *Osnovy regional'noi ekonomiki [Guidelines of regional economics]*. Moscow: GU-VshE.
- [5] Heckscher, Eli Filip, 2009. *The Continental System; an Economic Interpretation*. Charlestone: BiblioBazaar.
- [6] Launhardt Wilhelm, 1993. *Mathematical Principles of Economics (Classics in the History of Economics)*. Cheltenham: Edward Elgar Pub.

- [7] List Friedrich, 2011. *National System of Political Economy: The History (Three Volumes in One)*. New York: Cosimo Classics.
- [8] Marshall, Alfred, 1997. *Principles of Economics (Great Minds Series)*. New York: Prometheus Books.
- [9] Ohlin Bertil, 1967. *Interregional and International Trade: Revised Edition*. Massachusetts: Harvard University Press.
- [10] Perroux Francois, 2010. *A New Concept of Development: Basic Tenets (Routledge Library Editions: Development)*. London: Routledge.
- [11] Porter Michael, 1998. *Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors*. London: Free Press.
- [12] Pottier P., 1963. Axes de communication et development economique. *Revue economique*. Vol. 14. P. 63—95.
- [13] Raevskii S.V., Vinokurova Yu.V., 2003. Klasternaya kontseptsiya organizatsii struktury ekonomiki regionov [Cluster concept of regional economic structure organization]. *Regional'naya ekonomika*. No. 7. P. 19—22.
- [14] Richardson Harry W., 1973. *Regional Growth Theory*. Macmillan.
- [15] Rosenfeld Stuart A., 2012. *Competitive Manufacturing: New Strategies for Regional Development*. New Jersey: CUPR/Transaction.
- [16] Rygalin D.B., 2006. Aspekty realizatsii klasterного podkhoda [Aspects of cluster approach realization]. *InVestRegion*. No. 3. P. 60—63.
- [17] Schumpeter Josef A., 1982. *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle (Social Science Classics Series)*. New Jersey: Transaction Publishers.
- [18] Shishkov Yu.V., 2008. Regionalizatsiya i globalizatsiya mirovoi ekonomiki: al'ternativa ili vzaimodopolnenie? [Regionalization and globalization in global economics: is it an alternative or complementarity?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 8. P. 3—20.
- [19] Tsikhan T.V., 2003. Klasternaya teoriya ekonomicheskogo razvitiya [Cluster theory of economic development]. *Teoriya i praktika upravleniya*. No. 5. P. 18—40.
- [20] Weber Alfred, 2015. *Alfred Weber's Theory of the Location of Industries*. London: Forgotten Books.

Acknowledgments: This work was supported by Russian Humanitarian Science Foundation under scientific research project «International branding of innovation clusters», number 13-32-01034a1.

For citations: Sayapina K.V. International and Russian Experience in Forming and Promoting Innovation Clusters. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 16. No. 1 (March 2016). Pp. 65—74.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ

К.П. Курылев, В.С. Нарышкин,
Е. Озинковская, К.Х. Рахимов

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается роль и место ЕАЭС во внешнеполитической стратегии России. Авторы изучают особенности развития интеграции на пространстве СНГ, аргументируют ее особую значимость для России. В работе были выявлены экономические и политические интересы российского государства в ЕАЭС. Отмечается, что Россия стремится посредством углубления интеграционных процессов обеспечить себе и своим партнерам по интеграции возможность быть конкурентоспособными в современном турбулентном мире. Был проведен анализ значимости украинского фактора для развития интеграционных процессов в СНГ. Показано, что для успешного функционирования ЕАЭС, участие в нем Украины является необходимым условием с учетом потенциалов, которыми обладает украинское государство.

Ключевые слова: ЕАЭС, СНГ, интеграция, внешняя политика, Россия, Украина, национальные интересы.

Целью исследования является выявление и комплексное рассмотрение фактора ЕАЭС в обеспечении национальных интересов России. Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**: выявить общее и особенное в развитии интеграционных процессов в мире и в СНГ; изучить экономические и политические интересы России в ЕАЭС; оценить значение фактора участия или не участия Украины в проекте ЕАЭС.

Методология исследования определяется его целью и задачами, а также обусловлена подходом и научной позицией авторов. Исследование является междисциплинарным, и было реализовано на стыке истории, экономики, международных отношений, социологии и других наук. Такой подход позволяет наиболее всесторонне и объективно изучить предмет исследования. В методологическом плане исследование основывается на системном подходе к истории международных отношений и изучению интеграции в СНГ в формате ЕАЭС. Все рассматриваемые в статье события и процессы не только имеют причинно-следственную связь, но и связаны функционально. Для получения объективных результатов, использовался конкретно-исторический метод в сочетании со сравнительно-сопоставительным, на основе принципов компаративного критического анализа разнообразного корпуса источников.

Историография проблемы. Необходимость всестороннего изучения заявленной проблематики предопределила обращение к ряду историографических блоков на русском и английском языках. К *первой группе* относятся труды С.А. Кулика [Кулик, Спартак, Юргенс 2010], И.Н. Руденкова [Руденков 2013], О. Oliker [Oliker, Chivvis, Crane, Tkacheva, Boston 2015], J. Roberts [Roberts, Cohen, Blaisdell 2013]

и др., которые позволили рассмотреть особенности развития интеграционных процессов в СНГ и их важность для России. *Вторую группу* составляют исследования Т. Бордачева [Бордачев 2015], К.П. Курылева [Курылев, Станис 2015], И. Тимофеева [Тимофеев, Алексеенкова 2015] и др., посвященные евразийской интеграции и направлениям ее развития. В работах, которые относятся к *третьей группе*, непосредственно рассматривается интеграция в ЕАЭС, ее актуальные проблемы, перспективы, угрозы, с которыми она сталкивается. Среди авторов назовем О.В. Буторину [Буторина, Захаров 2015], Н.С. Зиядуллаева [Зиядуллаев 2015], А. Кнобеля [Кнобель 2015], Б. Хейфеца [Хейфец 2015], В. Balci [Balci, Kassimova 2015], О. Shumylo-Tapiola [Shumylo-Tapiola 2012] и др. Эти блоки охватывают широкую исследовательскую проблематику — от теоретических до прикладных аспектов развития интеграции на пространстве бывшего Советского Союза.

В современном мире интеграционные процессы носят всеобъемлющий характер. Выделяют ряд факторов, служащих основой для развития интеграции: общие границы и доступ к природным ресурсам; относительно одинаковый уровень экономического развития; этноконфессиональная близость; наличие экологических проблем; сходство политических режимов; необходимость совместной борьбы с общими вызовами и угрозами. Вместе с тем интеграция в СНГ имеет и особые черты: 1) наличие системного социально-экономического кризиса в бывших советских республиках в момент обретения ими суверенитета, становления национальной государственности, демократизации общественной жизни, формирования рыночной экономики, определения внешнеполитических приоритетов; 2) различные уровни экономического развития участников; 3) наличие одного центра (России), определяющего ход интеграции; 4) наличие более привлекательных (в сравнении с Россией) центров притяжения вне СНГ; 5) наличие замороженных конфликтов.

СНГ — стратегически важный для России регион, необходимый для восстановления потенциала глобального актора, обеспечения национальной безопасности, поддержания устойчивого развития. В Концепции внешней политики России указано, что «приоритетными направлениями российской внешней политики являются развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами — участниками СНГ, дальнейшее укрепление СНГ — основы укрепления регионального взаимодействия его участников, имеющих не только общее историческое наследие, но и обширный потенциал интеграции в различных сферах»¹.

«Динамичные общественно-политические и социально-экономические процессы в СНГ заставляют обратиться к его особенностям развития для того, чтобы определить возможные варианты будущего региона. Задача состоит в том, чтобы понять логику происходящих на евразийском пространстве процессов интеграции и дезинтеграции» [Курылев 2015: 14].

Развитие интеграции в СНГ имеет долгую историю. В разные годы здесь возникали и развивались различные объединения: ЕврАзЭС, Таможенный союз,

---

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F.

Союзное государство России и Белоруссии, ОДКБ. Сегодня наиболее успешно функционирующее образование в СНГ — ЕАЭС с участием России, Белоруссии, Казахстана, Армении и Киргизии. «Евразийская интеграция — это новая форма экономического сотрудничества. К целям евразийской интеграции следует отнести обеспечение интересов ее участников, их стремление к успешному социально-экономическому развитию, которое способствует улучшению уровня жизни людей» [Курылев 2015: 14].

Страны — участницы СНГ долгое время входили в сферу влияния России. Между ними имеется историческая, географическая, экономическая, культурная, языковая общности, что придает их отношениям особый характер. ЕАЭС для России — это средство для создания фундамента, который позволит усилить ее влияние в мире в качестве доминантной державы. Рассмотрим экономические и политические интересы России в ЕАЭС.

Среди **экономических интересов России в ЕАЭС** отметим следующие.

1. *Увеличение ресурсного потенциала России за счет доступа к минерально-сырьевым запасам стран — участниц ЕАЭС.* Это позволяет России усилить позиции на мировых рынках сырья и сохранить собственный ресурсный потенциал, так как после распада СССР Россия утратила доступ к большинству месторождений хромовой и марганцевой руды, титана, свинца, урана, цинка, молибдена и других металлов [Хейфец 2015: 12]. Особый интерес для России здесь представляет Казахстан.

Таблица 1

Природные ресурсы России и Казахстана

Наименование	Уран (запасы в т) ¹	% от мировых запасов	Нефть (запасы в млрд баррелей) ²	% от мировых запасов	Запасы природного газа (трлн м ³) ³	% от мировых запасов	Запасы угля (млн т) ⁴	% от мировых запасов
Россия	505,900	9	103,2	6,1	49,541.0	17,4	157.010	17,61
Казахстан	679,300	12	30,0	1,8	1,929.0	0,8	33.600	3,77
Всего	1185,2	24	133,2	7,9	51,929.0	18,2	190.610	21,38

Источники: ¹ World nuclear association 2013. Available at: <http://www.world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/uranium-resources/supply-of-uranium.aspx> (Accessed: 02.03.2016). ² BP Statistic Review of World Energy, June 2015. Available at: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2015/bp-statistical-review-of-world-energy-2015-full-report.pdf> (Accessed: 02.03.2016). ³ Ibid. ⁴ Ibid.

2. *Человеческие ресурсы участников ЕАЭС.* В экономическом пространстве России оптимально должно размещаться 280—300 млн человек. Тогда наша страна получает серьезные преимущества в международном разделении труда. В СССР проживало 288 млн человек — это оптимальная величина для эффективного экономического пространства, а теперь в два раза меньше, чем нужно. То есть нужна интеграция, объединение разрозненных после распада СССР потенциалов его бывших республик, в первую очередь России, Украины, Казахстана и Белоруссии.

Приведем данные по странам ЕАЭС из Индекса развития человеческого капитала ПРООН, опубликованного в 2015 г.

Таблица 2

Социально-экономические показатели стран — участниц ЕАЭС

Участники ЕАЭС	Место в мире	Индекс человеческого развития	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (в годах)	Ожидаемая продолжительность обучения (в годах)	Средняя продолжительность обучения (в годах)	ВВП на душу населения (в долл. США)	Изменение рейтинга
Белоруссия	50	0,798	71,3	15,7	12,0	16,676	14
Россия	50	0,798	70,1	14,7	12,0	22,352	-1
Казахстан	56	0,788	69,4	15,0	11,4	20,867	-1
Армения	85	0,733	74,7	12,3	10,9	8,124	22
Киргизия	120	0,655	70,6	12,5	10,6	3,044	29

Источник: Human development index and its components, United Nations development programme, 2015. Available at: <http://hdr.undp.org/en/composite/HDI> (Accessed: 24.02.2016).

Страны — участницы ЕАЭС относятся к государствам с высоким уровнем человеческого развития. Только Киргизия занимает строчку среди государств со средним уровнем показателей в данной области. Таким образом, ЕАЭС с «его 182,5 миллионным населением»¹ и высоким индексом развития человеческого капитала имеет огромный потенциал экономического роста, в чем заинтересована Россия.

3. *Выстраивание прочного экономического фундамента со всеми участниками ЕАЭС.* Россия занимает доминирующее положение в ЕАЭС, представляя собой экономического гиганта по сравнению с остальными. Об этом свидетельствуют статистические данные (см. таблицы № 3, № 4 ниже), показывающие, что Россия по параметрам занимает доминирующее положение по сравнению с другими участниками ЕАЭС.

Таблица 3

Основные показатели стран — участниц ЕАЭС

Участники ЕАЭС	Население ¹ (млн чел.)	Территория ² (кмл)	ВВП ³ (млрд долл.)
Армения	3,018	29 800	24,3
Беларусь	9,496	207 600	172
Казахстан	17,625	2 766 890	419
Кыргызстан	5,940	198 500	19,4
Россия	143,457	17 124 442	3745
ЕАЭС	179,536	20 327 232	4379,7

Источники: ¹United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Prospects: The 2015 Revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/DVD/> (Accessed: 27.02.2016).

²Всемирная география — WorldGeo. URL: <http://worldgeo.ru/lists/?id=2> (дата обращения: 27.02.2016). ³The World Bank. GDP, PPP Data. Available at: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD?order=wbapi_data_value_2014+wbapi_data_value+wbapi_data_value-last&sort=desc (Accessed: 28.02.2016).

На ее долю приходится более 70% [Кулик 2010: 7] совокупного регионального ВВП, а также 76—77% добычи в нефти и газа, более $\frac{2}{3}$ [Кулик 2010: 7] общего экспорта в сфере товаров и услуг.

¹ Евразийский экономический союз. Общая информация. URL: <http://www.eaeunion.org/#about> (дата обращения: 24.02.2016).

Таблица 4

Промышленность стран — участниц ЕАЭС

Участники ЕАЭС	Производство стали ¹ (млн т/год)	Добыча жел. руд. ² (тыс. т/год)	Запасы угля ³ (% от мировых запасов)
Армения	н/д	< 10 или 0	< 0,01% или 0
Беларусь	2,513	< 10 или 0	< 0,01% или 0
Казахстан	3,681	26	3,8%
Кыргызстан	н/д	< 10 или 0	< 0,01% или 0
Россия	71,461	105	17,6%
ЕАЭС	77,655	131	21,4%

Источники: ¹WorldSteelAssociation. Crude steel production 1980—2014. Available at: <http://www.worldsteel.org/dms/internetDocumentList/statistics-archive/production-archive/steel-archive/steel-annually/steel-annually-1980-2014/document/steel%20annually%201980-2014.pdf> (Accessed: 28.02.2016), ²U.S. Geological Survey. Available at: <http://www.usgs.gov/> (Accessed: 01.03.2016), ³BP Statistical Review of World Energy. June 2015. Available at: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2015/bp-statistical-review-of-world-energy-2015-coal-section.pdf> (Accessed: 27.02.2016).

Из таблицы 5, составленной на основе данных Всемирного Банка, виден экономический спад в России, Белоруссии, Казахстане по ВВП (% в год), произошедший в странах ЕАЭС в последние два года.

Таблица 5

Динамика ВВП стран — участниц ЕАЭС

Участники ЕАЭС	2011 г. (%/год)	2012 г. (%/год)	2013 г. (%/год)	2014 г. (%/год)	2015 г. (%/год)
Россия	4,3	3,4	1,3	0,6	-2,7
Белоруссия	5,5	1,7	1,1	1,0	-3,5
Казахстан	7,5	5,0	6,0	4,4	0,9
Киргизия	6,0	-0,1	10,9	3,6	2,1
Армения	4,7	7,2	3,3	3,5	2,1

Источник: The World Bank. GDP growth data. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (Accessed: 21.02.2016).

Это произошло за счет того, что спрос на отечественные товары рынка России резко сократился, произошла девальвация национальных валют стран — участниц ЕАЭС, идет спад в инвестиционной сфере. На Россию оказывается политико-экономическое давление со стороны Запада из-за событий на Украине, введены санкции, что привело к обострению экономической ситуации как в России, так и в других странах ЕАЭС. В подобных условиях Москве необходимо приспособить свою экономику к кризисным условиям, сделать ее эффективнее. Россия должна прибегнуть к проведению политики, сочетающей элементы прагматизма и гибкости, направленной на развитие экономических и инфраструктурных программ, как внутри государства, так и в странах-участницах ЕАЭС [Тимофеев 2015: 51]. Основным ключом к эффективности является повышение конкурентоспособности на глобальном рынке.

4. *Использование транзитного потенциала ЕАЭС.* Россия заинтересована в преодолении отсталости партнеров по объединению. Его участникам нужно использовать транзитные возможности евразийского пространства для расширения рынка собственных товаров за счет доставки их грузов, и дать толчок к развитию

своих территорий. В данном контексте важными являются договоренности России и КНР о координации связей между ЕАЭС и Экономическим поясом Шелкового пути (ЭПШП). В рамках сотрудничества ЕАЭС-ЭПШП России нужно взять курс на то, чтобы расширить поле взаимодействия ЕАЭС и КНР на сферы, которые пока не входят в компетенцию наднациональных органов ЕАЭС, максимально учесть национальные приоритеты стран-участниц и избежать «растаскивания» взаимодействия с Китаем по двусторонним линиям [Бордачев 2015: 196].

5. *Установление экономических связей с третьими странами посредством ЕАЭС.* Такая необходимость вызвана изменением географии внешнеэкономических связей России, направленной на их диверсификацию и усиление азиатского вектора в условиях обострения ее отношений с Западом.

Россия стремится к укреплению как своей экономики, так и стран ЕАЭС. Москва создает систему безопасности в областях, носящих стратегический характер, что позволяет усилить ее влияние в Евразии и в мире. Однако интеграция осложняется политикой, проводимой Западом по отношению к России и ведущемуся ею процессу интеграции. В условиях конфронтации с Западом развитие ЕАЭС является одним из важнейших инструментов для реализации национальных интересов России.

Политические интересы России в ЕАЭС имеют разную направленность. Одним из векторов является закрепление ее роли в качестве евразийской державы. Россия имеет интересы в каждом из субрегионов ЕАЭС. Расширение организации путем включения в нее новых участников — одна из важнейших задач. Факт присоединения Киргизии и желание вступить Таджикистана говорят о привлекательности ЕАЭС для стран Центральной Азии. Их вступление благоприятно влияет на обеспечение геополитических интересов России и ослабляет внерегиональных акторов, США и ЕС. Из таблиц 6 и 7 виден потенциал ЕАЭС в случае его дальнейшего расширения.

Таблица 6

Основные показатели потенциальных членов ЕАЭС

Наименование	Население ¹ (млн)	Территория ² (км ²)	ВВП ³ (млрд долл.)
ЕАЭС сегодня	179,536	20 327 232	4379,7
Кандидат на вступление			
Таджикистан	8,482	143 100	22,3
ЕАЭС + Таджикистан	188,018	20 470 332	4402
Возможные партнеры			
Азербайджан	9,754	86 600	167
Туркменистан	5,374	488 100	82,1
Узбекистан	29,893	447 400	171
ЕАЭС + возможные партнеры	224,557	21 349 332	4799,8

Источники: ¹United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Prospects: The 2015 Revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/DVD/> (Accessed: 28.02.2016). ²Всемирная география — WorldGeo. URL: <http://worldgeo.ru/lists/?id=2> (дата обращения: 01.03.2016), ³The World Bank. GDP, PPP Data. Available at: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD?order=wbapi_data_value_2014+wbapi_data_value+wbapi_data_value-last&sort=desc (Accessed: 28.02.2016).

Промышленность потенциальных членов ЕАЭС

Наименование	Производство стали ¹ (млн т/год)	Добыча жел. руд. ² (тыс. т/год)	Запасы угля ³ (% от мировых запасов)
ЕАЭС	77,655	131	21,4%
Кандидат на вступление			
Таджикистан	н/д	< 10 или 0	< 0,01% или 0
ЕАЭС + Таджикистан	77,655	131	21,4%
Потенциальные участники			
Азербайджан	н/д	60	< 0,01% или 0
Туркменистан	н/д	< 10 или 0	< 0,01% или 0
Узбекистан	н/д	< 10 или 0	< 0,01% или 0
ЕАЭС + возможные партнеры	77,655	191	21,4%

Источники: ¹WorldSteelAssociation. Crude steel production 1980—2014. Available at: <http://www.worldsteel.org/dms/internetDocumentList/statistics-archive/production-archive/steel-archive/steel-annually/steel-annually-1980-2014/document/steel%20annually%201980-2014.pdf> (Accessed: 28.02.2016). ²U.S. Geological Survey. Available at: <http://www.usgs.gov/> (Accessed: 01.03. 2016). ³BP Statistical Review of World Energy. June 2015. Available at: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2015/bp-statistical-review-of-world-energy-2015-coal-section.pdf> (Accessed: 28.02.2016).

С другой стороны, вовлечение слабых участников в интеграционный проект может негативно сказаться на нем, так как нарушается один из ключевых принципов интеграции — объединение государств с примерно равными уровнями экономического развития. Получается, что геополитическая целесообразность берет верх над геоэкономическими реалиями.

Среди других политических интересов России выделим налаживание предсказуемого и стабильного сотрудничества в областях, имеющих стратегический характер: оборонной, атомной, авиационной и ракетно-космической. ВПК России является наиболее развитым, тем самым наша страна способна удовлетворять военно-технические потребности своих союзников. Путем усиления интеграции в ЕАЭС сотрудничество по атомной энергетике также имеет возможность начать развиваться интенсивнее.

Еще один интерес России — формирование национальной элиты в странах СНГ и ЕАЭС. Наша страна имеет для этого сильные инструменты — русский язык и культуру. Основная ставка должна делаться на образование и экспорт услуг в данной сфере. Так, в 2008 г. Россия выступила инициатором создания Сетевого университета СНГ. В нем участвуют вузы из Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Молдавии, России, Таджикистана и Украины. Цель — кооперация в сфере высшего образования в СНГ.

Однако на пути реализации подобных интересов России стоит политика коллективного Запада (США и ЕС), направленная на противодействие процессам реинтеграции. В Стратегии национальной безопасности России 2015 г. говорится, что «позиция Запада, направленная на противодействие интеграционным процессам и создание очагов напряженности в Евразийском регионе, оказывает негативное влияние на реализацию российских национальных интересов»¹. Как видно,

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683.

цели Запада носят антироссийский характер и создают угрозу национальным интересам и безопасности России. Любые интеграционные процессы, происходящие с ее участием, невыгодны США и ЕС, так как они усиливают влияние Москвы.

Завершая рассмотрение политических интересов России в ЕАЭС, отметим, что для нашей страны ЕАЭС является инструментом, который она использует для усиления влияния в Евразии. Это необходимо из-за постоянной конкуренции с внерегиональными акторами за влияние в этом регионе. Россия, активизируя политику интеграции, также укрепляет свои позиции в мире.

На пути обеспечения экономических и политических интересов России в ЕАЭС лежит немало и других трудностей и препятствий, среди которых не последнее место занимает *влияние украинского фактора*.

Геополитическое положение Украины характеризуется рядом преимуществ: географическое положение, размер территории, численность населения, обладание разнообразными природными ресурсами. Страна справедливо считается выгодной транзитной зоной для пассажирских, грузовых и энергетических потоков, что превращает ее в важнейшее геоэкономическое звено.

Украина — это одно из государств основателей СНГ, стоявших у его истоков. Можно сказать, что в момент создания Содружества возобладали именно «украинская концепция» интеграции, которая предопределила аморфность СНГ, нежелание реализовывать в широком формате глубокую интеграцию, отсутствие наднациональных органов и пр.

Украина всегда представляла для России зону стратегических интересов, потому что является буферным государством, что важно для безопасности нашей страны. Через ее территорию пролегают важнейшие пути поставок углеводородов в ЕС. Для России, стремящейся восстановить свою сферу влияния в Евразии, Украина играла ключевую роль, так как была второй по величине экономикой, а без ее участия интеграционные процессы принимали неустойчивый характер [Shutylo-Tariola: 4]. Еще до создания ЕАЭС Россия стремилась вовлечь Украину в интеграционные проекты в СНГ. В данном контексте следует вспомнить концепт ЕЭП и Таможенный союз. Киев должен был стать важным партнером России и в проекте ЕАЭС.

Данные таблиц 8 и 9 подтверждают, что участие Украины улучшило бы общие показатели ЕАЭС в случае ее присоединения к организации.

Таблица 8

Основные показатели ЕАЭС и Украины

Наименование	Население ¹ (млн)	Территория ² (кмл)	ВВП ³ (млрд долл.)
ЕАЭС сегодня	179,536	20 327 232	4379,7
Утраченный партнер			
Украина	44.824	577 353	371
ЕАЭС + Украина	224.360	20 904 585	4750,7

Источники: ¹United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Prospects: The 2015 Revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/DVD/> (Accessed: 28.02.2016).

²Всемирная география – WorldGeo. URL: <http://worldgeo.ru/lists/?id=2> (дата обращения: 01.03.2016). ³The World Bank. GDP, PPP Data. Available at: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD?order=wbapi_data_value_2014+wbapi_data_value+wbapi_data_value-last&sort=desc (Accessed: 28.02.2016).

Промышленность ЕАЭС и Украины

Наименование	Производство стали ¹ (млн т/год)	Добыча жел. руд. ² (тыс. т/год)	Запасы угля ³ (% от мировых запасов)
ЕАЭС	77,655	131	21,4%
Утраченный партнер			
Украина	27,170	82	3,8%
ЕАЭС + Украина	104,825	213	25,2%

Источники: ¹WorldSteelAssociation. Crude steel production 1980-2014. Available at: <http://www.worldsteel.org/dms/internetDocumentList/statistics-archive/production-archive/steel-archive/steel-annually/steel-annually-1980-2014/document/steel%20annually%201980-2014.pdf> (Accessed: 28.02.2016). ²U.S. Geological Survey. Available at: <http://www.usgs.gov> (Accessed: 01.03. 2016). ³BP Statistical Review of World Energy. June 2015. URL: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2015/bp-statistical-review-of-world-energy-2015-coal-section.pdf> (Accessed: 28.02.2016).

Несмотря на то, что участники ЕАЭС заявляют об открытости своих действий и декларируют добрые намерения, Запад продолжает расценивать процесс евразийской интеграции в духе холодной войны [Курылев 2015: 17]. США всегда пытались предотвратить любые интеграционные процессы на пространстве СНГ, за счет которых Россия могла бы укрепить свое геополитическое положение. «Мы отмечаем некий сдвиг в сторону повторной советизации региона... Мы знаем, в чем заключается цель, и мы стараемся разработать эффективные способы того, как замедлить это или предотвратить это»¹, — заявила в 2012 г. госсекретарь США Х. Клинтон.

Следствием подобных действий стал кризис на Украине. В феврале 2014 г. в стране произошел переворот, приведший к власти националистов-радикалов. Он повлек за собой геополитическую декомпозицию Украины, ввергнул ее в гражданскую войну. Для страны эти события стали переломными. Выбор властей Киева в пользу национально-идентификационного проекта развития привел к краху прежнюю внешнеполитическую концепцию и утверждению новой, альтернативной по своей сути. Украина весь постсоветский период балансировала между Россией и Западом, резко изменила вектор внешней политики и взяла четкий евроатлантический курс.

Украина имеет огромное значение для России не только по оборонным и экономическим, но и по идеологическим причинам. Без нее ослабевает идея реинтеграции на постсоветском пространстве. Связка России и Украины должна была стать опорной конструкцией успешного интеграционного объединения на постсоветском пространстве [Зиядуллаев 2015: 12].

Кроме того, в результате украинских событий интеграция пошла по другому «руслу», чем было задумано первоначально. Казахстан и Беларусь, опасаясь доминирования России, согласились лишь на экономическое объединение, в результате чего и был создан ЕАЭС. Подобные действия в полной мере нельзя назвать воплощением идей, озвученных Н. Назарбаевым в 1994 г. в стенах МГУ, так как тогда речь шла как об экономической интеграции, так и политической.

¹ Клинтон: США не допустят возрождения СССР. 7 декабря 2012. URL: <http://russian.rt.com/article/1787> (дата обращения: 03.03.2016)

События на Украине, вызвавшие конфронтацию между Россией и Западом, а также падение мировых цен на нефть спровоцировали экономический кризис не только в России, но и в странах ЕАЭС в целом. Экономическая рецессия затронула все государства объединения [Буторина 2015: 60]. Не исключено, что в случае сохранения негативной тенденции, связанной с последствиями санкций и кризиса, участники ЕАЭС могут ввести защитные меры, пока не стабилизируется ситуация в российской экономике, что поставит крест на проекте евразийской интеграции.

Итак, евразийская интеграция представляется весьма противоречивой. С одной стороны, процесс ее реализации развивается, ЕАЭС прирастает новыми членами. С другой стороны, потеряв в качестве партнера Украину, возможности объединения стали значительно меньше. Без участия Киева ЕАЭС не способен стать в полной мере конкурентоспособной организацией, а ее участники могут оказаться в числе государств «догоняющего» типа. Да и перспектива создания зоны свободной торговли «от Лиссабона до Владивостока», озвученная В. Путиным еще в 2011 г.¹, кажется призрачной.

Таким образом, интересы России в ЕАЭС направлены на усиление ее влияния в Евразии, а учитывая потенциал региона, то и в мире в целом. Без полноценного, эффективного и самостоятельного интеграционного объединения России сложно вернуть себе роль глобального актора. Ее экономика слаба, а ресурсы ограничены. Но, в формате ЕАЭС наша страна может восстановить свои возможности. В этой связи Москва и стремится укрепить ЕАЭС как в экономическом, так и политическом плане. Действуя таким образом, Россия обеспечивает свои жизненно важные интересы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Бордачев Т.* Новое евразийство — как сделать сопряжение работающим // *Россия в глобальной политике*. 2015. № 5. С. 194—204.
- [2] *Буторина О.В., Захаров А.В.* О научной основе Евразийского экономического союза // *Евразийская экономическая интеграция*. 2015. № 2 (27). С. 52—68.
- [3] *Зиядуллаев Н.С.* Формирование Евразийского экономического союза: риски и шансы в период турбулентности // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2015. № 5. С. 3—18.
- [4] *Кнобель А.* Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия // *Вопросы экономики*. 2015. № 3. С. 87—108.
- [5] *Кулик С.А., Спартак А.Н., Юргенс И.Ю.* Экономические интересы и задачи России в СНГ. М.: Институт современного развития, 2010.
- [6] *Курьлев К.П., Станис Д.В.* Процесс развития евразийской интеграции: история, современные проблемы и перспективы // *Современная наука*. 2015. № 2. С. 13—18.
- [7] *Руденков И.Н.* Особенности развития региональной интеграции на постсоветском пространстве // «*Науковедение*». 2013. Вып. 6. С. 1—8.
- [8] *Тимофеев И., Алексеев Е.* Геоэкономика Евразии. Взгляд из России // *Astana club*. 2015. С. 48—55.

---

¹ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. 3 октября 2011. URL: <http://izvestia.ru/news/502761> (дата обращения: 03.03.2016).

- [9] Хейфец Б. Евразийский экономический союз: новые вызовы для бизнеса // Общество и экономика. 2015. № 6. С. 5—22.
- [10] Balci B., Kassimova E. How Central Asian Republics Perceive the Emerging Eurasian Union. The Carnegie Endowment for the International Peace, January 24, 2015 [Online]. Available at: <http://carnegieendowment.org/2015/01/24/how-central-asian-republics-perceive-emerging-eurasian-union/i135> (Accessed 15 July 2015).
- [11] Olikier O., Chivvis C.S., Crane K., Tkacheva O., Boston S. Russian Foreign Policy in Historical and Current Context: A Reassessment. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2015. P. 1—32.
- [12] Roberts J.M., Cohen A., Blaisdell J. The Eurasian Union: Undermining Economic Freedom and Prosperity in the South Caucasus // Special Report. № 148. 2013. [Online]. Available at: <http://www.heritage.org/research/reports/2013/11/the-eurasian-union-undermining-economic-freedom-and-prosperity-in-the-south-caucasus> (Accessed 15 July 2015).
- [13] Shumylo-Tapiola O. Ukraine at the Crossroads: Between the EU DCFTA and Customs Union // Russia/NIS Center. IFRI-Paris, 2012. P. 1—27.

Дата поступления статьи: 22.12.2015

Для цитирования: Курылев К.П., Нарышкин В.С., Озинковская Е., Рахимов К.Х. Евразийский экономический союз во внешнеполитической стратегии России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2016. № 1. С. 75—86.

EAEU IN RUSSIAN FOREIGN POLICY STRATEGY

K.P. Kurylev, V.S. Naryshkin,
E. Ozinkovskaya, K.H. Rakhimov

Theory and History of International Relations Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article examines the role and the place of EAEU in the Russian foreign policy strategy. The Authors study features of development of integration in the space of the CIS, argue its special importance for Russia. In this study the economic and political interests of the Russian state in EAEU have been revealed. It is noted that Russia is seeking, through the deepening of integration processes, to ensure the opportunity for her and the partners to be competitive in today's turbulent world. The analysis of the importance of Ukrainian factor for the development of integration processes in the CIS was carried out. It is shown that for successful functioning of EAEU participation of Ukraine in this integration formation is a necessary condition, considering the potentials, which Ukraine possesses.

Key words: EAEU, CIS, integration, foreign policy, Russia, Ukraine, national interests.

REFERENCES

- [1] Balci Bayram, Kassimova Ekaterina, 2015. *How Central Asian Republics Perceive the Emerging Eurasian Union*. The Carnegie Endowment for the International Peace, [Online]. Available at: <http://carnegieendowment.org/2015/01/24/how-central-asian-republics-perceive-emerging-eurasian-union/i135> (Accessed 15 July 2015).

- [2] Bordachev T., 2015. Novoe evrazijskoe [New eurasianism — how to make interface working]. *Rossija v global'noj politike*. No. 5. P. 194—204.
- [3] Butorina O.V., Zaharov A.V., 2015. O nauchnoj osnove Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza [About a scientific basis of the Euroasian economic union]. *Evrazijskaja jekonomicheskaja integracija*. No. 2 (27). P. 52—68.
- [4] Hejfec B., 2015. Evrazijskij jekonomicheskij sojuz: novye vyzovy dlja biznesa [Euroasian economic union: new calls for business]. *Obshhestvo i jekonomika*. No. 6. P. 5—22.
- [5] Knobel' A., 2015. Evrazijskij jekonomicheskij sojuz: perspektivy razvitija i vozmozhnye prepyatstvija [Euroasian economic union: prospects of development and possible obstacles]. *Voprosy jekonomiki*. No. 3. P. 87—108.
- [6] Kulik S.A., Spartak A.N., Jurgens I.Ju., 2010. *Jekonomicheskie interesy i zadachi Rossii v SNG* [Economic interests and missions of Russia in the CIS]. Moscow: Institut sovremennogo razvitija.
- [7] Kurylev K.P., Stanis D.V., 2015. Process razvitija evrazijskoj integracii: istorija, sovremennye problemy i perspektivy [Development of the Euroasian integration: history, modern problems and prospects]. *Sovremennaja nauka*. No. 2. P. 13—18.
- [8] Olikier Olga, Chivvis Christopher S., Crane Keith, Tkacheva Olesya, Boston Scott, 2015. *Russian Foreign Policy in Historical and Current Context: A Reassessment*. Santa Monica, CA: RAND Corporation. P. 1—32.
- [9] Roberts James M., Cohen Ariel, Blaisdell Johnatan, 2013. The Eurasian Union: Undermining Economic Freedom and Prosperity in the South Caucasus. *Special Report*. No. 148 [Online]. Available at: <http://www.heritage.org/research/reports/2013/11/the-urasian-union-undermining-economic-freedom-and-prosperity-in-the-south-caucasus> (Accessed 15 July 2015).
- [10] Rudenkov I.N., 2013. Osobennosti razvitija regional'noj integracii na postsovetskom prostranstve [Features of development of regional integration at the former Soviet Union]. *«Naukovedenie»*. Vol. 6. P.1—8.
- [11] Shumylo-Tapiola O., 2012. Ukraine at the Crossroads: Between the EU DCFTA and Customs Union. *Russia/NIS Center*. IFRI-Paris. P. 1—27.
- [12] Timofeev I., Alekseenkova E., 2015. Geojekonomika Evrazii. Vzglyad iz Rossii [Goeconomy of Eurasia. A look from Russia]. *Astana club*. P. 48—55.
- [13] Zijadullaev N.S., 2015. Formirovanie Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza: riski i shansy v period turbulentnosti [Formation of the Euroasian economic union: risks and chances in the period of turbulence]. *Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik*. No. 5. P. 3—18.

For citations: Kurylev K.P., Naryshkin V.S., Ozinkowskaya E., Rakhimov K.H. Eurasian Economic Union in Russian Foreign Policy Strategy. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 16. No. 1 (March 2016). Pp. 75—86.

GEOGRAPHICAL AND POLITICAL FACTORS IN TRANSPORTATION OF CASPIAN OIL AND GAS FROM AZERBAIJAN AND KAZAKHSTAN

S. Huseynova

Theory and History of International Relations Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10A, Moscow, Russia, 117198

This article overviews the role of energy resources as a foreign policy tool in Azerbaijan and Kazakhstan cases. These countries are the key energy players in the region. The article tries to analyze and show the inside of the oil policy of Azerbaijan and Kazakhstan in the Caspian region and the related problems. The article shows that Azerbaijan and Kazakhstan face several limitations to using their energy potential to have independent foreign policies. The article explains the main assumptions of the theoretical approaches on oil politics with a particular emphasis on the Caspian region. In this regard, the article deals with different ways of policy. Finally, it intends to apply theoretical models to explain the role of hydrocarbons in Azeri and Kazakh foreign policies.

Key words: Energy, Oil Politics, Foreign Policy, Caspian Region, Azerbaijan, Kazakhstan.

One of the fundamental constraints for Azerbaijan to use hydrocarbons efficiently is the transportation problem. The neighboring Central Asia is a landlocked region and needs long pipelines for an outlet to the sea. Basic transport routes pass through Russia, Turkey, Iran, Afghanistan-Pakistan and China. Each route requires long pipelines, which can only be constructed with considerable international investment. Since the collapse of the Soviet Union, however, newly independent states have faced severe economic crises and limited revenues. Old fashioned methods and backwardness in technological innovation of these countries kept production on low levels. These shortcomings have prevented the better operation of fields and the delivery of Azeri and Kazakh hydrocarbons to global markets [Tekin, Walterova 2007: 176]. These countries are similar in many ways; the economy is mainly dependent on the development of oil and gas sector. The current situation in the world's economy is not encouraging and this is having a negative impact on individual economies [Donald 2014: 249]. In the short term, Europe's energy efficiency will play an increasing role in the development of the Caspian region [Gawdat 2004: 139].

One of the most significant factors that affects the transportation of the hydrocarbons is geography [Klare 2002: 187]. The problem of transporting oil and gas is an outcome of the region's geopolitical position. The development of the oil and gas potential of Azerbaijan and Kazakhstan depends on their pipeline politics [Olsem 2004: 40]. Yazdani (Professor, Director of the Al-Sabah Programme and Joint Director of the RCUK Centre for the Advanced Study of the Arab World in the School of Government and International Affairs, Special Advisor to the Islamic Criminal Justice Project in the Centre for Criminal Law & Justice) argues that Azerbaijan and Kazakhstan are not as lucky as the oil producers in the North Sea or the Gulf region to benefit from their energy reserves [Yazdani 2006: 197]. This has several reasons.

First, despite volatility in the oil prices that reached the 140 dollars limit in the last years, prices are likely to keep low in the foreseeable future [Inozemtsev 2009: 102]. This will lower commercial attractiveness of the Caspian oil relative to OPEC or North Sea oil, due to the higher production costs.

Second, high taxation of fossil fuels in the Western countries began to lower the demand for these fuels. This has also triggered the search for alternative energy sources such as renewable energy sources [Ismailov, Hasanov, Aliev 2010: 50]. Within this changing energy environment, the Caspian oil exporters may lose their significance due their relatively high production costs.

Third, OPEC producers (Kuwait, Qatar, Iraq and Iran) began to open their economies to foreign investments due to the increasing competition in the energy market. This will affect the transnational oil companies to prefer those regions due to lower prices.

Fourth, the increasing investments of the Western corporations in the Gulf region have decreased the production costs. Finally, as well as the Caspian region, non — OPEC producers in the Middle East, Africa and Latin America have become alternative energy suppliers for the global markets [Wendt 1992: 36]. This creates a serious competition in the energy market between these regions.

In a situation where the number of players has risen and the production and transport costs decreased thanks to the increasing competition of the market, geography becomes a key variable¹. The landlocked geographic position of Azerbaijan and Kazakhstan becomes one of the key obstacles to use their energy card efficiently and independently [Ghafouri 2008: 154]. Instead, they have remained dependent on transit states in order to supply the global energy demand. The geopolitics of the region has complicated the transportation of oil and gas from the Caspian Sea basin to the markets. Determination of the routes for flow of resources has therefore become a political issue. The rivalry over the pipeline routes promises economic and political gains for the countries that can use their resources effectively, while losers would be marginalized strategically [Alam 2002: 106].

Azerbaijan and Kazakhstan depend on Moscow until alternative transport routes are realized. Russia prefers northern routes in order to maintain its control over the pipeline infrastructure, which was originally constructed during the Soviet era. These routes extend from Baku to Novorossiysk and from Tengiz oil field in western Kazakhstan to Novorossiysk. The year 1991 was a crucial landmark for the Newly Independent States to gain their sovereign status and become equal members of the international community. Since then the United States, as a super power, kept an eye on the development processes of each ex- Soviet state, and particularly those of Central Asia [Kosayev 2009: 78]. Meanwhile, the US and the EU support Western routes to contain the Russian influence over the region. The primary objective of these actors is to bypass Iran and Russia. In 1997, the United States began to support the BTC (Baku-Tbilisi-Ceyhan) pipeline. This pipe-

---

¹ Worldwide Look at Reserves and Production. Available at: <http://www.ogj.com/articles/print/volume-112/issue-1/drilling-production/worldwide-look-at-reserves-and-production.html> (Accessed 02.03.2016).

line was supposed to connect (today connects) three countries: Azerbaijan, Georgia, and Turkey. Nowadays, it's the second-longest oil pipeline in the former Soviet Union, after the Drujba pipeline [Kashuro, Martushev, Rozanov 2015: 139].

There were two reasons, according to Olsen, that explain the American support for the BTC pipeline. First, the US ignored Iran as an alternative transport route. Second, it intended to minimize the role of Russia in the transport system [Olsen 2004: 40].

There are some favorable conditions that make Iran a possible central actor in the transportation of Caspian reserves. First is the geostrategic position of the country between the Caucasus, the Caspian Sea, Central Asia, the Persian Gulf, the Gulf of Oman, Turkey, Afghanistan and Pakistan. It can be the gateway for Caspian reserves to the open seas [Alam 2002: 106]. Further, Iran can deliver oil through swap agreements from Azerbaijan, Kazakhstan, and Turkmenistan to the global markets [Morgenthau 1985: 427]. This would enrich options of Azerbaijan and Kazakhstan for transportation. Rather than depending solely on Russia or the US controlled pipeline projects, there will be a third option to counterbalance the influence of Russia and the United States [Kashuro, Martushev, Rozanov 2015: 139].

The southern routes, supported by Iran and some major oil corporations, pass through Iran territory and terminate at the Persian Gulf. These are the shortest and cheapest routes. They pass through safer territories and carry less environmental risks [Yazdani 2006: 197]. As purely economic considerations, these routes offer the best options to transport Caspian hydrocarbons to the markets. The French oil firm "Total", in its report on transporting Kazakh oil, has also advocated that the cheapest and most rational route was going through Iran. However, the drawback of Washington about the political regime of the country delimited foreign policy choices of Kazakhstan in the field of energy [Suha 2005: 40]. However, the US opposes these routes due to the political and ideological controversies between Washington and Iran [Abushov 2009: 249]. Today a lot of controversy because of the way through Iran. What will be the situation after ten years it is a big question [Hlopov 2015: 96].

Under these circumstances, it becomes very difficult for Azerbaijan and Kazakhstan to choose the most suitable option to export their reserves and get the maximum utility. Hence, these countries depend on the Russian and Western oil firms, the latter mostly represented in the form of American oil corporations, in terms of their exploration and extraction of oil and gas. They have to consider the priorities of Russia and the US. As abovementioned, commercially, the Iran route would offer Caspian states an alternative to lower their dependence both on Russian and Western routes. The US, however would not allow Iran to increase its influence in the region. This has been the driving force behind the US policy towards the Caspian region. As a result, transportation problems prevent Baku and Astana to use their energy cards efficiently in foreign policy-making [Bauyrzhan 2014: 107]. Although they possess considerable amounts of oil and gas, they could not have delivered their resources independent of transit countries and those which control the pipeline infrastructure of the region. Thus, transportation problem has been one of the key barriers against Azerbaijan and Kazakhstan to use their reserves independently.

According to Waltz (an American political scientist who was a member of the faculty at both the University of California, Berkeley and Columbia University and one

of the most prominent scholars in the field of international relations), the security of states depends on providing a balance of power in the system. The stability of the system is ensured by balancing and counter balancing that occur regularly [Waltz 1979: 251]. In this regard, the Nagorno-Karabakh conflict can be considered as a matter of two major powers, the US and Russia.

These two states try to balance and counterbalance each other in the Caspian region, where a power vacuum occurred after the collapse of the Soviet Union [Rosenkvist 2005: 87]. Regarding Kazakhstan, Russian policy on the country and Astana's efforts to counterbalance the Russian influence with new dependencies on the European, the American and also Chinese partners has been a case for the approach. Within this context, Azerbaijan and Kazakhstan have become subordinated to the outcomes of the rivalry between two major powers. Thus, the system level is suitable to study the frozen conflicts within the region, such as the Nagorno-Karabakh conflict [Tekin, Williams 2009: 307].

Current strategy of the US towards the Caspian region is to encourage them to prefer routes that bypass Iran territories strengthen the role of Turkey as a regional power and to preserve the political and economic autonomy of Azerbaijan and Kazakhstan¹. In a neorealist manner, Washington tries to form a new balance of power in the region. According to the report of the Atlantic Council of US on Iran-United States relations, "the political support that the Clinton administration gave to the Baku-Ceyhan pipeline should be examined in this context: It helped Turkey, penalized Iran, and could reduce Russian influence in the Caspian region" [Akgun 2008: 194].

Since the beginning of the Caspian oil boom more than decade ago, Ankara has been attempting to play a significant role in the transport of strategic raw materials on the East-West route. The extraordinarily favorable position of the Asia Minor peninsula offers great transit potential for raw materials from the Caspian Sea, Russia and even the Persian Gulf/Middle East and Northern Iraq. Although the leading role in Turkish-EU energy cooperation is currently being played by the Brussels Flagship different pipeline projects [Souleimanov, Kraus 2012: 208].

This article examines the role of oil and gas in foreign policies of two countries separately. First, it deals with Azerbaijan. In the post-independence period, it was not an easy task for Azerbaijan to play its energy card. The country could not achieve a quick escape from Moscow influence. The first president Mutallibov was a pro-Russian politician. The next president, Elchibey pursued a pro-Turkish strategy and demanded Russian soldiers to leave the Azerbaijan territory for an absolute independence. This resulted in a decline in relations with Russia. Mutallibov compensated for its pro-Russian policy and Elchibey for anti-Russian policy by losing their presidencies. As a result, Azerbaijan compensated for these unstable policies by losing a large part of its territory [Ismailov, Hasanov, Aliiev 2010: 50]. Heydar Aliyev pursued a pro-Russian policy. However, this strategy did not fix the relations with Moscow. Then, in 1994, Aliyev turned to the West and started negotiations with the Western oil MNCs [Tekin, Williams 2009: 307]. This move has been an obligatory result of the political dynamics rather

---

¹ Worldwide Look at Reserves and Production. Available at: http://www.bits.de/public/documents/iran/0107-Thinking_Beyond_Stalemate_U.S.-Iranian_Relations.pdf (Accessed 01.03.2016).

than a voluntary choice. Political concerns began to dominate the energy strategy of the country. Azerbaijan had to get closer to the West, because it had to deal with security, ethnic and territorial concerns. These concerns obliged Azerbaijan to formulate a new foreign policy agenda, which enables to maintain closer relations with the US, the EU and Turkey. This new agenda intends to deal with more oil MNCs, to export more oil and gas, and not to antagonize Russia. Nevertheless, security concerns dominate foreign policy-making in the country. Baku still suffers from a regional frozen conflict, which poses a serious threat to its national security: the Nagorno-Karabakh [Nagiyev 2014: 87]. As a result, energy politics has been subordinate to security problems and political conflicts.

When compared with Azerbaijan, Kazakhstan has a more limited and constrained foreign policy agenda. The integration of Kazakhstan to the global economy has been limited, too [Alymkulova 2015: 357]. A reason for this is the Russian factor. Kazakhstan is severely restrained by Moscow in its foreign policy choices. For the most part, this pressure has been economic [Abushov 2009: 249]. The situation stems from the maintenance of the Soviet nomenklatura, which has been influential in preserving the economic, financial, institutional and political relations between two countries. The ability of Russian government and businesspeople to manipulate Kazakh economy has been another constraint for the country to achieve independent foreign policy-making. This dependence on Russia stems from several factors, which range from the control of the transport infrastructure to the existence of a considerable ethnic Russian population in Kazakhstan [Alymkulova 2015: 357]. Nearly fifty percent of the Kazakh population is composed of ethnic Russians. This exerts a considerable pressure on foreign policy-making when the Russian interests at stake.

When considered through the lens of neorealist and geopolitical approaches, rather than the topic of energy, geographic location and demographic structure of Kazakhstan dominates the foreign policy of the country. The overwhelming effects of geopolitics and the pragmatism of Nazarbayev will be effective on whether Kazakhstan will move to the East or West [Meherremov 2010: 154]. Geopolitical factors oblige the country to preserve its close relations with Russia, the US, the EU and China, as counterbalancing allies. Despite the efforts of Nazarbayev to make ethnic Kazakhs the dominant group within the demographic structure, Russia is likely to continue to dominate the foreign policy calculations of Astana. Although Kazakhstan has established multiple ties with the Western powers, proactive Russian policy towards the region constrains its foreign policy orientations. In addition, its relations with the US also oblige Kazakhstan to pursue such a balancing policy. For instance, although the US favored trans-Caspian oil and gas pipelines that deliver Kazakh oil and gas to the East-to-West energy corridor, plans to build a seabed pipeline to connect Kazakh oil to the “Baku-Tbilisi-Ceyhan” was suspended. Rather, Kazakhstan will carry oil from Aktau to Baku by tankers. This indicates that all strategic partnerships with Russia, the US and China are necessary and Kazakhstan would not favor interests of one of them at the expense of others¹.

---

¹ Worldwide Look at Reserves and Production. Available at: <http://www.ogj.com/articles/print/volume-112/issue-1/drilling-production/worldwide-look-at-reserves-and-production.html> (Accessed 02.03.2016).

It may be noted that the relations between Azerbaijan and Kazakhstan in the energy sector will continue to grow as both countries have mutual interests, which in turn are consistent with the interests of consumers in Western markets. But Kazakhstan in the coming years will not shift to the Azerbaijani direction, considering the Russian priority, and then the direction of the Chinese transport its hydrocarbons. Analysts predict the share of the South Caucasus in the direction of exports may increase to a maximum of 20% [Seyidova 2013: 129].

There are some critical factors that undermine the role of the energy resources in foreign policy-making of both Azerbaijan and Kazakhstan. Together with the problems they face alone, there are also some common key constraints for Baku and Astana, which limit their ability to use hydrocarbons as efficient foreign policy tools. Among the factors that facilitated this outcome, the following particularly stand out. The energy politics are always subordinated to the outcomes of the 'high politics' in Azerbaijan and Kazakhstan. Two of these keys constraint deserve particular attention: the legal status of the Caspian Sea and the lack of alternative transport routes to deliver the Caspian hydrocarbons to the global markets. Both of these security concerns far outweigh other foreign policy issues of Baku and Astana.

To conclude, under these conditions, it seems as too early for the generous resources of the region to serve Azerbaijan and Kazakhstan as a means of power. Azerbaijan and Kazakhstan, due to several factors in their foreign policy-making, including geography, security, demography and the involvement of the extra-regional actors in regional politics, could not use their resources in an expected way. Although they have sought to lessen their dependence on Russia by utilizing their hydrocarbons, this has led to the replacement of their dependence on Russia with a new dependence on the US, the European states and their oil MNCs for foreign investment and foreign capital to construct alternative pipelines. Contrary to the prevailing assumptions in the current literature, strategic natural resources do not guarantee independent foreign policy-making in resource-rich countries, like Azerbaijan and Kazakhstan. As well as these strategic resources, there are some other factors that shape foreign policy considerations of these states. In both countries, security concerns outweigh the energy policies. This makes them dependent on the other states for security, foreign investment, and cooperation in other fields. As a result, their energy policies become subordinate to the major powers, particularly on Russia, on which they are dependent.

REFERENCES

- [1] Alymkulova A.S., 2015. Rol' integratsionnykh protsessov v razvitiy stran Kaspiiskogo, Tsentral'no-Aziatskogo regiona [The role of integration processes in the development of the countries of the Caspian, Central Asian region]. *Vestnik Natsional'noi akademii nauk Respubliki Kazakhstan*. No. 3. P. 257—261 (in Russian).
- [2] Abushov Kabus, 2009. Policing the Near Abroad: Russian Foreign Policy in the Near Abroad. *Australian Journal of International Affair*. Vol. 63 (2). P. 187—212.
- [3] Akgun Suat, 2008. The Russian Federation as an Energy Supplier. *Turkish Policy Quarterly-Huriyyet*. P. 79—89.
- [4] Alam Shah, 2002. Pipeline Politics in the Caspian Basin. *Strategic Analysis*. P. 81—94.

- [5] Ali Tekin, Williams Paul A., 2009. EU—Russian Relations and Turkey's Role as an Energy Corridor. *American Journal of Political Science*. Vol. 61. No. 2. P. 337—356.
- [6] Ali Tekin, Walterova I., 2007. Turkey's Geopolitical Role: The Energy Angle. *American Journal of Political Science*. Vol. 14. No. 1. P. 84—94.
- [7] Donald P., 2014. Survey: Caspian and Central Asian producers face questions over future levels of output and exports. *American Journal of Political Science*. Vol. 39. No. 2. P. 10—17.
- [8] Gawdat Bahgat, 2004. The Caspian Sea: Potentials and Prospects. *American Journal of Political Science*. Vol. 17. No. 1. P. 115—126.
- [9] Ghafouri M., 2008. The Caspian Sea: Rivalry and Cooperation. *American Journal of Political Science*. Vol. 15. No. 2. P. 81—96.
- [10] Inozemtsev V.L., 2009. Big Politics in Small Spaces: What Are Azerbaijan's Prospects in the Geopolitical Arena? *Vestnik MSU*. No. 1. P. 59—71.
- [11] Ismailov G., Hasanov I., Aliev S., 2010. Some ways of increase of efficiency of functioning of pipeline systems. *SOCAR Proceedings*. No. 4.
- [12] Kashuro I.A., Martyushev A.I., Rozanov A.S., 2015. Rol' energeticheskikh resursov v sovremennom mire [The role of energy resources in the modern world]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. No. 2. P. 77—81 (in Russian).
- [13] Khlopov O.A., 2015. Vneshnepoliticheskie aspekty energeticheskoi politiki administratsii B. Obamy [The foreign policy aspects of the energy policy of the B. Obama administration]. *Vestnik Moskovskogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 5: Mezhdunarodnye otnosheniya i politologiya*. No. 2. P. 24—32 (in Russian).
- [14] Klare Michael T., 2002. Oil Moves the War Machine. *The Progressive*. Vol. 3. P. 96—105.
- [15] Kosayev A.I., 2009. Qlobalasma prosesinin əsas istiqamətləri və nəticələr. *BDU Elmi əsərləri* [The main directions and results of the globalization process. *Scientific materials of Baku State University*]. No. 2. P. 32—41 (in Azerbaijani).
- [16] Məhərrəmov A.M., 2010. Muasir dövrdə beynəlxalq iqtisadi əməkdaşlıq və inteqrasiya problemləri. *BDU Elmi əsərləri* [International economic relations and integration problems in modern world. *Scientific materials of Baku State University*]. No. 2. P. 90—98 (in Azerbaijani).
- [17] Morgenthau Hans J., Thompson Kenneth A., 1985. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. NY: Alfred A. Knopf.
- [18] Mudarrisov B.A., Lee Youah, 2014. The relationship between energy consumption and economic growth in Kazakhstan. *Asian Journal of Political Science*. Vol. 17. No. 1. P. 63—68.
- [19] Nagiyev T.A., 2014. Qafqaz bölgəsi və Xəzər hadisələri. *BSU Elmi əsərləri* [The processes of Caspian Sea and Caucasus region. *Scientific materials of Baku Slavic University*]. No. 1. P. 55—63 (in Azerbaijani).
- [20] Olikier, Olga, Crane Keith, Schwartz Lowell H., Yusupov Catherine, (eds.), 2009. *Russian Foreign Policy: Sources and Implications*. CA: Rand.
- [21] Rosenkvist Morten Anstorp, 2005. *Black Soil: Oil and Ethnicity in the Nagorno-Karabakh Conflict*. Master Thesis, Oslo University.
- [22] Seyidova D.G., 2013. Xəzər bölgəsində beynəlxalq münasibətlərə təsir edən amillər. *BSU Elmi əsərləri* [Factors affecting international relations in the Caspian region. *Scientific materials of Baku Slavic University*]. No. 3. P. 92—101 (in Azerbaijani).
- [23] Suha Bolukbasi, 2005. Jockeying for Power in the Caspian Basin. *The Caspian: Politics, Energy and Security*. NY: Routledge Curzon.
- [24] Souleimanov E., Kraus J., 2012. Turkey: An Important East-West Energy Hub. *American Journal of Political Science*. Vol. 19. No. 2. P. 157—168.
- [25] *Thinking Beyond the Stalemate in US—Iranian Relations. Volume II Issues and Analysis*, 2001. The Atlantic Council of the United States, Occasional Paper.

- [26] Waltz Kenneth, 1979. *Theory of International Politics*. Reading, Addison-Wesley.
- [27] Wendt Alexander, 1992. *Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of International Relations*. International Organization.
- [28] Willy Olsen, 2004. *The Role of Oil in the Development of Azerbaijan. The Caspian: Politics, Energy and Security*. Ed. Shirin Akiner. London: Routledge Curzon.
- [29] Worldwide Look at Reserves and Production, 2008. *Oil & Gas Journal*. Vol. 106. No. 48.
- [30] Yazdani Enayatollah, 2006. Competition over the Caspian Oil Routes: Oilers and Gamers Perspective, Alternatives. *Turkish Journal of International Relations*. Vol. 5. No. 1—2. P. 51—64.

Date of receipt of the article: 08.09.2015

For citations: Huseynova S. Geographical and Political Factors in Transportation of Caspian Oil and Gas from Azerbaijan and Kazakhstan. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 16. No. 1 (March 2016). Pp. 87—94.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ТРАНСПОРТИРОВКИ КАСПИЙСКОЙ НЕФТИ И ГАЗА АЗЕРБАЙДЖАНА И КАЗАХСТАНА

С.А. Гусейнова

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются энергетические ресурсы в качестве инструментов внешней политики на примере Азербайджана и Казахстана. Данные страны являются одними из ключевых энергетических игроков в регионе. Автор статьи старается проанализировать и показать изнутри нефтяную политику Азербайджана и Казахстана в Каспийском регионе и связанные с ним проблемы. В статье показано, что Азербайджан и Казахстан сталкиваются с рядом ограничений на использование их энергетического потенциала, чтобы иметь независимую внешнюю политику. В статье описываются основные предположения теоретических подходов по нефтяной политике, с особым акцентом на Каспийский регион. В связи с этим в статье описываются различные пути внешней политики. В итоге показывается применение теоретических моделей для объяснения роли углеводородов в азербайджанской и казахской внешней политики.

Ключевые слова: энергетика, нефтяная политика, внешняя политика, Каспийский регион, Азербайджан, Казахстан.

Для цитирования: Гусейнова С. Географические и политические факторы транспортировки каспийской нефти и газа Азербайджана и Казахстана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2016. № 1. С. 87—94.

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ «ПРАВИЛ ИГРЫ»: РОЛЬ РОССИИ

В.А. Каламанов

Международный центр устойчивого энергетического развития
под эгидой ЮНЕСКО
ул. Кедрова, 8/1-2, Москва, Россия, 117292

В настоящей статье представлен анализ актуальной геополитической ситуации в мире. Автор показывает, что рост международной напряженности, обусловленный исчезновением баланса сил в мировой политике и стратегией силового гегемонизма США, актуализирует необходимость активизации внешнеполитической позиции России, усиления ее роли в мире. Автор обосновывает ошибочность распространенных представлений о том, что статус державы на мировой арене определяется преимущественно экономическими параметрами. На фоне сокращения внешнеполитических возможностей США, создававших иллюзию «американской исключительности», наблюдается изменение текущих внешнеполитических конфигураций. В связи с этим большое значение приобретает российская военная операция в Сирии, убедительно продемонстрировавшая возвращение Россией статуса сверхдержавы в мировой политике и ликвидацию мнимой монополии НАТО на «высокоточную войну». При этом Россия демонстрирует принципиально иную внешнеполитическую модель, основанную на уважении международного права, принципов национального суверенитета и многостороннем сотрудничестве. Возвращение Россией статуса сверхдержавы, способной открыто противостоять США по принципиально важным вопросам, требует консолидации российского общества, формирования государственной идеологии и интенсификации усилий по формированию внешнеполитических альянсов и участию в интеграционных объединениях.

Ключевые слова: геополитика, политическое лидерство, внешняя политика РФ, НАТО, Сирия.

Современное мировое политическое пространство представляет собой совокупность элементов, между которыми существуют устойчивые тесные связи, взаимозависимости и отношения. Это единая система со своей системообразующей структурой и правилами группирования составляющих ее элементов.

Сегодня как никогда важен анализ текущей конфигурации системы международных отношений и глобальных процессов, рассмотрение всей сложной структуры отношений и взаимовлияний между участниками мирового сообщества.

Рассмотрим глобальную карту мира и соответствующую структуру взаимоотношений ведущих мировых акторов. Так, когда говорят о современных международных политических процессах, становится очевидной необходимость определения соотношения между собой различных уровней мировой политики: глобального, регионального и локального. Закономерно возникает вопрос: что первично, а что вторично по отношению к текущему мировому порядку?

В последние годы заметно участились и интенсифицировались противоречия и конфликты на региональном уровне, и они явно доминируют в медийном пространстве, где все большее внимание уделяется конгломерату всевозможных средств ведения «информационных» войн. В результате возникает иллюзия, что именно на этом уровне проявляется и реализуется мировая политика, в то время как влияние «глобального центра» сокращается. Однако остается ли на самом деле политика на глобальном уровне и где находится системообразующее звено, которое диктует мировые политические тенденции?

Согласно американским внешнеполитическим доктринам и сложившейся стратегической культуре США являются единственным центром (полюсом) силы в мире, и других конкурентов, и тем более сверхдержав, способных стать полноправным оппонентом (или полноправным союзником) Америки, в современном мире не существует. Отчасти именно этим пониманием объясняются настойчивые попытки США увеличивать вес региональных конфликтов для того, чтобы другие страны, в том числе и возможные конкуренты США, втягивались в данные конфликты и увязали в них, подрывая свою экономику. Данная стратегия направлена на то, чтобы исключить саму возможность появления «достойных» конкурентоспособных оппонентов США, которые смогли бы претендовать на участие в политических процессах на глобальном уровне.

Международные отношения, как совокупность взаимосвязей между народами, государствами и альянсами государств, после Второй мировой войны прошли серьезный путь трансформации и в настоящий период обладают специфическими, во многом уникальными характеристиками.

Однако система политического мироустройства, утвержденная после Второй мировой войны, в настоящее время стала давать серьезные сбои, демонстрируя свою уязвимость и нестабильность, что находит отражение в целом ряде политических процессов и тенденций.

Во-первых, по сравнению со второй половиной XX в. в последнее время в мире значительно изменилась конфигурация международных отношений, и можно наблюдать распад ранее устойчивых внешнеполитических блоков, а также создание новых международных организаций. Одновременно в международных организациях, сохранивших свое значение, можно также наблюдать изменение их целей, поскольку и они под давлением изменяющихся политических условий подверглись кардинальным внутренним перестройкам. Например, открытым остается вопрос о том, насколько оправданным является само существование ОБСЕ как организации по обеспечению безопасности и сотрудничества, главной задачей которой является как предотвращение возникновения конфликтов, так и помощь

в их урегулировании — то, с чем она объективно не справляется в течение уже долгого времени.

Вместе с тем США продолжают искусственно преувеличивать значение и роль НАТО в международных отношениях, поскольку для них Североатлантический блок остается реальным инструментом решения внешнеполитических задач, который, однако, не вполне оправдывает стоящих перед ним глобальных задач. Мало кто помнит, что в 1990-х гг. американские дипломаты совершенно серьезно предлагали передать НАТО ряд основных функций ООН. К тому же в настоящее время можно наблюдать процесс распада ранее сложившейся системы международных отношений, институтов, а также единых для всех внешнеполитических правил игры, что уже нарушило устойчивость мировой системы, привело ее в хаотическое движение и способно в дальнейшем привести не просто к столкновению интересов отдельных стран, но к возникновению многочисленных вооруженных конфликтов и, возможно, к началу Третьей мировой войны.

Попытки создания однополярного мира, где интересы небольшого количества политических акторов, прежде всего США, приоритетны по отношению к интересам всех остальных участников мирового процесса (то есть попытки узурпировать власть с целью удовлетворить краткосрочные внешнеполитические интересы горстки стран, консолидированных вокруг «гегемона»), вряд ли способны принести долгосрочный успех, в то время как сами они создают серьезную угрозу мировому порядку в целом.

Понимание этого должно привести крупных политических игроков к прекращению попыток создания искусственных, не обладающих реальным авторитетом и легитимными полномочиями объединений с целью прикрыть промахи и очевидные ошибки в собственных внешнеполитических решениях. Вполне возможно, что текущий мировой кризис способен привести человечество к реализации новых форм политической организации либо к созданию объединений и союзов не столько с целью защиты интересов отдельных стран, но для реального (а не декларативного) решения глобальных задач, стоящих сегодня перед всем человечеством.

Стоит отметить, что также многие из российских внешнеполитических стратегий не оправдали себя и тем самым косвенно способствовали созданию возникшего сейчас мирового кризиса.

Так, Россия с начала 2000-х гг. транслировала свое видение мирового порядка слишком робко и непоследовательно, постоянно оглядываясь на «партнеров» и действуя в жестких рамках подготовленных извне схем, не проявляя настойчивости в ситуациях, когда другими странами допускались серьезные нарушения международного права, а непосредственное участие России во внешнеполитических событиях сводилось, как правило, к попыткам поиска компромиссов, стратегии проведения переговоров, к стремлению «помирить» конфликтующие стороны, что в свою очередь создало у западных акторов ощущение нерешительности России и слабости ее голоса в международных отношениях.

Вместе с тем в настоящее время Россия относится к немногочисленным державам, которые обладают как стратегическими запасами ресурсов, так и необхо-

димыми инструментами для оказания влияния на происходящие мировые процессы. В частности, Россия является участником списка стран «ядерного клуба». Однако данные инструменты влияния редко используются Россией как аргумент при ведении международных переговоров.

В это же время западные политики и СМИ пытаются закрепить в международном дискурсе тезис о том, что Россия является слабой региональной страной, и нет оснований считать Россию сверхдержавой. В частности, этот тезис прозвучал в октябре 2015 г. в одном из выступлений представителя Белого дома Дж. Эрнеста. Свое мнение западные политологи подкрепляют тем, что считают ключевым критерием при определении сверхдержавы и соответствующих ей притязаний исключительно экономику, а военный потенциал, по их утверждению, здесь не должен учитываться.

Однако история демонстрирует иное: противостояние двух стран, где на одной стороне присутствовал мощный военный потенциал, а на другой была сильная экономика, как правило, оканчивалось победой военной силы. Если же рассматривать США с точки зрения их соответствия взятой на себя роли единственной сверхдержавы, то можно обнаружить ряд факторов, опровергающих данный тезис. Это находит свое отражение в общем экономическом упадке, политическом и социальном кризисах в США, в череде неудачных военных операций. Так, за последние 20 лет у США отмечается заметное снижение ряда экономических показателей. В частности, в 2014 г. общий объем расходов федерального бюджета США составил \$3,5 трлн, что соответствует 21% ВВП, в то время как в 2001 г. он равнялся 17,6% ВВП.

Государственный долг США в 2014 г. достиг \$18 трлн, или 102% ВВП. Такой уровень госдолга грозит значительным замедлением экономического роста. По прогнозам, в течение следующего десятилетия процентные платежи вырастут более чем в три раза — с \$230 млрд до \$800 млрд в год с тенденцией ухудшения. Напомним, что Соединенные Штаты уже не раз приближались к опасной границе государственного долга, превышение которой может рано или поздно привести к дефолту. В связи с непростой экономической ситуацией не приходится говорить о США как о сверхдержаве с точки зрения ее опережающего другие страны экономического развития.

С другой стороны, если рассматривать военный потенциал США, то и здесь они сегодня не являются однозначным мировым лидером. Фактически США в своей истории никогда не имели определяющего превосходства в военном отношении, как бы они ни стремились продемонстрировать миру обратное. В настоящее время в американской армии отсутствует какой-либо принципиально новый, недоступный другим тип вооружения, несмотря на колоссальные затраты на его создание. Ранее американцы действительно имели значительное превосходство в высокоточных вооружениях, но после того как Россия приняла участие в разрешении сирийского конфликта, миф о превосходстве США в этой сфере вооружений был также развенчан. Развитие ГЛОНАСС, успешное боевое применение крылатых ракет «Калибр» и X-101 нивелировали мнимую монополию США на «высокоточную войну».

Сейчас американское руководство лихорадочно и крайне агрессивно ищет выход из сложившегося положения утраты своей исключительности (т.н. «American exceptionalism»), но однозначно уже сегодня можно говорить о том, что претензии США на мировое лидерство не подкрепляются ни реальными данными, ни прогнозами развития этой страны в будущем. Даже универсальные американские ценности, основанные на защите «прав человека», подвергаются сегодня серьезным испытаниям. И в первую очередь это касается не оправдавшего себя демократического механизма защиты прав суверенных народов, что также связано с крайностями и двойными стандартами в политике Запада.

В США сейчас отсутствуют реальные политические лидеры, а те, что предъясняются общественности в качестве таковых, являются лишь марионетками в руках различных группировок правящей элиты. Вследствие этого в современных США результаты выборов часто легко предсказуемы, а конкурентность подобной системы объективно низка.

Очевидно, что США не способны справиться не только с внутренним кризисом в стране, но и постоянно совершают серьезные внешнеполитические ошибки. Наиболее потенциально опасная из них связана с навязыванием вовне приоритета собственного внутреннего законодательства над международным правом. Фактически США сегодня — это единственное государство мира, последовательно выдвигающее подобные претензии, но не задумывающееся о последствиях своих решений. Если обратиться к историческим аналогиям, то США напоминают Римскую империю, которая проводила политику объединения и реформатирования ценностей всех завоеванных народов под свои принципы, что в итоге завершилось кризисом и развалом всей созданной римлянами системы.

На сегодняшний день, с учетом вышеуказанных тенденций у США в попытках обосновать свои претензии на гегемонизм нет иного выхода, кроме как экспортировать свой внутривнутриполитический, экономический и социальный кризис на внешний мир.

Согласно нашему прогнозу, первой крупной жертвой этого экспорта должна стать объединенная Европа, и начальные признаки этого процесса можно наблюдать уже сейчас (например, нынешний миграционный кризис). Отечественным политологам и экспертам уже давно пора перестать «по привычке» заявлять о глобальном лидерстве США, так как объективные факты свидетельствуют скорее не о реальном превосходстве США, но об их диктате, претензиях на гегемонизм, игнорировании принципов международного права и дипломатии.

При этом американский истеблишмент меньше всего задумывается о реальных положительных изменениях текущей международной ситуации, о снижении международной напряженности. В первую очередь американскую элиту беспокоит сохранение самопровозглашенного статуса-кво однополярного мира и насильственная трансформация мира под соответствие этому принципу. Все остальное может приноситься в жертву этой стратегической задаче.

Сегодня очевидно, что американская «глобальная империя» шатается. Соединенные штаты не смогли создать в последние годы ничего принципиально нового для сохранения своих ведущих позиций в мире, в то время как инструмен-

тарий внешнеполитического гегемонизма США заметно сокращается, и фактически остается только два реально работающих инструмента: управление информационным полем и экономическое давление.

Первенство США в информационной сфере основывается вовсе не на превосходстве идей и ценностей, которые они пропагандируют и транслируют через свои информационные источники, а в технологиях внедрения, продвижения и продажи информации [Иванов 2007]. При этом на фоне ослабления авторитета принципов либеральной демократии для США характерен все более крутой дрейф в сторону пропаганды, манипулирования массовым сознанием, масштабного внедрения дезинформации. Мы наблюдаем целенаправленную деятельность по засорению мирового информационного пространства, поставленному на поток «вбросу фейков», появлению большого количества лжеэкспертов и лжерейтинговых агентств [Иванов 2015], занятых публикациями ложной и предвзятой информации.

В связи с этим возникает вопрос: насколько России действительно оправданно и необходимо соревноваться с Соединенными Штатами на этом поле, может ли наша страна предложить нечто более действенное, чем эта бессмысленная конкуренция симулякров и фейков в навязанной нам информационной войне с США?

На наш взгляд, Россия обладает необходимыми ресурсами для того, чтобы ее голос был хорошо слышен во всем мире, а внешнеполитические цели стали понятны и привлекательны для других. Для этого нужно делать акцент на российских ценностях, научиться эффективно использовать инструментарий «мягкой силы» для их трансляции во внешний мир, сохранить открытость страны и ее ориентацию на взаимовыгодное международное сотрудничество. Таким образом, Россия может самостоятельно оказывать значительное влияние на мировое информационное пространство, тем более на его отдельные сегменты.

Вторым внешнеполитическим инструментом США является экономическое давление, которое используется с позиции экономической сверхдержавы.

Несмотря на сокращение объективных оснований данного заявленного статуса, следует признать, что Соединенные Штаты способны использовать экономическое оружие в мировой политике достаточно эффективно. Однако за этим может скрываться скорее экономическая слабость, чем сила. Иначе было бы сложно объяснить американский призыв, направленный в адрес Европы, поддержать режим санкций против России.

Как известно, Россия фактически слабо зависит от экономики США, товарообмен между двумя странами относительно невелик, и если бы США пытались воздействовать на экономику России напрямую, то такая политика не имела бы шансов на успех. Поэтому Вашингтон стремится использовать своих союзников в Европе, к которым и обращены требования и лозунги американцев о необходимости «наказать» и изолировать Россию.

Следует заметить, что в такой политике нет ничего нового, уже более двух столетий несбыточной мечтой англосаксов является стремление противопоставить Россию всему остальному миру, и действенным ответом этому может стать лишь политика создания внешнеполитических альянсов.

В настоящее время Россия предлагает парадигму многополярного мира, необходимым условием существования которого является внешнеполитический диалог и сотрудничество. Понятно, что этот подход вызывает резко негативную реакцию со стороны США, что входит в явное противоречие с существующей политической реальностью. Сегодня вызывает искреннее недоумение тот факт, что западные политики, экспертное сообщество и СМИ отказываются учитывать неопровержимые аргументы в пользу того, что Россия и другие страны также играют важные роли в мировых процессах.

Статус современной России как сверхдержавы отражается в следующих фактах:

— Россия является одной из немногих, а по сути единственной страной, которая готова открыто противопоставлять себя американской гегемонии и, в частности, выступает против одностороннего нарушения норм международного права, не отступает перед экономическим давлением и угрозами санкций, выступает в защиту прав суверенных государств, открыто указывает на откровенно лживую политику своих западных оппонентов и ставит под сомнение их ценности и стандарты, позиционирующиеся в качестве универсальных и непреложных. Много ли можно назвать стран, которые взяли бы так же открыто критиковать политику Вашингтона и при этом смогли бы устоять под натиском агрессивно-репрессивной политики США?

— Россия самодостаточна, самобытна, имеет многовековую историю и собственную идеологию, корни которой уходят в православие, принципы «народности» и пр. Нашей стране есть что защищать, и уже не раз в мировой истории Россия брала на себя миссию по восстановлению миропорядка, где ей приходилось играть главную роль в борьбе с гегемонистскими претензиями ведущих государств и срывать их попытки установить господство над остальным миром.

— России присущ традиционный тип ценностей, который исторически вытекает из коллективизма и смог сохраниться в ценностной матрице нашего общества даже в периоды господства коммунистической идеологии и неоллиберализма. Российское понимание «справедливости», «морали» и «закона» в значительной степени противоположно западному мировоззрению, согласно которому закон однозначно ставится выше справедливости. В свое время известный русский философ И.А. Ильин выразил свойственное русскому человеку понимание того, что первичность права неминуемо приведет к его несправедливости: «справедливое право есть право, которое верно разрешает столкновение между естественным неравенством и духовным равенством людей, учитывая первое, но отправляясь всегда от последнего» [Ильин 2003].

Искусственное противопоставление веры и прав и свобод человека представляет собой не более, чем инициированный Западом идеологический «перевертыш». Россия может противопоставить этому прочные духовные принципы, на которых строится российское миропонимание, где «вера и совесть превыше всего».

Отсюда России предстоит решать проблемы организации своей системы образования, а также противостоять попыткам фальсификации исторических фактов в отечественных образовательных программах. Очевидно, что в ближайшие не-

сколько лет Россия должна выиграть развернувшуюся борьбу за умы будущего поколения. Для этого, без сомнения, требуется активное содействие масс-медиа и организаций российского гражданского общества. Пример Украины, где в результате зарубежного влияния вырастили целое поколение, «зараженное» русофобией, что подчеркивает ключевое значение образовательной системы не только для развития, но и для выживания страны.

После крушения СССР и коммунистических идеалов нашей стране был брошен серьезный вызов, и удивительным остается то обстоятельство, что Россия, пережив значительные социальные и экономические катаклизмы, сохранила свое единство, и сейчас, несмотря на все попытки противодействия, снова стала одним из ключевых игроков мировой политики.

Китай, часто называемый в качестве потенциальной второй сверхдержавы и единственного возможного конкурента США, предпочел иную парадигму и пошел по пути конвергенции двух систем: социалистической и капиталистической, чем фактически разделил страну на три независимые части (в итоге на сегодняшний день мы имеем три Китая: Пекин, Шанхай и Гонконг) и тем самым лишь на время отсрочил неизбежно назревающий в этих условиях системный кризис.

В отличие от китайской модели Россия предпочла пережить агонию старой режимной экономики и нелегко, но в целом успешно прошла этап реформирования своих политической и экономической систем, чем создала предпосылки для дальнейшего опережающего развития. Конечно, сегодняшние экономические показатели России значительно ниже китайских, однако в стране успешно созданы и совершенствуются институциональные основания для того, чтобы перейти к стабильному экономическому развитию.

Таким образом, из вышесказанного вытекает, что Россию по праву можно считать страной, имеющей исторические, социальные, экономические и политические основания для восстановления и укрепления своего статуса сверхдержавы. В то же время данный статус неизбежно предполагает также и большую ответственность.

Для своей реализации в качестве сверхдержавы России необходимо создать ясное описание и механизмы реализации модели будущего развития страны, основанные на своих исторических и духовных ценностях, ее особенностях и историческом опыте. Для этого придется отказаться от провозглашенного в ч. 2 ст. 13 Конституции РФ принципа, согласно которому никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Россия нуждается в сформулированной четкой идеологии, закреплённой на законодательном уровне. Базисные направления для развития страны должны быть выбраны и определены в следующей последовательности: военное — экономическое — идеологическое развитие [Каламанов 2015].

Кроме того, России необходимо проводить политику расширения зон своего влияния, в первую очередь на территории постсоветского пространства, в странах бывшего СНГ. Важно провести «красную черту» для западного влияния в странах — союзниках России, а также начать мероприятия по восстановлению либо

созданию новых военных баз и зон российского военного присутствия в различных регионах мира (включая Сирию, Египет, Венесуэлу, Кубу, Вьетнам, хотя бы одну базу на Африканском континенте и др.). Приоритетное значение получает также задача развития и наращивания военных стратегических сил России, при этом явным приоритетом является создание и совершенствование авианосцев и вертолетоносцев, позволяющих проецировать военную силу на дальние дистанции.

В рамках своего экономического развития России важно создавать и расширять зоны совместного с союзниками экономического влияния, зоны свободной торговли, поддерживать образование интеграционных объединений, где основным правилом будет правовое и экономическое равенство партнеров. Эти направления деятельности способны существенно снизить экономический авторитет и уровень влияния США в различных регионах мира (и в первую очередь на постсоветском пространстве), поскольку американская идеология внешнеполитического влияния построена на отсутствии реального равенства и справедливой конкуренции. Последовательно внедряемый принцип равенства во взаимоотношениях с участниками международного сообщества способен привести к сужению возможностей конкурирующих проектов (прежде всего западных).

В целом, России необходимо настойчиво и целенаправленно отстаивать собственные модели государственного развития и модели справедливого международного сотрудничества, демонстрируя свою уверенность на всех уровнях. Ориентация отечественных идеологов на западные СМИ и западных экспертов в этой связи является ничем иным, как «пощечиной» собственной науке и общественной мысли. Западные схемы вряд ли могут быть применены во внутренней политике России. Давно пора осознать, что заимствованная извне идеология, западное понимание мироустройства содержит в себе существенные противоречия и не отвечает потребностям и целям российского народа. В связи с этим следует, как минимум, начать содействие развитию отечественного экспертного сообщества, распространять, цитировать и «продвигать» значимые идеи своих мыслительных центров и экспертов.

Сегодня, в период роста международной напряженности, важно проводить системную политику открытости российского общества на различных уровнях (региональном, федеральном и международном). Такого рода деятельность включает в себя работу с госаппаратом, борьбу с коррупцией, содействие развитию международного сотрудничества и кооперации, в первую очередь в бизнес-среде, развитие гражданских и экономических свобод, а также поощрение добросовестной конкуренции.

Становится все более заметным отсутствие в российской внутренней политике четко сформулированных и описанных национальных интересов, несмотря на то, что на сегодняшний день существуют различные Концепции развития страны.

В постсоветский период Россия длительное время не занималась ценностно-идеологическим оснащением своей внешней политики. Реальность последних лет предъявляет России требования создания собственной идеологии, в первую

очередь для восстановления своей внутренней целостности и для объединения всего общества вокруг проекта новой России. Отсутствие внутренней консолидации не позволяет России полноценно отвечать на настойчивые попытки США переформатировать международные отношения, установить свое бескомпромиссное первенство в мире, что уже создает предпосылки для внешнеполитического хаоса, ведет к распаду ряда государств и неоправданной гибели сотен тысяч людей.

Очевидно, что США преследуют меркантилистские цели, связанные с максимальным удовлетворением собственных потребностей и интересов, что они стремятся придать этому процессу некую сверхмакиавеллевскую хитрость, создав двойное дно, в котором есть «правда для всех» и «правда для себя». Но эта политика авантюрна и ошибочна, поскольку противоречит мировым законам общественного устройства, в особенности если учитывать тот факт, что у США реально отсутствуют эффективные инструменты для управления международными процессами в одиночку, и текущий кризис является явным тому подтверждением.

В последнее десятилетие многие российские ученые и политики с подачи западных коллег рассуждали о допустимости и оправданности внешнеполитических стратегий «принуждения к миру». Однако практика показывает, что их применение ведет не только к прямому нарушению международного права, но и к развалу суверенных государств, к утрате ими своей независимости. Поэтому сейчас, если и можно говорить о возможности «принуждения» других стран, то лишь в рамках стратегии «принуждения к переговорам». Данная стратегия является намного более эффективной в деле урегулирования конфликтов, так как предполагает, что в политическом конфликте переговоры должны начинаться уже во время военных действий и к моменту прекращения огня у сторон уже может быть готово согласованное политическое решение. Если бы мировое сообщество настояло на таких переговорах, например, на Украине в 2014 г., то это могло бы значительно уменьшить количество жертв и пострадавших в конфликте [Каламанов 2014].

В свете предложенной концепции «принуждения к переговорам» можно сделать прогноз, что политическая ситуация в Сирии будет развиваться таким образом, что Россия и США также будут вынуждены прийти к такой точке, когда им придется остановить свое противостояние и перейти к открытым переговорам. Но к моменту, когда стороны придут к пониманию этой необходимости, готовое решение уже должно быть сформулировано и останется только утвердить его. Поэтому закономерно, что в вопросе о Сирии реальный переговорный процесс может быть относительно коротким, его начало и разрешение практически совпадут по времени.

На сегодняшний день существует также ряд других региональных конфликтов, в урегулировании которых Россия играет ключевую роль и имеет возможность влиять на их протекание. В историческом разрезе современная мировая ситуация аналогична той, что сложилась в середине XX в., и представляет собой своеобразный «гетто 1950-х гг.», когда в международной политике накопилось большое число «замороженных конфликтов», создавались искусственные границы,

а сами конфликты приводили к территориальному делению и перекраиванию границ ранее суверенных государств. Ситуация последних лет сигнализирует о схожих политических процессах. Так, например, уже сейчас можно говорить о существовании двух Украин, двух Сирий и, возможно, двух Ираков.

При этом, несмотря на присутствие России как регулятора ряда региональных конфликтов, Запад пытается изолировать нашу страну от участия в международных процессах. России активно навязывается стратегия закрытости, которая создает реальную угрозу для гармоничного и естественного развития страны. В самом худшем варианте это может привести к отсутствию «регенерации» нашего общества (возможности развития конкуренции, притока инноваций и т.п.), неизбежно сопровождающемуся застоем и кризисом.

Вместе с тем Россия активно демонстрирует союзникам и партнерам (например, в Латинской Америке и других странах), что она, вопреки противодействию США, не ощущает себя «страной, попавшей в изоляцию», и готова к диалогу в самых разнообразных сферах делового и политического сотрудничества.

В настоящее время в России не просто существуют потребности и возможности для широкой открытости во внешнеполитических и внешнеэкономических связях, но и ведутся активные поиски союзников, предлагаются выгодные условия для сотрудничества иностранным компаниям. В связи с этим необходимо, на наш взгляд, провести работу по созданию образа новой России, сбросив с него, во-первых, покров укorenившейся «азиатчины», а, во-вторых, отразив в нем принципы консервативного государственного устройства, которые являются правовыми и политическими столпами нашей государственности. К примеру, образ современных США серьезно деформирован из-за их активной антидемократической по своей сути международной политики, что создало негативное восприятие их решений другими странами и снизило привлекательность образа страны в целом. В частности, некоторые союзники США уже сейчас начинают разоблачать Соединенные Штаты и открыто заявлять о несогласии с навязанной американцами системой внешнеполитических взглядов. Таким образом, после активных действий Вашингтона, направленных на подрыв принципа национального суверенитета, он снова должен быть провозглашен и заново признан всем мировым сообществом.

На этом фоне Россия, напротив, настаивает на защите национального суверенитета и национальной целостности стран, где самоуправление имеет определяющее значение при разрешении вопроса о международном вмешательстве во внутренние дела государства, в том числе в связи с урегулированием региональных конфликтов. Таким образом, Россия, КНР, страны БРИКС демонстрируют мировому сообществу свою позицию, согласно которой принцип суверенитета считается неприкосновенным, и любая страна имеет право законно его защищать.

В настоящее время Россия перманентно отстаивает подобную позицию, как минимум, в трех регионах мира (Украина—Сирия—Афганистан), что, в частности, также опровергает тезис Б. Обамы о России как о региональной державе. Можно прогнозировать, что в скором времени Россия будет вынуждена начать военную операцию в Афганистане (северной его части) по защите и поддержке границ.

Действия России в данном случае будут подкрепляться нормами международного права. Неоднозначным остается лишь вопрос о том, будет ли данная операция проводиться совместно с ОДКБ или будет носить односторонний характер.

Что касается действий России по проведению воздушных операций в Сирии и нанесению точечных ударов по наземным целям боевиков запрещенного в РФ Исламского государства, то наивно полагать, что решения о проведения этих операций были приняты лишь по причине сложившейся дружбы между Сирией и Россией либо из-за возможности расположения в Сирии российских военных баз. Очевидно, что в этих событиях Россия взяла на себя роль защиты международного права и ответственность за борьбу с терроризмом.

Таким образом, **Россия вернула себе роль глобального игрока, способного принять на себя ответственность за борьбу с терроризмом и защиту международного права.**

На фоне этих политических событий Россия, с одной стороны, сохраняет контакт с США и их союзниками по НАТО, с другой — действует быстро и не дает возможности своим оппонентам выработать какую-либо контрстратегию, что делает ход российского вмешательства непредсказуемым и разрушает доктрину американской гегемонии. Совершенно очевидно, что стратегически наша страна перехватила инициативу и уже невозможно остановить Россию в ее действиях и сорвать операцию российских ВКС в Сирии. Однако на тактическом уровне неизбежно будут предприниматься многочисленные антироссийские акции и провокации, которые не исключены и на уровне самой серьезной военной конфронтации.

Действия Турции, вероломно сбившей российский военный самолет Су-24, — единичный, но, судя по всему, не последний такой акт, основной целью которого является остановить Россию. Такие же недружественные акты возможны со стороны Саудитов или иных безответственных сателлитов США. Однако, входя в Сирию, Россия уже учитывала все возможные риски, и российское руководство пришло к выводу, что риски в случае нашего невмешательства в ситуацию были бы многократно выше. В то же время наши партнеры сейчас сталкиваются с неопределенной и новой для себя ситуацией, в которой они вынужденно играют вторую роль. Каждая подобная провокация будет приводить не только к явным потерям агрессоров, но и к большей дестабилизации как в странах-сателлитах, так и внутри НАТО. Таким образом, в своем противостоянии с Россией Запад и его сателлиты могут искусственно создавать ситуации высоких рисков, однако в этом случае риски оказываются не только российскими, а наиболее опасными они могут оказаться именно для агрессивных соседей Сирии [Дегтерев, Савичева, Матеева 2015].

Взросшие амбиции России в ходе эффективной реализации военной операции ВКС в Сирии спровоцировали нервную реакцию руководства США, что практически сразу же выразилось в неадекватности действий и высказываний западных политиков. По всей видимости, «неудобство» России для политики США, ее внешнеполитическая независимость сильно раздражают наших западных коллег, но уже

невозможно оспорить тот факт, что, как минимум, с военной точки зрения Россия может противопоставить США не менее мощный военный потенциал и на этом фоне проявить себя как реальная сила, способная противостоять любой сверхдержаве.

Сегодня в мире (и для России в частности) для сохранения устойчивости миропорядка и защиты своих интересов на первый план выходят военные и идеологические факторы, а экономика оказывается на втором плане. И здесь внешнеполитические ошибки США могут быть использованы Россией как шанс для изменения расстановки мировых политических сил и создания многополярного мира [Гурбангельдиев 2015]. Так, успехи России в союзе с Сирией и Ираном оказались более масштабными, чем деятельность союза западных государств, включающего 61 участника.

Динамика современных политических процессов в целом дает основание предположить, что любые попытки келейного составления новых правил международной игры будут вести только к отторжению со стороны других участников мирового сообщества. На этом фоне в настоящее время серьезную угрозу создает настойчивое стремление Запада под видом реформирования развалить ООН, особенно Совет безопасности. Однако, по сути, данная организация — это некий хребет, уже ослабленный, но еще обладающей реальной властью и возможностями по поддержанию системы современных международных отношений. Непонимание того, что разрушение ООН может привести к масштабным военным действиям (собственно, как и развал Лиги Наций), — это серьезная ошибка американской внешней политики, за которую расплачиваться в итоге придется всему миру.

В свете сказанного становится понятно, что уже сегодня необходимы кардинальные и продуманные всесторонние переговоры ведущих мировых держав по вопросам организации нового порядка в мире. Основные вопросы, которые должны быть рассмотрены на международной повестке дня — это:

- обозначение реальности и нерушимости принципа суверенитета государств, его признание, установление правил «невмешательства» во внутреннюю политику любого суверенного государства;
- подтверждение суверенитета уже существующих государств;
- определение, исходя из вышесказанного, понятия безопасности в мире и средств ее обеспечения;
- создание инструментов и механизма реализации норм международного права, где международные законы по общему правилу применяются ко всем участникам внешнеполитических процессов без исключения;
- создание системы международного противодействия (институтов и механизмов) странам, нарушающим принципы международного права, в частности, создание на международном уровне механизма и эффективной системы сдерживания и противовесов через ООН.

Таким образом, началом к внешнеполитическому диалогу всех участников мировой политики может стать реформа ООН, целью которой стало бы не просто фактическая ликвидация данной структуры, но ее реформирование согласно современным условиям и целям.

В связи с этим напрашивается идея объединения всего международного сообщества для борьбы с общими вызовами и глобальными проблемами (нераспространение ядерного оружия, борьба с бедностью, противодействие терроризму, защита экологии и т.п.). Мир сегодня уже невозможно воспринимать как раздробленную систему, конгломерат разрозненных стран, отстаивающих свои мелкие интересы и ведущих борьбу за ресурсы.

Ситуация для этого созрела именно сейчас, поскольку у все большего числа международных политических акторов активизируется инстинкт самосохранения, а в среде политологов и в научных кругах растет устойчивое понимание необходимости научиться договариваться друг с другом. Поэтому в последнее время в мире возрастает понимание необходимости коллективного принятия решений, создания взаимовыгодных условий по разрешению тех или иных спорных вопросов. Возможно, сейчас в мире сложилась именно такая ситуация, когда просто рекомендации и переговоры не являются тем действенным инструментом внешнеполитического общения, который был бы способен привести мировое сообщество к сбалансированному состоянию.

В обстановке, где переговоры не дают эффективного результата, оправдано прибегать к практике «убеждения посредством действий». Нередко побудить субъектов внешнеполитического объединения сделать то, что они никогда бы не сделали, возможно только под влиянием реальной силы. Мы считаем, что без конкретных действий подчас невозможно в полной мере говорить и о реальном политическом процессе.

Вместе с тем, говоря об участии России в современной мировой политике, нельзя не сказать о том слабом звене, которое лишает действия России стабильности и сфокусированности. Речь идет об отсутствии активной поддержки политики российского государства со стороны гражданского общества, о его инертности и пассивности. На сегодняшний день российское общество достаточно вяло и невнятно высказывается в поддержку принципа защиты своего государства и в связи с этим фактически представляет собой раздробленную силу, у которой нет ни конкретных сформулированных целей, ни механизмов для участия в международных политических событиях. Многие россияне не осознают, что их страна, подобно льву, сейчас сражается на внешнеполитическом фронте, отстаивая возможность для своих граждан свободного демократического развития.

Для сравнения: в странах с похожей системой управления и консервативного государственного устройства, как в России, демократические институты гражданского общества не только активно развиваются, но и являются опорой для внешней политики своих государств. Такой путь в свободном развитии своего гражданского общества выбрали Израиль и Индия.

С другой стороны, в КНР система управления развивается по иному сценарию: в стране укрепляется не столько государственность, сколько партийная структура, что создает реальную возможность и фактически неизбежность возникновения конфликта в будущем между сложившейся крупной буржуазией и партийной элитой.

Какие же у России есть реальные ресурсы для того, чтобы отстаивать свое право на суверенитет и оставаться при этом «открытой» страной вопреки противодействующей этому политике западных оппонентов? Видение этого важно отразить в новой доктрине России, основанной на новом видении национальной безопасности и содержащей в себе не только стратегические цели, но и конкретные инструменты их реализации. Созданная доктрина должна исходить в первую очередь из чаяний и интересов собственного народа и включать в себя, как минимум, два основных принципа: принцип безопасности и принцип непрекращающегося развития.

Принцип безопасности содержит в себе осознание необходимости защиты «станового хребта» страны, а именно суверенитета. Принцип развития требует открытости и постоянного обновления в связи с изменяющимися внешне- и внутреннеполитическими условиями развития страны.

В связи с этим возникает закономерная дихотомия, где существуют четыре ситуации, или стратегии внешнеполитического самовыражения той или иной страны, а именно:

- 1) суверенитет есть открытость,
- 2) суверенитет не есть открытость,
- 3) открытость есть суверенитет,
- 4) открытость не есть суверенитет.

Опишем более детально сочетания каждой из представленных пар.

Первая пара «суверенитет есть открытость» предполагает, что естественно развивающееся государство с нормальным уровнем экономических показателей, с обозначенным и защищаемым суверенитетом должно полагаться прежде всего на те принципы, которые закреплены суверенитетом страны. Однако политическая практика показывает отклонения, когда, например, США в защите своих интересов доходят до примата собственного законодательства над международным правом. В связи с этим возникает необходимость открытости для любого государства с целью гармонизации и сочетания в своей политике интересов собственного суверенитета с международными правилами, принятыми всем мировым сообществом. Открытость также предполагает существование механизма защиты суверенитета одного государства от посягательств на его целостность со стороны других стран, и такой механизм может существовать также только в рамках мирового сообщества.

Вторая пара, где «суверенитет не есть открытость», предполагает, что чрезвычайная защита государством исключительно своих интересов и независимости может привести при ее абсолютизации к железному занавесу. Известно, что при наличии серьезных внешних угроз система предпочитает закрываться от внешнего влияния, обеспечивая тем самым надежную защиту своей целостности. В данной парадигме суверенитет становится в антагонистическую позицию по отношению к открытости, что может привести к застою, ослаблению и, в конечном итоге, гибели государства.

Дихотомия **третьей пары — «открытость есть суверенитет»** — раскрывается в тезисе о том, что открытое взаимодействие государства с другими игро-

ками мирового сообщества (например, установление торговых и иных экономических связей, создание некоммерческих международных организаций по содействию улучшению экологии, защиты животных и т.п.) ведет к улучшению внутривнутриполитического и экономического климата самого государства в целом и способствует повышению жизненного уровня населения, развитию правовой культуры и общечеловеческих ценностей, укреплению государственных структур и армии, внутренней безопасности.

Четвертая пара, где «открытость не есть суверенитет», может демонстрировать примеры того, когда открытость государства связана не с взаимовыгодным сотрудничеством с другими странами, а больше используется внешними игроками для порабощения и развала суверенитета страны. Часто это можно наблюдать, когда у государства не существует ограничений и деятельность иностранных агентов никак не контролируется на его территории, либо осуществляется финансирование политических партий из-за рубежа, что делает государственную власть крайне неустойчивой, и т.п.

С учетом описания вышеназванных четырех дихотомий основной акцент в доктрине России, на наш взгляд, должен быть сделан на закреплении и реализации таких принципов, как свобода, открытость России для доступа к ней внешнего мира, с одной стороны, и контроль за деятельностью иностранных агентов на территории страны, с другой стороны.

Очевидно, что Запад ждет закрытости России и всячески подталкивает к этому мировое сообщество. Однако в России должно быть устойчивое понимание того, что открытость — это необходимое условие стабильного и эффективного развития системы, такое понимание позволяет нам успешно блокировать попытки других стран противодействовать влиянию России в мире.

Исходя из вышесказанного, России необходимо диверсифицировать торговые и экономические отношения с другими странами. В частности, этой цели способствуют такие объединения, как ЕАС и БРИКС, однако с этими структурами может быть связана только часть усилий страны. Огромное пространство для установления внешнеполитических контактов находится также на африканском континенте и в Азии. Многие европейские страны (Франция, Италия и др.), которые открыто не соглашались с американской доктриной и практикой экономической блокады России, также могут стать нашими союзниками в рамках отдельных соглашений и договоренностей.

В настоящее время России брошено Западом два реальных вызова:

— установление систем ПРО и проведение комплекса мероприятий разведывательного, радиотехнического и огневого характера (аэростатная противоракетная защита и т.д.) вблизи границ России;

— перемещение к границам России штабов, контингентов и военной инфраструктуры США.

Нам представляется, что реакция России на данные вызовы должна быть жесткой и бескомпромиссной и должна сопровождаться использованием всех доступных нам ресурсов и инструментов противодействия. Условно говоря, используя

метафору «Светофора»: современная внешнеполитическая ситуация для России может быть красной, желтой и зеленой. В настоящее время угрозы сигнализируют о «желтом» уровне опасности, но все идет к тому, чтобы снизить уровень опасности до благоприятного для России «зеленого» цвета.

С другой стороны, можно с уверенностью констатировать, что США, создав трансатлантический союз, создали также и возможности для того, чтобы отказаться от механизмов и правил ВТО и создавать такие же союзы и с другими континентами. Эта ситуация для России окрашена в «желтый» цвет, который стремится к «красному», и задача здесь для России — активно создавать свои внешнеэкономические и торговые сети, например, на Ближнем Востоке с Сирией, Ираком, Йеменом, Ираном, Афганистаном; с Латинской Америкой и др.

Мы уже упоминали также о разворачивающейся «информационной» войне, и очевидно, что в этом направлении США будут стремиться усилить свою мощь с целью трансляции своих смыслов и ценностей, «захвата» умов следующих поколений, навязывания своего видения и условий существования миропорядка.

Активно продвигаемая в американской внешней политике в последнее десятилетие стратегия «управляемого хаоса» вызывает большие сомнения в своей осуществимости и является блефом, ориентированным скорее на внутриамериканскую аудиторию. Внутри США в условиях кризиса нужно создать видимость того, что все в мире остается по-прежнему и американскому лидерству ничего не угрожает. Этим поведением США во многом напоминают СССР, где реформы заменялись точечными изменениями и созданием видимости. Мы видим, что вместо реальных реформ своей внешней политики США изменили преимущественно ее информационное сопровождение. Концепция «управляемого хаоса» может использоваться и для оправдания собственных внешнеполитических провалов. Однако управляемый хаос является опасной иллюзией американского истеблишмента, а на самом деле мы получаем реальный хаос, с которым США не могут справиться даже совместно со своими союзниками по НАТО. Этот управляемый хаос все больше угрожает и самим США, которым нужно переходить к признанию реалий многополюсного мира. Сегодня все более заметно обозначают свои позиции новые игроки: в первую очередь Россия, а в Тихоокеанском регионе — Китай. Это ведет к тому, что любые попытки одностороннего неограниченного вмешательства (в том числе и силового) в любой точке земного шара будут пресекаться.

В связи с этим Россия принимает брошенные ей вызовы и вступает в бескомпромиссную борьбу, потому что в современном мире именно в информационном поле проходят основные бои и схватки за будущее поколение. При этом государство не может быть единственным исполнителем тех задач, что сейчас стоят перед Россией. Назрела необходимость в создании в российском гражданском обществе тех структур и механизмов, которые могли бы взять на себя многие из данных функций. Чтобы не повторить промахи прошлого, Россия уже сейчас должна занять не выжидательную, а наступательную позицию, продиктованную скорее необходимостью защиты. Это требование продиктовано в первую очередь необходимостью создания безопасного и устойчивого миропорядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Гурбангельдиев А.М.* Роль США в реструктуризации Ближнего Востока // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. С. 91—99.
- [2] *Дегтерев Д.А., Савичева Е.М., Матеева И.М.* Динамический хаос, конфликты на Большом Ближнем Востоке и механизмы глобального управления в XXI в. (материалы Экспертного семинара и Ситуационного анализа РУДН) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. С. 9—24.
- [3] *Иванов В.Г.* Транснациональные элиты: кто они? Концептуальное поле исследования. М.: РУДН, 2007.
- [4] *Иванов В.Г.* «Charts power» — «рейтинговая сила» как инструмент мягкой силы и экономическое оружие: технологии использования и стратегии противодействия. М.: Инфра-М, 2015.
- [5] *Ильин И.А.* Теория права и государства. М., 2003. URL: http://thelib.ru/books/ivan_aleksandrovich_ilin/ponyatiya_prava_i_sily_opyt_metodologicheskogo_analiza-read-7.html (дата обращения: 15.04.2015).
- [6] *Каламанов В.А.* Время преодоления. К практической философии российской идеи. 2-е изд. М.: Весь мир, 2015.
- [7] *Каламанов В.А.* Украина в геополитическом измерении современной мировой системы и возвращение российского лидерства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014. № 4. С. 5—21.

Дата поступления статьи: 11.11.2015

Для цитирования: *Каламанов В.А.* Формирование новых глобальных «правил игры»: роль России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2016. № 1. С. 95—113.

THE FORMATION OF THE NEW GLOBAL “RULES OF THE GAME”: THE ROLE OF RUSSIA

V.A. Kalamanov

International Sustainable Energy Development Centre
under the auspices of UNESCO
Kedrov str., 8/1, Moscow, Russia, 117292

The given article presents analysis of contemporary geopolitical situation in the world. The author proves that the growth of international tensions caused by disappearance of the balance of power in world politics as well as the strategy of hegemonic power of the U.S. actualizes the necessity of activation of political role of the Russian Federation in the world. The author argues the common understanding that the status of the “superpower” on the world stage is primarily determined by economic parameters. With the decrease of international powers of the United States, the illusion of “American exceptionalism” vanishes that leads to transformations of geopolitical and geostrategic

configurations. In this regard, Russian military operation in Syria clearly demonstrates the return by Russia of its superpower status in world politics and the elimination of the imaginary monopoly of NATO on “precision war”. Thus, Russian Federation demonstrates a fundamentally different foreign policy model based on respect for international law, the principles of national sovereignty and multilateral cooperation. The return of Russia's superpower status is determined by its ability to openly oppose the US on issues of fundamental importance and requires the consolidation of Russian society, formation of state ideology and the intensification of efforts to build foreign alliances and participate in integration associations.

Key words: geopolitics, political leadership, foreign policy of the Russian Federation, NATO, Syria.

REFERENCES

- [1] Gurbangel'diev A.M., 2015. Rol' SShA v restrukturizacii Blizhnego Vostoka [The US role in the restructuring of the Middle East]. *Vestnik RUDN. Mezhdunarodnye otnoshenija*. No. 3. P. 91—99.
- [2] Degterev D.A., Savicheva E.M., Mateva I.M., 2015. Dinamicheskij haos, konflikty na Bol'shom Blizhnem Vostoke i mehanizmy global'nogo upravlenija v XXI v. (materialy Jekspertnogo seminaru i Situacionnogo analiza RUDN) [Dynamic chaos, conflicts in the Greater Middle East and the mechanisms of global governance in the XXI century. (Materials of the Expert Seminar and of the Situational Analysis of PFUR)]. *Vestnik RUDN. Mezhdunarodnye otnoshenija*. No. 3. P. 9—24.
- [3] Ivanov V.G., 2007. *Transnacional'nye jelity: kto oni? Konceptual'noe pole issledovanija* [*Transnational elite: who are they? Conceptual field studies*]. Moscow: PFUR.
- [4] Ivanov V.G., 2015. «Charts power» — «rejtingovaja sila» kak instrument m'jagkoj sily i jekonomiceskoe oruzhie: tehnologii ispol'zovanija i strategii protivodejstvija [«Charts power» — «the rating power» as a tool of soft power and economic weapon: the technology of using and strategy for countering]. Moscow: Infra-M.
- [5] Il'in I.A., 2003. *Teorija prava i gosudarstva* [*Theory of Law and State*]. Moscow [Online]. Available at: http://thelib.ru/books/ivan_aleksandrovich_ilin/ponyatiya_prava_i_sily_opyt_metodologicheskogo_analiza-read-7.html (Accessed 15 April 2015).
- [6] Kalamano V.A., 2015. *Vremja preodolenija. K praktičeskoj filosofii rossijskoj idei*. 2-e izd. [*Time of overcoming. On practical philosophy of the Russian idea*. 2nd ed.]. Moscow: Ves' mir.
- [7] Kalamano V.A., 2014. Ukraina v geopoliticheskom izmerenii sovremennoj mirovoj sistemy i vozvrashhenie rossijskogo liderstva [Ukraine in the geopolitical dimension of the modern world system and the return of the Russian leadership]. *Vestnik RUDN. Politologija*. No. 4. P. 5—21.

For citations: Kalamano V.A. The Formation of the New Global «Rules of the Game»: the Role of Russia. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 16. No. 1 (March 2016). Pp. 95—113.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ООН И МОГО ПО ВОПРОСАМ БОРЬБЫ С КАТАСТРОФАМИ В НАЧАЛЕ XXI В.

А.В. Кувшинов

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена исследованию проблемы, анализу структуры и основных направлений деятельности специализированных учреждений ООН, а также других международных организаций, таких как Международная организация гражданской обороны (МОГО) по борьбе с катастрофами и гражданской обороне/защите от катастроф в начале XXI в. Актуальность статьи состоит в том, что впервые в отечественной научной литературе достаточно подробно рассматривается многоуровневый характер взаимодействия этих органов, распределение между ними функций и обязанностей (ред.). Основной вывод статьи заключается в том, что в настоящее время успешно функционирует разветвленная система специализированных учреждений ООН и других международных организаций, которая с начала XXI в. уже неоднократно демонстрировала оперативный характер и эффективность оказания помощи пострадавшим странам и населению в борьбе с катастрофами, однако эта система нуждается в существенном улучшении своей эффективности и потенциала действий.

Ключевые слова: природные и техногенные катастрофы, гражданская защита/оборона, Управление Верховного Комиссара по делам беженцев (УВКБ) ООН, Управление по Координации гуманитарных вопросов (УКГВ) ООН, Центральный Фонд реагирования на чрезвычайные ситуации (СЕРФ), чрезвычайная гуманитарная помощь, Международная организация гражданской обороны (МОГО).

В условиях глобального мира участвовавшие природные и техногенные катастрофы приобретают все более масштабный характер [Арнольд 1990: 2]. Их предупреждение, мониторинг ситуации и борьба с их последствиями становятся уже не под силу отдельным государствам. Проблема требует широкого международного формата, координации усилий международных организаций и структур, ведущее место среди которых занимают специализированные органы ООН и Международная организация гражданской обороны (МОГО).

Для успешного сотрудничества необходим многоуровневый характер взаимодействия этих органов, характер их взаимодействия, распределение функций и обязанностей. Глобальная система защиты от природных и техногенных катастроф требует создания международно-правового поля, четко регламентирующее все сферы деятельности.

Система специализированных организаций ООН, а также других международных организаций и национальных структур осуществляет многоплановую, скоординированную и достаточно эффективную деятельность по борьбе с катастрофами, в вопросах гражданской защиты/обороны, а также в деле оказания чрезвычайной гуманитарной помощи населению [Арнольд 1990: 12].

В данной статье автор впервые в отечественном научном дискурсе предпринял попытку сформулировать проблему исследования и провести анализ деятельности специализированных организаций ООН, а также МОГО по борьбе с катастрофами в начале XXI в.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Существуют следующие причины необходимости широкого и целенаправленного участия специализированных учреждений ООН, а также других международных организаций в защите населения от катастроф в XXI в. [Арнольд 1990: 3]:

— во-первых, появление комплекса глобальных угроз, которым может противостоять только мировое сообщество в целом. Ни одна из стран мира, какой бы огромной и богатой она ни была, не может эффективно влиять на глобальные процессы природного и техногенного характера [Гражданская защита 2006: 6];

— во-вторых, при крупномасштабных катастрофах многим странам наносится столь ощутимый экономический ущерб, что его восполнение в допустимые исторические сроки возможно лишь при широкой экономической помощи со стороны других государств, международных и региональных организаций. Особенно это характерно для небольших развивающихся государств Азии и Африки, которые в результате катастроф иногда оказываются на грани банкротства, поскольку ущерб в таких случаях может превышать общую стоимость их ВВП [Гражданская защита 2006: 7];

— в-третьих, ликвидация последствий крупномасштабных катастроф требует привлечения значительных, хорошо подготовленных сил для проведения аварийно-спасательных и других неотложных работ. Многие страны такими силами не располагают [Гражданская защита 2006: 7];

— в-четвертых, важной составляющей и часто трудно осуществимой частью мер по ликвидации последствий катастроф является жизнеобеспечение пострадавшего населения, в которое существенный вклад вносит гуманитарная помощь со стороны других государств, международных и региональных организаций [Осипов 1995: 9];

— в-пятых, в последние годы природные и техногенные катастрофы все чаще приобретают трансграничный характер, то есть их последствия распространяются одновременно на территории нескольких сопредельных государств. Ликвидация этих последствий требует, как правило, взаимодействия на межгосударственном и региональном уровне [Реймерс 1998: 16].

Все это обусловило, начиная с конца XX в. бурное развитие международного сотрудничества и взаимодействия в области борьбы с природными и техногенными катастрофами [Бажанов 2001: 54].

Сегодня специальные учреждения ООН, а также система органов в других международных организациях являются главным источником экстренной помощи и долгосрочного содействия, катализатором действий правительств и гуманитарных организаций по борьбе с катастрофами и оказанию оперативной помощи населению, пострадавшему в чрезвычайных ситуациях [Реймерс 1998: 18].

Что касается деятельности специализированных учреждений системы ООН, то исходя из того, что одной из целей Организации Объединенных Наций, как указано в ее Уставе, является «осуществление международного сотрудничества в решении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера»¹, современная система ООН включает в себя различные специализированные учреждения и организации, которые участвуют в деятельности по борьбе с катастрофами и гражданской обороне/защите населения от последствий чрезвычайных ситуаций [Towards National... 2008: 4]. Такими основными ооновскими организациями являются: учреждения: Управление по координации гуманитарных вопросов (УКГВ ООН) — The Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (ООНА) [Гражданская защита 2006: 3]; Центральный фонд реагирования на чрезвычайные ситуации (СЕРФ) УКГВ ООН — Central Emergency Response Fund (CERF) [Emergency Management... 2010: 14]; Всемирная продовольственная программа (ВПП ООН) [Vorobiev, Loktionov, Faleyev... 1997: 10]; Программа развития ООН (ПРООН) — The United Nations Development Program (UNDP) [Vorobiev, Loktionov, Faleyev... 1997: 10]; Управление Верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ ООН) [Local Governments and Disaster... 2010: 25] — The United Nations High Commission for Refugees (UNHCR) [Vorobiev, Loktionov, Faleyev... 1997: 11]; Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) — The United Nations Children's Emergency Fund (UNICEF) [Vorobiev, Loktionov, Faleyev... 1997: 12]; Всемирная продовольственная программа ООН (ВПП) — The World Food Programme (WFP) [Vorobiev, Loktionov, Faleyev... 1997: 13]; Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО) — The United Nations Food and Agricultural Organization (FAO) [Vorobiev, Loktionov, Faleyev... 1997: 13]; Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) — World Health Organization (WHO) [Vorobiev, Loktionov, Faleyev... 1997: 13], а также Ближневосточное агентство ООН для оказания помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР) — United Nations Relief and Works Agency for Palestine Refugees in the Near East (UNRWA) [Vorobiev, Loktionov, Faleyev... 1997: 16]. При этом четыре подразделения ООН: ПРООН, УВКБ, ЮНИСЕФ и ВПП играют ведущую роль в деле оказания чрезвычайной помощи [Haddow, Bollock 2006: 16].

Также вопросами оказания чрезвычайной гуманитарной помощи населению, пострадавшему от стихийных бедствий, занимаются такие учреждения ООН, как Международная организация по миграции (МОМ) — International Organization for Migration (IOM); Международная организация обществ Красного креста и Красного полумесяца — International Organization of Red Cross and Red Crescent Societies; Международный комитет Красного Креста (МККК) — The International Committee of the Red Cross (ICRC) и ряд других международных неправительственных организаций [Реймерс 1998: 14].

Головным информационно-координационным центром системы специализированных учреждений и структур ООН является Центр по операциям и кризисным ситуациям ООН (ЦОКС) — United Nation Operations and Crisis Center (UNOCC),

---

¹ UN Charter. N.Y., 1971. P. 1.

который начал функционировать 28 января 2013 г. в г. Нью-Йорке (США) [Haddow, Vollock 2006: 21]. Основной задачей ЦОКС является подготовка ежедневных интегрированных докладов о ситуации в мире, проведение брифингов для руководства ООН, оповещение стран при крупных кризисах и катастрофах, а также информирование о ходе проведения миротворческих и других гуманитарных операций ООН. ЦОКС получает информацию от всех центров, которые существуют в системе ООН для принятия стратегических решений.

Так, например, 5 сентября 2014 г. Генеральный секретарь ООН отдал распоряжение на активацию механизма чрезвычайного реагирования ООН, и ЦОКС начал проводить координацию усилий международного сообщества по борьбе с вирусом Эбола.

Практическими вопросами по координации мероприятий по борьбе с природными и техногенными катастрофами в системе ООН занимается Центральный фонд реагирования на чрезвычайные ситуации (СЕРФ УКГВ ООН) — Central Emergency Response Fund (SERF)¹, со штаб-квартирой в г. Женева, Швейцария [Emergency Management... 2010: 14]. Необходимо отметить, что он был создан в ответ на острую международную критику неспособности ООН эффективно и качественно осуществлять свой мандат в области гуманитарной помощи. СЕРФ УКГВ ООН был создан в апреле 2006 г., на донорский взнос Российской Федерации в УКГВ ООН, и начал функционировать с конца апреля 2007 г. [Emergency Management... 2010: 15; Проблемы развития и... 2014: 200]. В настоящее время деятельность СЕРФ УКГВ ООН по информационному обеспечению в области борьбы с природными и техногенными катастрофами востребована во всем мире.

В июле 1997 г. Генеральным секретарем К. Аннаном был предложен очередной «пакет реформ» системы гуманитарных агентств ООН. Новая реформа гуманитарной деятельности ООН была направлена на дальнейшую централизацию и сосредоточение координационных функций в рамках секретариата ООН. В докладе Генерального секретаря «Обновление ООН: программа реформ»² отмечалась необходимость усиления экспертной, организационной и финансово-технической поддержки усилий по оказанию помощи в чрезвычайных ситуациях. Для реализации этих задач в январе 1998 г. ранее созданный Департамент по гуманитарным вопросам (ДГВ) — Department of Humanitarian Affairs (ДНА) ООН был преобразован в УКГВ ООН [Haddow, Vollock 2006: 20].

В целом, в результате последующих реформ гуманитарных структур ООН были достигнуты следующие цели:

— во-первых, были разделены функции между штаб-квартирой УКГВ ООН в г. Нью-Йорке (США) и ее филиалом в г. Женеве (Швейцария). Штаб-квартира УКГВ ООН в г. Нью-Йорке стала выполнять политические и информационные функции, а также представлять информацию руководящим органам ООН, в том числе Генеральному секретарю и Совету Безопасности для принятия решений. Функции координации и реагирования были сосредоточены в филиале УКГВ

---

¹ U.N. Resolution A/46/182, December 19, 1991.

² U.N. Resolution A/51/950, July 14, 1997. Available at: www.un.org/ru/ga/documents/gakey.shtml.

ООН в г. Женеве [Towards National... 2008: 33]. Директор женевского офиса стал заместителем Координатора по оказанию помощи в чрезвычайных ситуациях, а офис стал отвечать за чрезвычайное гуманитарное планирование и координацию гуманитарной деятельности на местах; координацию реагирования гуманитарных организаций и проведение восстановительных мероприятий [Towards National... 2008: 34];

— во-вторых, УКГВ ООН было освобождено от выполнения некоторых других функций, чтобы не дублировать работу других гуманитарных структурах ООН. Это давало УКГВ ООН возможность сконцентрироваться на своих основных функциях — подготовке национальных сил и ресурсов и координации их совместных действий при реагировании на природные и техногенные катастрофы.

Однако ООН, в ходе проведения своей «второй» реформы, началом которой принято считать Доклад Генерального Секретаря ООН «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех»¹, так и не смогла принять кардинальные меры по улучшению координации гуманитарной деятельности. Несмотря на это, одним из успехов УКГВ ООН по повышению эффективности гуманитарной деятельности стало активное внедрение новейших информационных технологий для реагирования на природные и техногенные катастрофы.

В настоящее время одним из важнейших элементов деятельности УКГВ ООН является функционирование Глобальной системы оповещения о стихийных бедствиях и координации (ДЖИДАКС) — Global Disaster Alert and Coordination System (GDACS) [De Groeve, Peter, Annunziato 2009: 2]. ДЖИДАКС был разработан, как интегрированная веб-служба с официальным порталом www.gdacs.org, которая объединяет чрезвычайные информационные системы по борьбе с катастрофами и инструменты онлайн координации.

Сегодня ДЖИДАКС выполняет важнейшую функцию — заполняет пробелы в информационной и координационной деятельности в ходе первой фазы реагирования на катастрофы.

В 2013 г. в состав отдела активации и поддержки координации секретариата ДЖИДАКС в ходе своей внутренней реорганизации вошел в СЕРФ УКГВ ООН [De Groeve, Peter, Annunziato 2009: 23].

В системе ООН есть еще два специализированных центра, которые непосредственно занимаются вопросами борьбы с катастрофами. Ими являются:

Центр стратегических медико-санитарных операций имени Ли Чон-вука (ЦСМСО) — Strategic Health Operations Center (SHOC)² — подразделение ВОЗ ООН [Local Governments and Disaster... 2010: 8]. ЦСМСО был создан в июле 2003 г. и расположен в штаб-квартире ВОЗ ООН в г. Женеве. Впервые Центр был задействован для координации реагирования на действия по ликвидации последствий катастрофического цунами, происшедшего в Юго-Восточной Азии 26 декабря 2004 г. ЦСМСО ВОЗ ООН занимает важное место в реестре центров

---

¹ UN Document A/59/20056, March 21, 2005.

² World Health Organization Document Strategic Health Operations Center (SHOC). Available at: <http://www.who.int/csr/alertresponce/shoc/en>.

по борьбе с катастрофами УКГВ ООН и является руководящим центром, обеспечивающим единую координацию ответных действий на кризисы в области здравоохранения, включая вспышки инфекционных болезней, стихийные бедствия и чрезвычайные ситуации, связанные с химическими веществами. Центр отвечает за оповещение системы ООН и других гуманитарных партнеров и оснащен новейшими технологиями в области информации и поддержки чрезвычайных гуманитарных операций, на основе деятельности Глобальной сети оповещения о вспышке болезней и реагирования (ГОАРН) — Global Outbreak Alert and Response Network (GOARN)¹ [Risk and Poverty 2009:13].

Именно через ЦСМСО специализированный Департамент по обеспечению готовности к чрезвычайным ситуациям и реагированию ВОЗ ООН осуществлял координацию международных медико-санитарных мероприятий:

— во время марбургской геморрагической лихорадки в Анголе в марте 2005 г., затем ЦСМО официально объявил о ее ликвидации;

— при проведении международных медико-санитарных мероприятий, вызванных ураганом Катрина и разрушительным землетрясением в Пакистане в 2005 г. [Local Governments and Disaster... 2010: 11].

Также ЦСМСО координировал проведение медико-санитарных мероприятий во время вспышек птичьего гриппа, холеры и лихорадки Рифт-Валли [Local Governments and Disaster... 2010: 13]. Кроме этого, в 2012 г. Департамент глобальных возможностей, предупреждения и реагирования ВОЗ ООН, в дополнение к существующему центру создал Центр чрезвычайных операций общественного здравоохранения² [Emergency Management... 2010: 21]. Это было сделано с целью усилить международное взаимодействие и возможности государств-членов ВОЗ ООН для эффективного реагирования на все риски в области общественного здравоохранения в соответствии с требованиями документа «Международные медико-санитарные правила», принятого в 2005 г. [Emergency Management... 2010: 22].

Еще одним очень важным международным учреждением вне системы специализированных организаций ООН является указанная выше Международная организация гражданской обороны (МОГО) — International Civil Defence Organization (ICDO) [Haddow, Bollock 2006: 17].

МОГО — одна из старейших международных межправительственных гуманитарных организаций в мире, МОГО обладает основными международными инструментами, которые позволяют государствам-членам проводить мероприятия по борьбе с природными и техногенными катастрофами, а также оказывать гуманитарную помощь пострадавшему населению.

На сегодняшний день членами МОГО являются 55 государств, 19 государств-наблюдателей, а также 25 аффилированных организаций. Российская Федерация в лице МЧС России стала членом МОГО в 1993 г. [Проблемы развития и... 2014:

---

¹ Document of World Health Organization. Global Oubreak Alert and Response Network (GOARN). Available at: <http://www.who.int/csr/outbreaknetwork>.

² Document of World Health Organization. Public Health Emergency Operations Centre Network (EOC-NET). Available at: http://www.who.int/ihr/eoc_net/en.

24]. Для эффективной оперативной международной работы МОГО, при поддержке стратегического партнера — МЧС России, — создан Международный центр мониторинга и координации (МЦМК) — International Monitoring and Coordination Center (IMCC) в штаб-квартире организации (г. Женева, Швейцария). 15 июня 2015 г. прошло его торжественное открытие [Природные катастрофы... 2001: 291].

Основная роль МЦМК заключается в организации устойчивого информационного взаимодействия с центрами по борьбе с катастрофами системы ООН, других международных и региональных организаций, а также с национальными службами гражданской обороны [Природные катастрофы... 2001: 292].

Следует, однако, сказать, что, несмотря на очевидные успехи деятельности специализированных учреждений ООН в конце XX — начале XXI в. по гражданской защите/обороне проблема эффективной, оперативной, имеющей солидное финансовое обеспечение, а также располагающей всеми силами и средствами, включая подготовку и использование специального персонала, чрезвычайной гуманитарной помощи со стороны структур системы ООН остается особо актуальной и сегодня. Частично это связано с тем, что деятельность специализированных учреждений ООН по борьбе с катастрофами до сих пор является чрезмерно бюрократизированной, во многом зависящей от необходимого финансирования со стороны отдельных стран — участников этих структур ООН, а также, к сожалению, зачастую не лишена политических и экономических предпочтений и соображений чиновников системы ООН, несущих прямую ответственность за оказание помощи пострадавшим странам и регионам.

Все эти моменты, включая многочисленные мероприятия, проводимые в рамках ООН (конференции, симпозиумы, семинары, совещания и т.п.), в ходе которых постоянно обсуждаются вопросы повышения эффективности оказания помощи в борьбе с катастрофами, негативно влияют на саму эффективность оказания чрезвычайной гуманитарной помощи при возникновении природных и техногенных катастроф.

С другой стороны, деятельность специализированных международных организаций и созданных при них международных и национальных структур, прежде всего таких как МОГО, практически лишена этих недостатков и является гораздо более оперативной и эффективной, опирающейся на солидную финансовую и профессиональную кадровую базу. К тому же МОГО, которая не является частью структуры ООН (она имеет статус наблюдателя при ООН — *прим. авт.*), объединяет в своих рядах профильные национальные и международные структуры, такие как, например, МЧС России, которые способны оказывать и действительно оказывают высокоэффективную и оперативную чрезвычайную гуманитарную помощь по борьбе с катастрофами в любом регионе или любой стране мира, пострадавшими от этих катастроф. Эта помощь практически не зависит от политических и экономических соображений лиц и структур, ответственных за ее оказание. Таким образом, проблема борьбы с катастрофами со стороны специализированных структур системы ООН в начале XXI в. требует эффективных подходов к ее разрешению, для успешной реализации этих подходов, на наш взгляд, было бы целе-

сообразным использовать уже проверенные практикой схемы оказания помощи по борьбе с катастрофами других организаций, в частности МОГО.

Таким образом, деятельность специализированных учреждений ООН по борьбе с катастрофами в XXI в. нуждается в существенном улучшении своей эффективности и оперативности. В то же время эта деятельность таких международных неООНовских организаций, как МОГО, является более эффективной и соответствующей тем глобальным вызовам, которые представляют собой участившееся в XXI в. природные и техногенные катастрофы.

***

Рассмотрев основные моменты в деятельности специализированных организаций ООН, а также других международных организаций по борьбе с катастрофами в начале XXI в., можно сделать следующие основные выводы.

1. Деятельность специализированных организаций ООН, а также других международных и национальных учреждений и структур в начале XXI в. продемонстрировала свою оперативность и эффективность реагирования на чрезвычайные ситуации и техногенные и природные катастрофы и оказания чрезвычайной гуманитарной помощи пострадавшим странам и населению, в результате объединения усилий этих организаций ООН и других международных организаций и национальных структур.

2. Однако деятельность специализированных учреждений ООН по борьбе с катастрофами в XXI в. нуждается в существенном улучшении своей эффективности и оперативности. В то же время деятельность таких международных организаций, как МОГО, является более соответствующей тем глобальным вызовам, которые представляют собой участившееся в XXI в. природные и техногенные катастрофы.

3. Кроме того, по нашему мнению, в целом требуется дальнейшее наращивание деятельности по борьбе с катастрофами специализированных организаций ООН, а также МОГО с использованием всего арсенала сил и средств, а также новейших информационных технологий, имеющихся и поступающих в распоряжении этих организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Арнольд В.И. Теория катастроф. М.: Наука, 1990.
- [2] Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений. Избранные труды в 3-х т. М.: Научная книга, 2001.
- [3] *Гражданская защита. Энциклопедия* / под общ. ред. С.К. Шойгу. М.: Московская типография № 2, 2006.
- [4] Осипов В.И. Природные катастрофы в центре внимания ученых // Вестник РАН. 1995. № 6. С. 13—20.
- [5] Природные катастрофы на рубеже XXI-го века. 2001. Т. 71. № 4. С. 291—302.
- [6] Проблемы развития и совершенствования гражданской обороны Российской Федерации в современных условиях. Всероссийская конференция, 8—9 апреля 2004 г. Сборник материалов. М.: ФГУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2004.
- [7] Реймерс Н.Ф. Экологические кризисы и катастрофы. М.: Мысль, 1990.

- [8] *De Groeve T., Peter T., Annunziato A.* Global Disaster Alert and Coordination System. London, 2009.
- [9] *Emergency Management: Principles and Practice for Local Government / Editors: Thomas E. Drabek, University of Denver. Gerard J., N.Y.:* International City Management Association (ICMA), 2010.
- [10] *Haddow G., Bollock J.* Introduction to Emergency Management. Second Edition. N.Y.; Geneva, 2006.
- [11] *Local Governments and Disaster Risk Reduction. United Nations secretariat of the International Strategy for Disaster Reduction (UNISDR).* Geneva, 2010.
- [12] *Risk and Poverty in a changing climate. A 2009 Global Assessment Report on Disaster Risk Reduction. United Nations.* 2009.
- [13] *Towards National Resilience: Good Practices of National Platforms for Disaster Risk Reduction. Geneva: the United Nations secretariat of the International Strategy for Disaster Reduction (UN/ISDR),* 2008.
- [14] *Vorobiev Y.I., Loktionov N.I., Faleyev M.I. and others.* Disasters and man: Book 1. The Russian Experience of Emergency response / Edited by Y.L. Vorobiev. Moscow: AST-LTT, 1997.

Дата поступления статьи: 23.12.2015

Для цитирования: *Кувшинов А.В.* Деятельность специализированных организаций ООН и МОГО по вопросам борьбы с катастрофами в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2016. № 1. С. 114—123.

THE ACTIVITIES OF U.N. SPECIALIZED AGENCIES IN THE AREA OF DISASTER RELIEF OF POPULATION AND TERRITORIES AGAINST DISASTERS IN THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

A.V. Kuvshinov

Department of theory and history of international relations
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article deals with the analysis of the structure and main directions of the activities of UN specialized agencies as well as other international organizations and entities such as ICDO aimed at the organization of the measures for disaster relief and civil defence. The urgency of the article is in the fact that it is for the first time in Russian academic literature devoted to this topic with the specific examples of conducting of such measures. The main conclusions of the article stresses that the specialized U.N. agencies and other international and national entities have already demonstrated the urgent nature and efficiency of providing disaster relief to affected countries and population in the beginning of the XXI century but they should upgrade their potential in that regard in the coming years.

Key words: natural and industrial accidents, civil defence, United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR), UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (UNOCHA), United Nations Disaster Relief Organization (UNDRO), emergency humanitarian aid, International Civil Defence Organization (ICDO).

REFERENCES

- [1] Arnold V.T., 1990. *Teoriya katastrof* [The Theory of Disasters]. Moscow.
- [2] Bazhanov E.P., 2001. *Aktualnye problemy mezhdunarodnykh otnosheniy* [The Topical Issues of the International Relations. Selected Works in 3 volumes]. Moscow.
- [3] De Groeve T., Peter T., Annunziato A., 2009. *Global Disaster Alert and Coordination System*. London.
- [4] *Emergency Management: Principles and Practice for Local Government*, 2010. Editors: Thomas E. Drabek, University of Denver. Gerard J. Hostmer. N.Y.: International City Management Association (ICMA).
- [5] *Grazhdanskaya zaschita* [Civil Defence], 2006. The Reference Book. Ed. by Shoigu S.K. Moscow: The Second Moscow Printing office.
- [6] Haddow George, Bollock Jane, 2006. *Introduction to Emergency Management*. Second Edition. N.Y.; Geneva.
- [7] *Local Governments and Disaster Risk Reduction*, 2010. United Nations secretariat of the International Strategy for Disaster Reduction (UNISDR). Geneva.
- [8] Osipov V.I., 1995. *Prirodnye katastrofy v tsentre vnimaniya uchenykh* [The Natural Disasters in the Center of Scientists' Attention]. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. No. 6. P. 13—20.
- [9] *Prirodnye katastrofy na rubezhe XXI-go veka* [Natural Disasters at the turn of XXIst century]. 2001. Vol. 71. No. 4. P. 291—302.
- [10] *Problemy razvitiya i sovershenstvovaniya grazhdanskoi oborony Rossiyskoi Federatsii v sovremennykh usloviyakh* [The Problems of development and Perfection of the Civil Defence of the Russian Federation in the contemporary time. All-Russia Academic Conference, April 8—9, 2004]. 2004. A Collection of Works. Moscow.
- [11] Reimers N.F., 1990. *Ekologicheskiye krizisy i katastrofy* [Ecological crises and disasters]. Moscow.
- [12] *Risk and Poverty in a changing climate. A 2009 Global Assessment Report on Disaster Risk Reduction*. United Nations. 2009.
- [13] *Towards National Resilience: Good Practices of National Platforms for Disaster Risk Reduction*, 2008. Geneva: the United Nations secretariat of the International Strategy for Disaster Reduction (UN/ISDR).
- [14] Vorobiev Y.I., Loktionov N.I., Faleyev M.I. and others, 1997. *Disasters and man: Book 1. The Russian Experience of Emergency response*. Edited by Y.L. Vorobiev. Moscow: AST-LTT.

For citations: Kuvshinov A.V. The Activities of UN Specialized Agencies in the Area of Disaster Relief of Population and Territories against Disasters in the beginning of the XXI century. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 16. No. 1 (March 2016). Pp. 114—123.

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

АРМЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МОЗГОВЫХ ЦЕНТРАХ ФРАНЦИИ И ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Д.А. Хачатурян

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Данная статья посвящена актуальной и малоисследованной теме изучения проблематики Армении в мозговых центрах Франции. В статье рассматривается взаимосвязь между интересами ведущих мозговых центров Франции к изучению «армянской проблематики» и процессом принятия политических решений, а также влияние на этот процесс со стороны армянской диаспоры, проживающей во Франции. Основная часть исследователей и экспертов, занимающихся армянской проблематикой в аналитических центрах Франции, имеет армянское происхождение, и в первую очередь они проявляют интерес к политическим вопросам страны своего происхождения. Мозговые центры пользуются различными методами доведения интеллектуального продукта до лиц, принимающих решение. В статье особое внимание уделено количественному анализу влияния исследователей и мозговых центров на политический процесс страны.

Ключевые слова: мозговые центры, Франция, армянские исследования, армянская диаспора, процесс принятия решений, внешняя политика, международные отношения.

Статья посвящена актуальной и малоисследованной теме изучения проблематики Армении в мозговых центрах Франции. Среди небольшого количества исследований, посвященных мозговым центрам Франции, следует отметить работы Б.Ф. Монанжа, Э. Уильямса, К. Фиески и Дж. Гаффни [Monange 2008; Williams 2008; Fieschi 2004].

Во Франции насчитывается не менее десятка мозговых центров («think tanks»), специализирующихся на изучении международных отношений. Аналитические центры применяют методы как прямого, так и косвенного влияния на процесс принятия политических решений. Мозговые центры могут влиять на лиц, принимающих решения через общественное мнение, распространяя результаты своих исследований и свои идеи через СМИ или посредством издания политических журналов. Выступление исследователей в качестве экспертов на слушаниях в пар-

ламенте является одним из методов непосредственного воздействия на политику [Истомин 2009; Мирзаян 2011].

Основная часть исследователей, занимающихся армянской проблематикой в научных центрах Франции, имеет армянские корни, и в первую очередь именно они проявляют интерес к политическим вопросам страны своего происхождения. Прежде всего необходимо рассмотреть армянские исследования в известном экспертно-аналитическом центре страны, которым, несомненно, является Французский институт международных отношений в Париже (IFRI), возглавляемый Тьерри де Монбриалем. Согласно результатам проведенного в Пенсильванском университете исследования IFRI — единственный французский институт, который входит в двадцатку лучших мозговых центров мира и в десятку ведущих центров в сфере внешней политики и международных отношений по итогам 2015 г. [McGann 2016].

Центр турецких исследований IFRI под руководством Доротея Шмид опубликовал целый ряд статей французских и турецких исследователей и экспертов. Представляет интерес работа французского философа армянского происхождения Мишеля Марьяна и политолога Кристиана Макаряна под заглавием «Армянская диаспора Франции и Турция: возможность диалога?» [Marian 2011].

Армяне, которые были успешно интегрированы во французское общество, уже несколько десятилетий играют особую роль во франко-турецких отношениях. Требования армянской общины признания геноцида армян стали предметом франко-турецких разногласий, причиной охлаждения дипломатических отношений и являются существенным фактором, влияющим на развитие двусторонних отношений.

Авторы данной работы рассматривают исторические предпосылки отношений между армянской диаспорой и Турцией, эмоциональную сторону вопроса, изучают особенности политической ситуации во Франции, оценивают потенциальные изменения в армянской диаспоре и в самой Турции, а также точки расхождения в пределах диаспоры. Столетию геноцида армян в Османской империи был посвящен выпуск журнала «*Politique étrangère*» с подзаголовком «Армения—Турция: упущенное столетие». Статью в журнале опубликовали политолог Али Казансигил с названием «Турция и геноцид армян: от отрицания к признанию» [Kazancigil 2015] и М. Марьян «Геноцид армян: спустя сто лет» [Marian 2015]. Мишель Марьян — член редколлегии журнала «*Esprit*» и уже несколько десятилетий, начиная с 1981 г., регулярно публикует статьи по французской политике (более 200 публикаций), в том числе по армянскому вопросу. М. Марьян преподает в Парижском институте политических наук (Sciences Po) — кузнице политической и дипломатической элиты страны, работает в Министерстве высшего образования и исследований Франции. Кристиан Макарян — делегированный директор редакции французского еженедельника «*L'Express*» и за последние 8 лет издал более 300 статей и колонок в журнале.

Армянской проблематике было уделено внимание в IFRI также в рамках исследований Центра Россия/ННГ. Центр публикует коллекцию статей известных в своей области экспертов, которые посвящены России и новым независимым го-

сударствам. Российско-армянским двусторонним отношениям посвящена, в частности, статья политолога Гаидза Минасян под заглавием «Армения, российский аванпост на Кавказе?» [Minassian 2008].

Г. Минасян в журнале «*Politique étrangère*» неоднократно публиковал статьи по Южному Кавказу [Minassian 2008; 2004; 2002]. Армяно-турецким отношениям посвящена работа этого же автора в журнале «*La Revue internationale et stratégique*», выпускаемом Институтом международных и стратегических отношений (IRIS).

В статье про армяно-турецкий диалог Г. Минасян рассматривает начало процесса нормализации двусторонних отношений после подписания декларации в Берне и утверждения «дорожного плана» [Minassian 2009]. В контексте интересов и влияния великих держав и основных игроков на международной арене, так как данный вопрос выходит за рамки сугубо двусторонних отношений, автор рассматривает условия и тенденции данного диалога, позиции соседних стран, влияние этого процесса на карабахский конфликт, вопрос преодоления национализма и утверждает, что от позиции крупных держав, которые стремятся играть главную роль в этом стратегическом регионе, зависит развитие данного процесса.

По инициативе исследовательской группы по Центральной Азии в составе Центра по международным исследованиям (CERI) Института политических исследований в апреле 2015 г. в Париже была организована конференция на тему «Евразийский Союз и украинский кризис, какие перспективы для Южного Кавказа», в которой принимал участие Г. Минасян с докладом «Армения между Европейским и Евразийским союзами».

Еще один французский мозговой центр Фонд стратегических исследований (FRS) сотрудничает с Г. Минасяном в качестве эксперта по оборонной политике каспийских стран, по вопросам разрешения конфликтов на Южном Кавказе и в Центральной Азии, по деятельности восточного партнерства ЕС. Г. Минасян публиковал работы также во «Французском ежегоднике по международным отношениям», выпускаемом Центром «Фукидида» Университета Пантеон-Ассас. Г. Минасян преподает в Институте политических исследований в Париже, а также является журналистом газеты «*Le Monde*» и за 15 лет опубликовал более 220 статей и колонок в одной из ведущих французских газет. В 2010 г. выступал в качестве эксперта на слушаниях комиссии по иностранным делам по ситуации на Южном Кавказе в Национальном собрании Франции, а в 2014 г. на слушаниях комиссии по расследованию в Сенате в качестве эксперта FRS по вопросу борьбы против сетей джихадистов во Франции и в Европе.

Возвращаясь к исследованиям, проводимых в Институте международных и стратегических отношений, следует также отметить публикацию по Нагорному Карабаху в журнале «*La Revue internationale et stratégique*» политолога Матье Питтома, в сферу интересов которого входят непризнанные государства [Petithomme 2013]. Проводится аналитическая работа по армянской тематике в рамках «Обсерватории по Турции и ее геополитического окружения» под руководством заместителя директора IRIS, специалиста по Турции и Ближнему Востоку Дидье

Бийона [Billion 2014; La question... 2013]. Согласно отчету деятельности IRIS, Д. Бийон в 2006 г. упоминается 11 раз в СМИ (интервью радиостанциям, статья в газете, цитирование автора по армянской тематике), в 2005 г. — 2 раза. Для выпуска номера «Разнообразие — преимущество для Франции» IRIS предложил опубликовать статью как и представителям других этнических организаций Франции, тогдашнему руководителю Координационного совета армянских организаций (ССАФ) Алекси Говчяну на тему успешной интеграции армян в разделе «Разнообразие — мост в сторону внешнего мира» [Govciyan 2009]. Институт изучения проблем безопасности Европейского Союза в Париже (IESUE) уделял внимание армянской тематике в контексте восточного партнерства, решения Армении не подписывать соглашение об ассоциации и о зоне свободной торговли [Popescu 2013] и в рамках исследований института по Южному Кавказу [Gregorian 2003].

Французский историк, профессор, почетный директор библиотеки Нубар в Париже и редактор журнала «Современные армянские исследования», автор многочисленных книг по современной истории и геноциду армян Раймон Кеворкян был также руководителем турецких исследований во Французском институте геополитики (IFG) Университета Париж VIII. Так, в 2009 г. в рамках данного мозгового центра проводилась конференция на тему «Постсоветский Южный Кавказ: геополитический узел на перекрестке сфер влияния», где выступал Р. Кеворкян с докладом относительно армяно-турецкого диалога и его влияния на Кавказский регион. В конференции принимали участие Г. Минасян, К. Мурадян, Ж. Зарифьян и другие. Доктор геополитики, доцент Университета Сержи-Понтуаэ Жульен Зарифьян, который во Французском институте геополитики в 2010 г. защитил диссертацию под руководством Р. Кеворкяна и Б. Жиблен по внешней политике США на Южном Кавказе после распада СССР, опубликовал в журнале «Herodote» (основатель — географ и геополитолог Ив Лакост) результаты своих исследований, затрагивающих армянскую тематику под заглавием «Американская внешняя политика в Армении: плыть в российских водах и утверждаться в стратегическом регионе» [Zarifian 2008] и «США, Турция и армянская „проблема“» [Zarifian 2013].

Ж. Зарифьян — член редакционного комитета журнала «Politique americaine», выпускаемого Институтом Шуазеля, по изучению международной политики и геоэкономики. Можно отметить, в частности, публикацию по внешней политике США на Южном Кавказе в период президентства Б. Клинтона до Б. Обамы [Zarifian 2012], где автор анализирует последовательную политику проникновения США в регион Южного Кавказа и выделяет основные элементы этой политики: финансовая помощь, поддержка демократическим процессам, военное сотрудничество, энергетическая политика и дипломатические усилия по урегулированию региональных конфликтов. Он также сотрудничает с журналом «Diplomatie», посвященном международным отношениям и геополитическим вопросам современности и выпускаемом Центром анализа и прогнозирования международных рисков (CAPRI), где опубликовано, в частности, интервью Ж. Зарифьяна по геополитике Армении в досье по Кавказу [Zarifian 2012].

В журнале «Moyen-Orient», где группа исследователей из CAPRI публикует работы по геополитике, экономике и геостратегии арабо-мусульманского мира,

есть аналитическая статья журналиста и востоковеда Тиграна Екавяна под названием «Турция: общество, которое спрашивает себя о себе самом и о своей истории» для номера, посвященного Турции, а также работа о религиозных меньшинствах страны об отношениях между христианами и режимом Башара Асада в номере журнала по сирийской тематике [Yegavian 2011].

Институт Пьера Ренувена Университета Пантеон-Сорбонна, специализирующийся на изучении истории международных отношений, опубликовал результаты своих исследований относительно диаспор в выпуске 2010, № 141 журнала «Relations internationales». Для армянской проблематики представляет интерес статья журналиста, историка и политического аналитика Викена Четеряна «История, память и международные отношения: армянская диаспора и армяно-турецкие отношения» [Cheterian 2010]. Работа посвящена влиянию армянской диаспоры на политические процессы и на международные отношения, особенно на армяно-турецкие отношения. Исследуются также отношения армянской диаспоры и Армении, которые были довольно непростыми в контексте предпринятого Арменией и Турцией процесса сближения и нормализации двусторонних отношений. Президент Армении С. Саргсян, учитывая влияние диаспоры, совершил международное турне, чтобы выслушать представителей армянской диаспоры и убедить их поддержать соглашение с Турцией, но, несмотря на акции протеста со стороны диаспоры, армяно-турецкие протоколы об установлении дипломатических отношений и о развитии двусторонних отношений в 2009 г., были подписаны в Цюрихе, которые, однако, так и не вступили в силу. В. Четерян на протяжении двадцати лет активно сотрудничает с журналом «Le Monde diplomatique» и публикует статьи для журнала (67 публикаций), в том числе по армянской тематике.

Международный институт стратегических исследований (IIES) Парижской академии геополитики также уделял внимание армянским исследованиям. Необходимо отметить статью профессора политологии Американского университета в Париже Стивена Ековича по геосоциологии армянской диаспоры в журнале «Geostrategiques» [Ekovich 2006] и публикацию на тему геополитики незавершенного карабахского конфликта в номере «география конфликтов» профессора Университета Париж-Сорбонна, вице-президента Парижской академии геополитики Жерар-Франсуа Дюмона [Dumont 2013]. Ж.-Ф. Дюмон выступал с темой по карабахскому конфликту во время проведения международной конференции по геополитике Кавказа в 2013 г. в Национальном собрании Франции.

***

Таким образом, в предлагаемой статье были рассмотрены современные исследования по «армянской проблематике», проведенные в ведущих мозговых центрах Франции в сфере внешней политики и международных отношений. Автор предпринял попытку доказать, что основная часть таких исследователей и экспертов, имеющих армянское происхождение, посредством своих работ в аналитических центрах, безусловно, влияют на политический процесс данной страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Истомин И.А.* Механизм научно-аналитического обеспечения внешнеполитического процесса в США // Вестник МГИМО (У) МИД России. 2009. № 6. С. 97—110.
- [2] *Мурзаян Г.В.* «Мозговые центры» и процесс принятия решений в США // Электронный научный журнал Россия и Америка в XXI веке. 2011. № 3.
- [3] *Billion D.* Vers une réconciliation turco-arménienne? // IRIS — Observatoire de la Turquie et de son environnement géopolitique. 2014.
- [4] *Cheterian V.* Histoire, mémoire et relations internationales: la diaspora arménienne et les relations arméno-turques // Relations internationales. 2010. No. 141. P. 25—45.
- [5] *Dumont G-F.* Haut-Karabagh: Géopolitique d'un conflit sans fin // Géostratégiques. 2013. No. 38. P. 35—74.
- [6] *Ekovich S.* La géosociologie de la diaspora arménienne // Géostratégiques. 2006. No. 12. P. 193—210.
- [7] *Fieschi C., Gaffney J.* French Think Tank in Comparative Perspective // Think Tank Across Nations: A Comparative Approach. Manchester: Manchester University Press, 2004. P. 42—58.
- [8] *Govciyan A.* L'intégration réussie des Arméniens // Revue internationale et stratégique. 2009. No. 73. P. 87—89.
- [9] *Gregorian A.* L'Union et le conflit du Karabakh, in Le Sud Caucase: un défi pour l'UE, sous la direction de Dov Lynch // Cahiers de Chaillot. 2003. No. 65. P. 131—144.
- [10] *Kazancigil A.* La Turquie face au génocide des Arméniens: de la négation à la reconnaissance? // Politique étrangère. 2015. No. 3. P. 73—81.
- [11] *La question arménienne, préoccupation française et défi turc.* Club du Millénaire. IRIS // Observatoire de la Turquie et de son environnement stratégique. 2013.
- [12] *Marian M.* Génocide arménien: retour sur un centenaire // Politique étrangère. 2015. No. 3. P. 83—91.
- [13] *Marian M., Makarian Ch.* Les Arméniens de France et la Turquie: la possibilité d'un dialogue? // Note franco-turque. 2011. No. 5.
- [14] *McGann James* 2015 Global Go To Think Tank Index Report. University of Pennsylvania. 2016 [Online]. Available at: http://repository.upenn.edu/think_tanks/10 (Accessed 18.03.2016).
- [15] *Minassian G.* Le dialogue arméno-turc // Revue internationale et stratégique. 2009. No. 75. P. 47—58.
- [16] *Minassian G.* L'Arménie, avant-poste russe au Caucase? // Russie. Nei. Visions. 2008. No. 27.
- [17] *Minassian G.* Grands manoeuvres dans le Caucase du Sud // Politique Etrangère. 2008. No. 4 (Hiver). P. 775—787.
- [18] *Minassian G.* Paix et sécurité dans le Caucase du Sud // Politique Etrangère. 2004/4 (Hiver).
- [19] *Minassian G.* Caucase du Sud, les enjeux de la coopération régionale // Politique Etrangère. 2002. No. 3.
- [20] *Monange B.F.* Social Science Expertise and Policymaking. Comparing U.S., French, and EU Think Tanks: Similar Model Different Paths. // PS: Political Science & Politics. 2008. Vol. 41. No. 4. P. 909.
- [21] *Petithomme M.* L'État de facto du Haut-Karabagh arménien: entre démocratisation en trompe-l'œil et ethnicisation // Revue internationale et stratégique. 2013. No. 89. P. 30—39.
- [22] *Popescu N.* Behind — and beyond — Armenia's choice // ISSUE Alert. 2013. No. 35.
- [23] *Popescu N.* Keeping the Eastern Partnership on track // ISSUE Alert. 2013. No. 29.
- [24] *Yegavian T.* Repères minorités: Les relations entre les chrétiens et le régime Al-Assad // Moyen-Orient. 2011. No. 12.
- [25] *Yegavian T.* Turquie: une société qui s'interroge sur elle-même et son histoire // Moyen-Orient. 2011. No. 9.
- [26] *Williams A.* Why don't the French do think tank?: France faces up to the Anglo-Saxon superpowers, 1918—1921 // Review of International Studies. 2008. P. 53—68.

- [27] *Zarifian J.* Les États-Unis, la Turquie et le “problème” arménien // *Hérodote*. 2013. No. 149. P. 53—65.
- [28] *Zarifian J.* La politique étrangère américaine en Arménie: naviguer à vue dans les eaux russes et s'affirmer dans une région stratégique // *Hérodote*. 2008. No. 129. P. 109—122.
- [29] *Zarifian J.* La politique étrangère américaine, en dehors des sentiers battus. Les États-Unis au Sud Caucase (Arménie, Azerbaïdjan, Géorgie), de Bill Clinton à Barack Obama // *Politique américaine*. 2012. No. 19. P. 68—92.
- [30] *Zarifian J.* Julien Zarifian. Géopolitique de l'Arménie; Interview // *Diplomatie*. 2012. No. 11. P. 58—61.

Дата поступления статьи: 20.12.2015

Для цитирования: *Хачатурян Д.А.* Армянские исследования в мозговых центрах Франции и процесс принятия решений // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения»*. 2016. № 1. С. 124—132.

ARMENIAN STUDIES IN THE FRENCH THINK TANKS AND THE DECISION-MAKING PROCESS

D.A. Khachaturyan

Department of Theory and History of International Relations
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

This article is devoted to the research of the Armenian issues in research activity of French think tanks. The article analyzes the interrelation between Armenian studies in the main foreign policy and international affairs think tanks in France and the decision-making process, and also the Armenian diaspora's influence on this process. The main part of researchers and experts dealing with the Armenian themes in the think tanks of France, is of Armenian descent, and first of all they are interested in the political issues of the country of their origin. Think tanks have different methods of bringing their intellectual product to the decision-makers. Think tanks can influence decision-makers through the public opinion, disseminating the results of their research and ideas through the media or through the publication of political journals. Speech of the researchers as experts during hearing in the Parliament is also one of the methods for an influence on politics. In the article particular attention is given to the quantitative analysis of the impact of the researchers and think tanks on the political process.

Key words: think tanks, France, Armenian studies, Armenian diaspora, decision-making process, foreign policy, international relations.

REFERENCES

- [1] Istomin I.A., 2009. Mekhanizm nauchno-analiticheskogo obespecheniya vneshnepoliticheskogo protsessa v SShA [The science-policy mechanism of securing the foreign policy process in the United States]. *Vestnik MGIMO (U) MID Rossii*. No. 6. P. 97—110.

- [2] Mirzayan G.V., 2011. «Mozgovye tsentry» i protsess prinyatiya reshenii v SShA [«Think tanks» and the decision-making process in the United States]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal Rossiya i Amerika v XXI v.* No. 3.
- [3] Billion D., 2014. Vers une réconciliation turco-arménienne? *IRIS — Observatoire de la Turquie et de son environnement géopolitique.*
- [4] Cheterian V., 2010. Histoire, mémoire et relations internationales: la diaspora arménienne et les relations arméno-turques. *Relations internationales.* No. 141. P. 25—45.
- [5] Dumont G-F., 2013. Haut-Karabagh: Géopolitique d'un conflit sans fin. *Géostratégiques.* No. 38. P. 35—74.
- [6] Ekvovich S., 2006. La géosociologie de la diaspora arménienne. *Géostratégiques.* No. 12. P. 193—210.
- [7] Fieschi C., Gaffney J., 2004. French Think Tank in Comparative Perspective. *Think Tank Across Nations: A Comparative Approach.* Manchester: Manchester University Press. P. 42—58.
- [8] Govciyan A., 2009. L'intégration réussie des Arméniens. *Revue internationale et stratégique.* No. 73. P. 87—89.
- [9] Gregorian A., 2003. L'Union et le conflit du Karabakh, in Le Sud Caucase: un défi pour l'UE, sous la direction de Dov Lynch. *Cahiers de Chaillot.* No. 65. P. 131—144.
- [10] Kazancigil A., 2015. La Turquie face au génocide des Arméniens: de la négation à la reconnaissance? *Politique étrangère.* No. 3. P. 73—81.
- [11] La question arménienne, préoccupation française et défi turc, 2013. *Club du Millénaire. IRIS — Observatoire de la Turquie et de son environnement stratégique.*
- [12] Marian M., 2015. Génocide arménien: retour sur un centenaire. *Politique étrangère.* No. 3. P. 83—91.
- [13] Marian M., Makarian Ch., 2011. Les Arméniens de France et la Turquie: la possibilité d'un dialogue? *Note franco-turque.* No. 5.
- [14] McGann James, 2016. 2015 Global Go To Think Tank Index Report. University of Pennsylvania. [Online]. Available at: http://repository.upenn.edu/think_tanks/10 (Accessed 18 March 2016).
- [15] Minassian G., 2009. Le dialogue arméno-turc. *Revue internationale et stratégique.* No. 75. P. 47—58.
- [16] Minassian G., 2008. L'Arménie, avant-poste russe au Caucase? *Russie. Nei. Visions.* No. 27.
- [17] Minassian G., 2008. Grands manoeuvres dans le Caucase du Sud. *Politique Etrangère.* No. 4 (Hiver). P. 775—787.
- [18] Minassian G., 2004. Paix et sécurité dans le Caucase du Sud. *Politique Etrangère.* No. 4 (Hiver).
- [19] Minassian G., 2002. Caucase du Sud, les enjeux de la coopération régionale. *Politique Etrangère.* No. 3.
- [20] Monange B.F., 2008. Social Science Expertise and Policymaking. Comparing U.S., French, and EU Think Tanks: Similar Model Different Paths. *PS: Political Science & Politics.* Vol. 41. No. 4. P. 909.
- [21] Petithomme M., 2013. L'État de facto du Haut-Karabagh arménien: entre démocratisation en trompe-l'œil et ethnicisation. *Revue internationale et stratégique.* No. 89. P. 30—39.
- [22] Popescu N., 2013. Behind — and beyond — Armenia's choice. *ISSUE Alert.* No. 35.
- [23] Popescu N., 2013. Keeping the Eastern Partnership on track. *ISSUE Alert.* No. 29.
- [24] Yegavian T., 2011. Repères minorités: Les relations entre les chrétiens et le régime Al-Assad. *Moyen-Orient.* No. 12.
- [25] Yegavian T., 2011. Turquie : une société qui s'interroge sur elle-même et son histoire. *Moyen-Orient.* No. 9.
- [26] Williams A., 2008. Why don't the French do think tank?: France faces up to the Anglo-Saxon superpowers, 1918—1921. *Review of International Studies.* P. 53—68.
- [27] Zarifian J., 2013. Les États-Unis, la Turquie et le «problème» arménien. *Hérodote.* No. 149. P. 53—65.

- [28] Zarifian J., 2008. La politique étrangère américaine en Arménie: naviguer à vue dans les eaux russes et s'affirmer dans une région stratégique. *Hérodote*. No. 129. P. 109—122.
- [29] Zarifian J., 2012. La politique étrangère américaine, en dehors des sentiers battus. Les États-Unis au Sud Caucase (Arménie, Azerbaïdjan, Géorgie), de Bill Clinton à Barack Obama. *Politique américaine*. No. 19. P. 68—92.
- [30] Zarifian J., 2012. Julien Zarifian. Géopolitique de l'Arménie; Interview. *Diplomatie*. No. 11. P. 58—61.

For citations: Khachaturyan D.A. Armenian Studies of the French Think-tanks and the Decision-making Process. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 16. No. 1 (March 2016). Pp. 124—132.

РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ НОВОЙ ЗЕЛАНДИЕЙ И ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВВ.

А.В. Колмакова

Институт востоковедения РАН
ул. Рождественка, 12, Москва, Россия, 107031

В данной статье рассматривается становление и развитие политико-экономических отношений Новой Зеландии и стран ЕС с середины XX в. по настоящее время. Постепенное укрепление взаимного сотрудничества отвечает интересам либерализации рынка в ЮТР и позволяет Новой Зеландии ориентироваться не только на азиатский рынок, но и стать надежным полем для инвестиций для западных партнеров.

Ключевые слова: внешняя политика Новой Зеландии, ЕС, Совместная декларация о развитии отношений и сотрудничества, Жозе Мануэль Баррозо, Австралия, Новая Зеландия.

Несмотря на расстояния, разделяющие Новую Зеландию и страны Европейского Союза (ЕС) на карте мира, Веллингтон и ЕС связывают долгосрочные партнерские отношения. В основе этого партнерства лежит общий подход ко многим международным вопросам: это поддержка принципов демократии, уважение закона и прав человека, многостороннее сотрудничество в рамках международных организаций, таких как ООН и ВТО. Стороны координируют шаги по обеспечению мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), выступают с единой позицией по различным международным вопросам в рамках регионального форума АСЕАН, стремятся к устойчивому развитию отношений со странами бассейна Тихого океана. Европейский Союз, в частности, является одним из ключевых игроков в этом регионе мира и вторым по объему капиталовложений инвестором в экономику стран АТР.

С точки зрения стран Европейского Союза развитие политических отношений и взаимовыгодных экономических связей с Новой Зеландией полностью отвечает интересам распространения его влияния и укрепления позиций в южной части Тихого океана. Новая Зеландия является важным союзником Западной Европы с учетом ее географического положения, проводимого руководством страны курса на либерализацию рынка, политических и экономических и культурных связей с европейскими странами, открытости ее экономики, ее роли в ВТО и регионе в целом.

Со своей стороны, Новая Зеландия во многом благодаря исторически сложившимся связям и британскому влиянию всегда тяготела к Западной Европе и европейским ценностям. Несмотря на то, что в своей внешнеторговой деятельности Веллингтон прежде всего ориентируется на азиатский рынок, Европейский Союз является важным фактором стабильного развития экономики Новой Зеландии, регулятором спроса на высококачественные товары и услуги, хорошим рынком сбыта и надежным источником инвестиций. В 2012 г. страны ЕС инвестировали

в экономику Новой Зеландии свыше 8,8 млрд новозеландских долларов, заняв третье место по объему инвестиций в эту страну после Австралии и США (новозеландские инвестиции в ЕС составили 2 млрд долл.).

Среди стран — участниц ЕС Великобритания традиционно занимает первое место в экспорте новозеландских товаров. Вместе с тем в последние годы все большее значение приобретает сотрудничество Новой Зеландией и с другими европейскими государствами, в первую очередь с Германией и Нидерландами¹.

Важный шаг на пути сближения ЕС и Новой Зеландии был сделан в 1960 г., когда ее полномочный представитель в ранге посла был аккредитован в Брюсселе при Комиссии Европейских Сообществ. Вступление Великобритании в Европейское экономическое сообщество в 1973 г. по существу означало потерю рынка экспорта товаров как для Новой Зеландии, так и Австралии, в особенности в сельскохозяйственном секторе.

Начиная с 1975 г. рабочие встречи и консультации официальных представителей сторон, в том числе на уровне политического руководства, стали проводиться на регулярной основе. В ходе таких встреч обсуждались различные вопросы международной политики и двусторонних отношений, а также выявлялись точки соприкосновения для выдвижения совместных инициатив и выработки общей позиции по актуальным международным вопросам. В 1984 г. Постоянное представительство ЕС в Канберре получило аккредитацию и в Новой Зеландии, а в 2004 г. Европейский Союз открыл свое Постоянное представительство в Веллингтоне.

В мае 1996 г. отношения между ЕС и Новой Зеландией вступили в новую фазу, когда новозеландский министр иностранных дел Дон Маккиннон предложил разработать «документ в форме соглашения или кодекса обязательств с целью систематизации и официального закрепления ранее достигнутых Сторонами договоренностей».

В результате трехлетней работы над текстом документа в 1999 г. в Страсбурге была подписана Совместная Декларация по вопросам отношений между Европейским Союзом и Новой Зеландией, давшая новый импульс дальнейшему углублению двусторонних связей и развитию их сотрудничества в целом ряде областей. С подписанием Совместной Декларации была заложена основа сотрудничества в области политики и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, то есть там, где Стороны были крайне заинтересованы сохранения устойчивого мира и стабильности².

Сегодня отношения между Новой Зеландией и Европейским Союзом (ЕС) строятся на принципах, закрепленных в Совместной декларации о развитии отношений и сотрудничества, подписанной в Лиссабоне 21 сентября 2007 г., в дополнение к Совместной декларации 1999 г. и Плану общих действий 2004 г. под названием «Приоритетные направления дальнейшего сотрудничества». Этот до-

---

¹ An overview of European Union — New Zealand Relations Available at: http://eeas.europa.eu/new_zealand/index_en.htm (Accessed: 10.03.2015).

² NZ and Europe: a partnership for the 21st Century. The lecture of Winston Peters in University of Auckland Business School. Available at: <http://beehive.govt.nz> (Accessed: 10.03.2015).

кумент в форме совместного политического заявления отражает новый взгляд на перспективы двусторонних отношений между ЕС и Новой Зеландией и представляет собой развернутую программу координации усилий сторон на ближайшие пять лет и последующий период в таких областях, как международная и региональная безопасность, борьба с терроризмом, защита прав человека, визовый режим, развитие торгово-экономических связей, научно-техническое сотрудничество, контроль над глобальными климатическими изменениями и пр. В Совместной декларации подчеркивается значение установления более тесных отношений между странами в целях облегчения контактов между людьми и развития совместных научно-образовательных программ¹.

В рамках политического диалога между ЕС и Новой Зеландией проводятся консультации на уровне министров иностранных дел, а также встреч официальных представителей ЕС и Новой Зеландии для рассмотрения различных направлений двустороннего сотрудничества.

Регулярные контакты поддерживаются на уровне премьер-министра Новой Зеландии и Председателя Европейской комиссии. Проводятся консультации официальных представителей Сторон на заседаниях рабочих групп в рамках различных международных форумов. В 2011 г. Новую Зеландию посетил с визитом Жозе Мануэль Баррозо, впервые в качестве Председателя Европейской Комиссии. Ежегодно высокопоставленные представители Сторон встречаются в Брюсселе или Веллингтоне для обсуждения вопросов, представляющих взаимный интерес. Проводятся регулярные встречи для обсуждения отдельных направлений экономического сотрудничества между ЕС и Новой Зеландией, в частности, в области торговли сельскохозяйственной продукцией и продукцией рыболовства, научно-технического сотрудничества и прочих вопросов торгово-экономических отношений.

Примерно раз в год-полтора года осуществляется обмен парламентскими делегациями представителей Европейского парламента и парламента Новой Зеландии.

В последние годы значительно укрепились и расширилось сотрудничество в области международной политики, в частности, по таким представляющим взаимный интерес проблемам, как глобальное изменение климата, либерализация международной торговли, обеспечение мира и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, проблема защиты прав человека. При обсуждении этих вопросов на различных международных форумах Новая Зеландия и ЕС стремятся демонстрировать общность подходов, отстаивать и укреплять позиции друг друга².

Новая Зеландия в целом стремится демонстрировать свою приверженность политике ЕС. В конце 2014 г. она официально поддержала антироссийские санк-

---

¹ The European Union and New Zealand Joint Declaration on Relations and Cooperation, 21 September 2007. Available at: http://eeas.europa.eu/new_zealand/index_en.htm (Accessed: 13.03.2015).

² EU-New Zealand Relations. Main Areas of Cooperation. Available at: http://eeas.europa.eu/new_zealand/index_en.htm (Accessed 09.03.2015).

ции ЕС, приняв ряд ограничений в финансовой сфере. Местные банки вслед за австралийскими закрыли корреспондентские счета ряда российских банков из санкционного списка, в том числе Газпромбанка и Внешэкономбанка. Вместе с тем, по оценке экспертов, данный шаг следует рассматривать не как отражение политики руководства страны, а скорее как следствие действий основных банковских акционеров — главным образом австралийских банков.

ЕС и Новая Зеландия активно сотрудничают в области защиты окружающей среды, в том числе используя для продвижения своих инициатив трибуну ООН. Как Европейский Союз, так и Новая Зеландия подписали и ратифицировали Киотский протокол по вопросам климатических изменений. Согласно оценкам Комиссара ЕС по внешним связям Бенины Ферреро-Вальднер, «Новая Зеландия является близким партнером Евросоюза в Тихоокеанском регионе и за его пределами. В ЕС считают очень важным сосредоточить совместные усилия в области климата, тем более что ЕС и Новая Зеландия активно работают над обеспечением успешных итогов встречи на Бали, по пост-Киотской схеме».

На регулярной основе осуществляются консультации представителей Сторон по вопросам рыболовства, направленные на выработку действенного механизма мер, препятствующих распространению незаконной промышленной ловли рыбы в акватории Тихого океана.

Стороны осуществляют тесное сотрудничество в области научных исследований в рамках подписанного в 2008 г. Соглашения о научно-техническом сотрудничестве, которое вступило в силу в 2009 г. Уровень взаимодействия в этой области находит высокую оценку как в Новой Зеландии, так и в ЕС.

В ноябре 2013 г. Европейская комиссия приступила к реализации самой крупной европейской программы в области научных исследований и новых технологий, известной как RISE, рассчитанной на период 2014—2020 гг., с объемом коллективного финансирования порядка 80 млрд евро, участником которой является и Новая Зеландия.

Относительно новой областью сотрудничества между Новой Зеландией и ЕС является сотрудничество в сфере повышения качества высшего образования. Первый «пилотный» проект был запущен в 2004 г., а в 2008 г. начат второй. В 2004—2005 гг. группа студентов из Новой Зеландии обучались в Европе в рамках созданной Европейским Союзом программы студенческого обмена Эразмус Мундус. Европейская комиссия предоставила Национальному центру европейских исследований при Кэнтерберийском университете грант в размере 600 тысяч евро для создания сети центров ЕС в целях привлечения интереса к европейским делам и изучения вопросов взаимоотношений между ЕС и Новой Зеландией в школах, колледжах, правительственных учреждениях и на производственных предприятиях¹.

В июне 2006 г. Новая Зеландия и ЕС заключили первое соглашение о воздушных перевозках, позволившее унифицировать все ранее заключенные ей двусто-

---

¹ New Zealand and European Union — Priorities for Future Cooperation Available at: http://eeas.europa.eu/agenda_coop_2004_en.pdf (Accessed: 09.03.2015).

ронные соглашения со странами — участницами ЕС и привести их в соответствие с утвержденными Европейским Судом правилами «открытого неба». В 2008 г. в Брюсселе стартовали переговоры о заключении соглашения об обслуживании воздушных перевозок.

Важную роль в развитии двусторонних отношений ЕС и Новой Зеландии играет внешняя торговля. Европейский Союз является важным торговым партнером Новой Зеландии, занимая третье место по объему товарооборота после Австралии и КНР — доля ЕС составляет 12,6% (Австралии — 18,2%, а КНР — 15,5%).

Новая Зеландия, напротив, занимает лишь 54-е место в ряду торговых партнеров ЕС. В период 2006—2014 гг. ее доля в совокупном объеме торговли ЕС не превышала 0,2%. В 2013 г. совокупный объем товарооборота составил около 7,2 млрд евро (на импорт из Новой Зеландии пришлось 3,0 млрд евро, экспорт товаров из ЕС составил 4,1 млрд евро). При этом объем импорта в 2012—2013 гг. снизился на 1,3%, в то время как экспорт увеличился на 11,3%. В 2014 г. товарооборот между Новой Зеландией и ЕС превысил 16 млрд новозеландских долларов (13,7 млрд долл. США).

В структуре экспорта новозеландских товаров в страны ЕС около 65% занимает сельскохозяйственная продукция. Европейский Союз экспортирует в Новую Зеландию преимущественно легковые автомобили, продукцию фармацевтической и химической промышленности, оборудование связи, комплектующие для средств транспорта¹.

В 1999 г. Европейский Союз и Новая Зеландия заключили Соглашение о взаимном признании, которое позволило расширить торговлю продукцией промышленного производства и увеличить взаимный товарооборот до 500 млн евро в таких областях, как поставки медицинского оборудования, фармацевтических товаров и оборудования связи. Аналогичное соглашение было подписано ЕС и с Австралией. Два такого высокого уровня соглашения Европейский Союз впервые заключил с государствами, не являющимися его членами. Принцип взаимного признания, касающийся сферы согласования сертификатов соответствия товаров и правил доступа на рынки, рассматривается в Евросоюзе как одно из главных условий развития мирового рынка и снижения технических барьеров в торговле, увеличения экспорта товаров стран Сообщества и создания новых рабочих мест. В соответствии с указанными Соглашениями, заключенными с Новой Зеландией и Австралией, товары, экспортируемые в эти страны из ЕС, достигают рынка, минуя дополнительные процедуры согласования и проверки качества. Такой же порядок предусмотрен и для продукции, импортируемой ЕС из этих стран².

Торговля услугами между Новой Зеландией и ЕС составляет около 30% общего товарооборота и осуществляется в основном в сфере воздушных и морских

---

¹ European Commission — New Zealand, Available at: <http://EC.Europa.eu/trade/policy/countries-and-regions> (Accessed: 07.03.2015).

² A Guide for EC Designating Authorities, TC Conformity Assessment Bodies and European Industry. Second Edition Doing Business in Australia and New Zealand: Conformity Assessment, March 24, 2000. P. 6—7.

перевозок, коммерческих услуг и туризма. Развитие данного направления сотрудничества представляет интерес в первую очередь для Новой Зеландии, получающей значительный ежегодный доход за счет большого числа туристов из стран ЕС. Около 20% из числа посещающих в Новую Зеландию лиц являются гражданами стран Европейского Союза.

В финансовой сфере Евро прочно утвердился в качестве важной расчетной единицы для Новой Зеландии. Приблизительно 25% валютных запасов Новозеландского Резервного Банка содержатся в Евро.

Большинство внешнеторговых сделок регулируются положениями Совместной Декларации о развитии отношений и сотрудничества. Помимо этого, ЕС и Новая Зеландия заключили ряд соглашений, призванных облегчить взаимный доступ на свои рынки и снизить экспортные пошлины. Наиболее значимые из них — это Соглашение о ветеринарных нормах от 1 февраля 2003 г. и Соглашение о взаимном признании 1999 г., регулирующее торговлю промышленными товарами между ЕС и Новой Зеландией¹.

Начиная с 2012 г. Новая Зеландия и ЕС ведут переговоры о заключении рамочного соглашения по вопросам торгово-экономического сотрудничества, которое предполагает установление принципиально нового уровня взаимоотношений в этой области. Практически речь идет о разработке условий соглашения о свободной торговле. Новая Зеландия весьма заинтересована в достижении прогресса на переговорах по заключению такого соглашения, будучи связанной системой ограничительных квот на поставку своей продукции в страны ЕС. Так, например, общая квота Новой Зеландии на поставку мяса в ЕС в 2013 г. не превышала 1500 тонн, что, по заявлению спикера новозеландского парламента Локаута Смита, «просто смешно, поскольку это примерно соответствует объему производства мяса на среднестатистической новозеландской ферме». В июле 2006 г. в связи с новыми правилами в сфере конкуренции, установленными Европейским Судом, Европейский Союз был вынужден пересмотреть импортные квоты на поставку новозеландского масла в сторону увеличения, чтобы обеспечить этой продукции недискриминационный доступ на европейский рынок. Позже, в ноябре 2006 г., Стороны достигли взаимопонимания относительно порядка применения указанных правил в данном конкретном случае.

В ходе встречи премьер-министра Новой Зеландии Джона Кея с Председателем Европейской Комиссии Жозе Мануэлем Баррозу и Председателем Совета ЕС Херманом ван Ромпеем в марте 2014 г. в Гааге было подчеркнуто, что «на нынешнем этапе еще не создано всех необходимых условий для подписания соглашения о свободной торговле. Однако это является следующим шагом на пути развития отношений Сторон, и работа в этом направлении будет продолжена в 2015 г.»¹

---

¹ European Commission Statistics. Directorate General for Trade. Source Eurostat Context Statistical regime 4, units A4/G2/27-08-2014. Available at: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/tradoc_111547pdf.

¹ EU and New Zealand to pursue Framework Agreement. Available at: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-11-1288_en.htm.

30 июля 2014 г. в Брюсселе было подписано новое Совместное заявление Европейского Союза и Новой Зеландии по вопросам реализации Соглашения о партнерстве в области развития отношений и сотрудничества (PARC). Документ подписали Высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон и министр иностранных дел Новой Зеландии Мюррэй Маккалли. Как следует из текста заявления, переговоры по выработке условий Соглашения в основном завершены, и Стороны намерены проработать необходимые технические детали и юридические вопросы с тем, чтобы в согласованные сроки завершить совместную работу над проектом итогового документа¹.

Политические контакты на самом высоком уровне между новой Зеландией и ЕС в последние несколько лет, а также практические шаги со стороны Европейского Союза, такие как расширение Постоянного представительства в Новой Зеландии в 2014 г. и укрепление торгово-экономических связей, могут свидетельствовать в пользу дальнейшей интенсификации взаимоотношений между ними в ближайшем обозримом будущем. Вместе с тем результат этого сближения во многом будет зависеть от ситуации внутри самого Европейского Союза, который в настоящее время стоит перед лицом серьезных проблем, связанных с целым рядом факторов, таких как преодоление последствий его расширения за счет принятия новых членов со слабыми экономиками, продолжающийся с 2008 г. системный кризис экономики стран Евросоюза, проблема долговых обязательств Греции, отсутствие единого политического подхода его участников к важным международным вопросам, регулирование рынка сельскохозяйственной продукции, намерение отдельных стран по выходу из зоны Евро, дальнейшее участие Великобритании в ЕС. Как заявил постоянный представитель Новой Зеландии при ЕС Вангелис Виталис, Новая Зеландия, как и Австралия, в значительной мере заинтересованы в сохранении Великобританией сильных позиций в ЕС, рассматривая ее в качестве своей опоры в Европейском Союзе, играющим в свою очередь ключевую роль на всех переговорах в рамках ВТО².

Ожидается, что в 2015 г. проблемы экономики ЕС лишь обострятся, в частности, в результате потери части российского рынка сбыта сельскохозяйственной продукции.

Дата поступления статьи: 30.03.2015

Для цитирования: Колмакова А.В. Развитие отношений между Новой Зеландией и Европейским Союзом на рубеже XX—XXI веков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2016. № 1. С. 133—140.

---

¹ Новая Зеландия. Внешнеэкономсвязи, политика, 29.08.2014 № 117800. С. 12. [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://polpred.com/offshore.au> (Дата обращения: 29.08.2014) [New Zealand. Vneshekonomsyazi, politics, 29.8.2014 No. 117800. P. 12. Available at: <http://polpred.com/offshore.au> (Accessed: 29.08.2014)].

² Friends in the Asia-Pacific. Available at: http://eu-asiacentre.eu/events_details.php (Accessed: 13.11.2014).

DEVELOPMENT OF THE RELATIONS BETWEEN NEW ZEALAND AND THE EUROPEAN UNION AT THE TURN OF THE XXI CENTURY

A.V. Kolmakova

Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences
str. Rozhdestvenka, 12, Moscow, Russia, 107031

This article introduces the emergence and development of political and economic relations between New Zealand and the EU since the mid XX century till present. The progressive strengthening of the mutual cooperation has the positive effect on the market liberalization in YUTR and allows New Zealand to focus not only on the Asian market, but also become a reliable field for investment for Western partners. Today, relations between New Zealand and the European Union (EU) are based on the principles set in the Joint Declaration on the development of relations and cooperation, signed in Lisbon on 21 September 2007 in addition to the Joint Declaration of 1999 and the Plan of joint actions in 2004 entitled “Priorities for future cooperation”. Political contacts at the highest level between the EU and New Zealand, as well as practical steps taken by the European Union, such as enlargement of the Permanent Mission in New Zealand in 2014 and the strengthening of trade and economic relations, may testify in favor of the further intensification of relations between them in the foreseeable future. However, the result of this convergence will largely depend on the situation within the European Union, which currently faces serious problems related to a number of factors, including admission of new members with weak economies, the systemic crisis of the EU economies, the issue of debt of Greece, the lack of a common political approach of the participants to the important international issues, regulation of the market of agricultural products etc.

Key words: the foreign policy of New Zealand, Joint Declaration on the development of relations and cooperation, Jose Manuel Barroso, Australia, New Zealand.

For citations: Kolmakova A.V. Development of the Relations between New Zealand and the European Union at the turn of the XXI century. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 16. No.1 (March 2016). Pp. 133—140.

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

РАСПРОСТРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ НОРМ И ЦЕННОСТЕЙ: АГЕНТНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

Д.А. Дегтерев

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В данной статье показано, каким образом агентное моделирование позволяет исследовать механизмы распространения культурных норм и ценностей как в рамках одной страны, так и в целом по миру. В последние годы данный тип имитационного моделирования получил особое распространение в анализе международных отношений, став более популярным, чем системная динамика и дискретно-событийное моделирование.

Применение агентного моделирования в анализе международных отношений связано с агент-структурной проблемой в международных отношениях. Структура и агенты выступают как взаимообусловленные и динамически меняющиеся в процессе взаимодействия сущности. Моделирование взаимообусловленного агент-структурного взаимодействия возможно посредством теории сложных адаптивных систем с применением методов агентного моделирования.

Одним из первых примеров применения агентного моделирования в политической науке является модель расовой сегрегации Т. Шеллинга. На основе данной модели автор показывает, как изменение поведенческих паттернов на микроуровне влияет на макроуровень. Изменение паттернов происходит вследствие динамики культурных норм и ценностей, задаваемых в т.ч. СМИ. Автор показывает основные направления современного применения агентного моделирования международных отношений, в т.ч. при анализе этнических конфликтов, формировании международных коалиций.

Особое внимание уделяется подходу Р. Аксельрода, основанному на применении генетических алгоритмов при анализе механизмов распространения культурных норм и ценностей. Посредством агентного моделирования показывается, как создать такие условия, чтобы нормы, которые изначально может не разделять значительная часть населения, в конечном счете распространились повсеместно. Практическое применение данных алгоритмов показано автором статьи на примере ситуации на Украине 2015—2016 гг. В статье также раскрываются механизмы международного распространения культурных норм и ценностей.

Указаны основные центры по применению агентного моделирования в международных отношениях. Приведен наиболее часто используемый софт. Показано, что значительная часть исследований по данной проблематике имеет большое прикладное значение.

Ключевые слова: имитационное моделирование, агентное моделирование, агент-структурная проблема, модель расовой сегрегации, Т. Шеллинг, Р. Аксельрод, нормы и ценности.

Агентное (агент-ориентированное) моделирование (agent-based modeling, АВМ) — это, пожалуй, наиболее молодой вид имитационного моделирования, получивший практическое развитие в области политических наук и международных отношений лишь в 1990—2000-е гг. [Дегтерев 2015]. Вместе с тем еще Джон фон Нейман в 1940-е гг., изучая самовоспроизводящиеся системы, разработал теорию клеточных автоматов. В 1970-е гг. на основе идей Дж. фон Неймана английский математик Дж. Конвей разработал клеточный автомат — игру «Жизнь». В 1990-е гг. Дж. Эпштейном и Р. Акстеллом была разработана модель «Sugarscape» [Epstein, Axtell 1996].

Агентно-ориентированное моделирование в международных отношениях осуществляется преимущественно в контексте парадигмы конструктивизма и позволяет учесть агент-структурную проблему.

АГЕНТ-СТРУКТУРНАЯ ПРОБЛЕМА

Агент-структурная проблема была заимствована из критической социологии (теория структуриации Э. Гидденса) и получила развитие в теории международных отношений [Wendt 1987].

Согласно вышеуказанным теориям, для анализа социальной среды представляется эффективным выделение *социального агента* — т.е. проводника (вольного или невольного) норм и ценностей данной конкретной среды (*структуры*) [Цыганков 2007: 228]. Далеко не все действия социального агента являются намеренными, рациональными, осознанными, равно как и не все последствия действий являются преднамеренными. В этом смысле Э. Гидденс проводил аналогию со структурой личности по Фрейдю, согласно которому человеком движут подсознательные инстинкты (*Оно* или *Ид*), но на них налагаются ограничения восприятием личности окружающего мира (*Я* или *Эго*) и моральными установками (*Сверх-Я* или *Супер-Эго*) [Гидденс 2005: 45—46].

Под социальной структурой Э. Гидденс понимает «правила и ресурсы, рекурсивно участвующие в воспроизводстве социальных систем» [Giddens 1979: 64], а под правилами — «техники или обобщенные процедуры, применяемые в принятии (воспроизводстве) социальных практик» [Giddens 1986: 21]. Соответственно, по Э. Гидденсу данные правила могут быть описаны математическими формулами и алгоритмами. По своему значению структуры близки к социальным институтам, будь то институты, регулирующие поведение экономических агентов, описанные Д. Нортон, или международные политические институты (международные организации), в понимании неолибералов (идеалистов).

На микроуровне социальный агент хотел бы принимать наиболее выгодные для него самостоятельные (волюнтаристские) решения, однако они во многом детерминированы окружающей его социальной средой (макроуровнем), ее структурными ограничениями («*Не мы такие, жизнь такая*»). Традиционные парадигмы ТМО отрицают взаимное влияние в рамках агент-структурных отношений. Реалисты полагают, что социальные структуры детерминируют действия агентов, идеалисты (либералы), напротив, считают, что агенты существенно влияют на природу системы.

По мнению социальных конструктивистов, структура системы не является жестко объективно предзаданной, а обретает значение в ходе постоянного процесса ее осмысления субъектами. Т.е. структура и агенты выступают как взаимообусловленные и динамически меняющиеся в процессе взаимодействия сущности. Существует двусторонняя причинно-следственная связь между убеждениями и ожиданиями агентов и принимаемыми ими решениями (рис. 1). В самом деле, принятие ряда важных решений существенно меняет нематериальные параметры социальной структуры, делает недопустимым возможные ранее явления (рабство, пытки, нарушение прав человека [Risse 1999; Risse 2000]), что, в свою очередь, влияет на предпочтения агентов (участников международных отношений) в будущем.

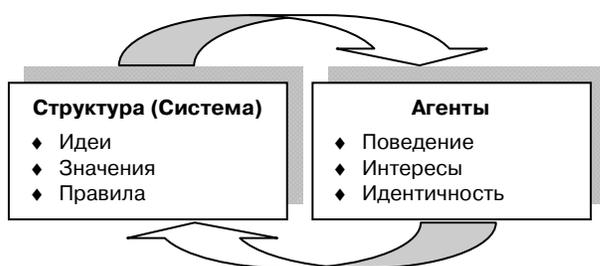

Рис. 1. Взаимосвязь социальной среды и действий агентов

Моделирование взаимообусловленного агент-структурного взаимодействия возможно посредством теории сложных адаптивных систем [Дегтярев, Истомин 2015] с применением методов агентно-ориентированного моделирования.

В основе модели находится социальный агент со своими характеристиками (правилами поведения и алгоритмом их изменения, особенностями принятия решений). В мультиагентных моделях таких агентов несколько, у каждого из которых свой набор характеристик. Взаимодействуя с другими агентами по заранее установленным правилам поведения, агент постепенно меняет структуру системы, поскольку агент и структура являются взаимообусловленными и динамически меняющимися в процессе взаимодействия сущностями.

МОДЕЛЬ РАСОВОЙ СЕГРЕГАЦИИ Т. ШЕЛЛИНГА

Одним из первых примеров агентного моделирования в политологии стала модель расовой сегрегации Т. Шеллинга, разработанная им еще в 1970-е гг. [Schelling 2006]. Преимущества данной модели — в ее простоте. Фактически Т. Шеллинг показывает принципы агентного моделирования социальных процессов «на пальцах» (а точнее посредством простой шахматной доски и монеток), без применения компьютеров.

Эмпирически было установлено, что в ряде американских городов после того, как доля афроамериканского населения достигает 60%, белое население начинает покидать данные города, тем самым идет процесс расовой сегрегации. Т. Шеллинг постарался провести имитационное моделирование данного процесса (рис. 2). На шахматной доске (64 клетки) он расположил равномерно монетки, отобража-

ющие белых и черных жителей мегаполиса («орел» и «решка») (рис. 2, слева). Каждый из жителей имеет четкий набор правил, в данном случае связанных с расовой терпимостью (толерантностью). В частности, он не будет переезжать в другое место, если:

- у него только один сосед и он того же цвета;
- у него два соседа, один из которых того же цвета;
- у него 3—5 соседей, два из которых того же цвета;
- у него 6—8 соседей, три из которых того же цвета.

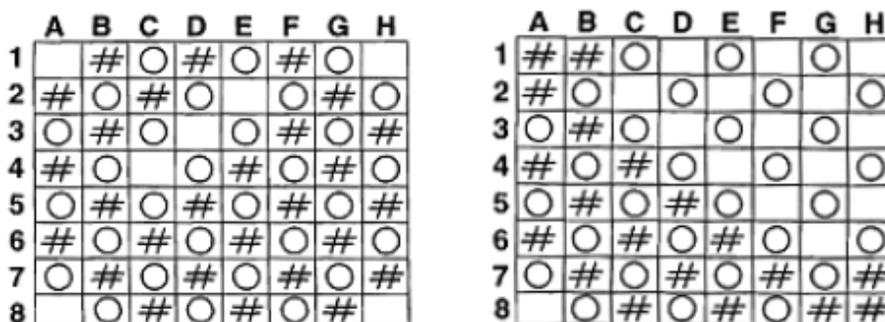

Рис. 2. Модель расовой сегрегации Т. Шеллинга

В системе происходит случайное возмущение, в результате которого три игрока одного цвета выезжают из города. Это запускает механизм *самовоспроизводящей обратной связи*, который приводит в движение других игроков (см. рис. 2, справа), ведь теперь для них уже не выполняется установленные правила поведения [Каталевский 2011].

Показатели толерантности социальных агентов являются предзаданными и могут меняться в зависимости от установок, формируемых социальной структурой, например, посредством СМИ. Так, в случае усиления расовой толерантности социальный агент не будет переезжать в другое место, если у него 3—5 соседей и только один из них того же цвета, а не два (как ранее). Естественно, изменения поведенческих паттернов на микроуровне кардинально меняет ситуацию на макроуровне.

АГЕНТНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Само название работы Т. Шеллинга как нельзя лучше иллюстрирует суть агентного моделирования, когда микромотивы (поведение игроков на микроуровне) приводят к макропоследствиям (изменения системы в целом) посредством нелинейной динамики и возникающих новых свойств системы [Дегтерев, Истомин 2015]. Например, изменение поведенческих паттернов на микроуровне среди населения Сирии (повышение склонности к миграции в ФРГ как альтернатива военному конфликту) приводит к макропоследствиям (миллионные потоки беженцев в Европу). Причем, согласно конструктивистским концепциям, установки социальных агентов можно изменять посредством влияния на социальную психологию, общественное мнение через СМИ, социальные сети, НКО.

Широкое распространение получают работы по агентному моделированию этнических конфликтов. Так, Дж. Эпштейн с коллегами моделировал влияние миротворческих сил на этнические конфликты [Epstein, Steinbruner, Parker 2001]. Р. Бхавнани и Д. Бейкер осуществили агентное моделирование геноцида в Руанде [Bhavnani, Backer 2000]. В Университете Джорджа Мейсона реализуется проект имитационного моделирования гражданских войн и пограничных споров на африканском континенте (Mason Afriland, Mason Rebeland) [Cioffi-Revilla, Rouleau 2010]. Моделирование региональных и глобальных конфликтов осуществляется Л.-Э. Цедерманом [Cederman 2003], ведущим мировым экспертом по агентному моделированию международных отношений. Моделированием афганского кризиса занимались А. Геллер и С. Мосс [Geller, Moss 2008]. Нелинейная динамика политических изменений в странах ЦВЕ в конце 1980 — начале 1990-х гг. отражена в работах Т. Курана и С. Лохмана [Kuran 1991; Lohmann 1994].

Отдельное направление в рамках агентного моделирования международных отношений — это анализ образования (распада) государств и международных коалиций [Cederman 1997; Nakagawa, Sejima, Fujimoto 2010]. Д. Силвэн и С. Мажески моделировали процесс появления «клиентов» (зависимых союзников) США [Sylvan, Majesky 2009]. Динамику торговых переговоров моделировал Д. Ирнест [Earnest 2008].

АГЕНТНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ НОРМ

И все же наиболее значимые исследования по целому ряду направлений агентного моделирования международных отношений сделал Р. Аксельрод, представив их в своей работе «Сложность сотрудничества» [Axelrod 1997]. Он развил свои предыдущие наработки [Axelrod 2006], связанные с моделированием повторяемой дилеммы заключенного [Дегтерев, Дегтерев 2011]. Вместо 200 повторов (прогнозов) он осуществил уже 2 тыс. повторов (рис. 3).

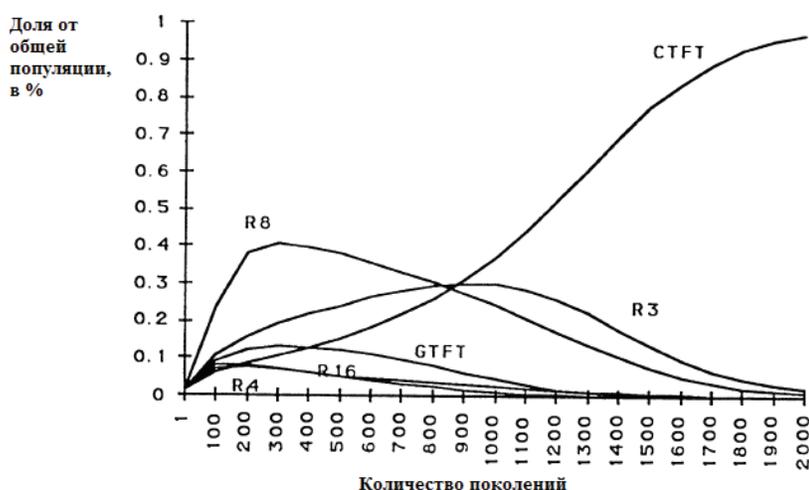

Рис. 3. Генетический алгоритм отбора наиболее конкурентной стратегии

Источник: [Axelrod 1997: 37]

Он несколько изменил набор стратегий, принимающих участие в соревновании (например, вместо традиционной «око за око» (tit-for-tat, TFT) появилось «раскаивающееся око за око» (contrite tit-for-tat, CTFT) и «щедрое око за око» (generous tit-for-tat, TTFT). Также поменялись и сами условия проведения соревнования среди разных стратегий, они стали близки к генетическим алгоритмам (Р. Аксельрод по первому образованию биолог).

Как видно из рис. 3, через 900 повторов стратегия СТФТ начинает уверенно лидировать, причем через 1500 повторов остается всего 3 стратегии. Фактически данный подход позволяет моделировать изменяющуюся (эволюционирующую) внешнюю среду.

Данные подходы Р. Аксельрод использует при моделировании продвижения культурных норм и ценностей. Например, он показывает, как создать такие условия (как в настоящее время на Украине), чтобы нормы, которые не разделяет значительная часть населения, в конечном счете распространились повсеместно. Для этого необходимо сформировать среду (создать правила игры), в которой порицается не только отказ от этих норм, более того — порицается даже отказ от преследования тех, кто отступает от норм (понятие *метанорм*).

Важную роль в подавлении инакомыслия на Украине в 2015—2016 гг. играет сайт «Миротворец», на котором размещены личные данные о гражданах с «неправильными» пророссийскими взглядами (более 9 тыс. человек). При наличии нескольких десятков вооруженных и неконтролируемых «добровольческих» батальонов попадание в данный список сопряжено с реальными угрозами для личной безопасности. Кроме того, зафиксированы случаи отказа в предоставлении банковских кредитов, например, в «Приватбанке», лицам, профили которых фигурируют на сайте «Миротворец». Это позволяет создавать невыгодные социально-экономические условия для лиц, не разделяющих продвигаемые нормы и ценности, способствует их «выдавливанию» из страны.

По итогам вышеперечисленных мероприятий влияние «популяции» неразделяющих «правильные» нормы стремительно сокращается (особенно во властных структурах) и в конечном счете становится маргинальным [Axelrod 1997: 44—71].

Отдельное исследование Р. Аксельрода посвящено распространению культурных норм по всему миру. Он показывает, как одна культура при наличии ряда допущений через определенное количество итераций становится доминирующей во всем мире (рис. 4).

В ряде других исследований Р. Аксельрод моделировал формирование коалиций «от противного» (т.е. с теми государствами, с которыми не было негативного опыта взаимодействия — войн, территориальных споров) [Axelrod 1997: 40—68], формирование (и распад) новых государств. Примечательно, что данные исследования он выполнял по заказу Агентства передовых оборонных исследований США (Defense Advanced Research Projects Agency, DARPA).

И. Лустик и Дж. Ринг также моделировали механизмы международного распространения норм и ценностей [Lustick 2000; Ring 2014].

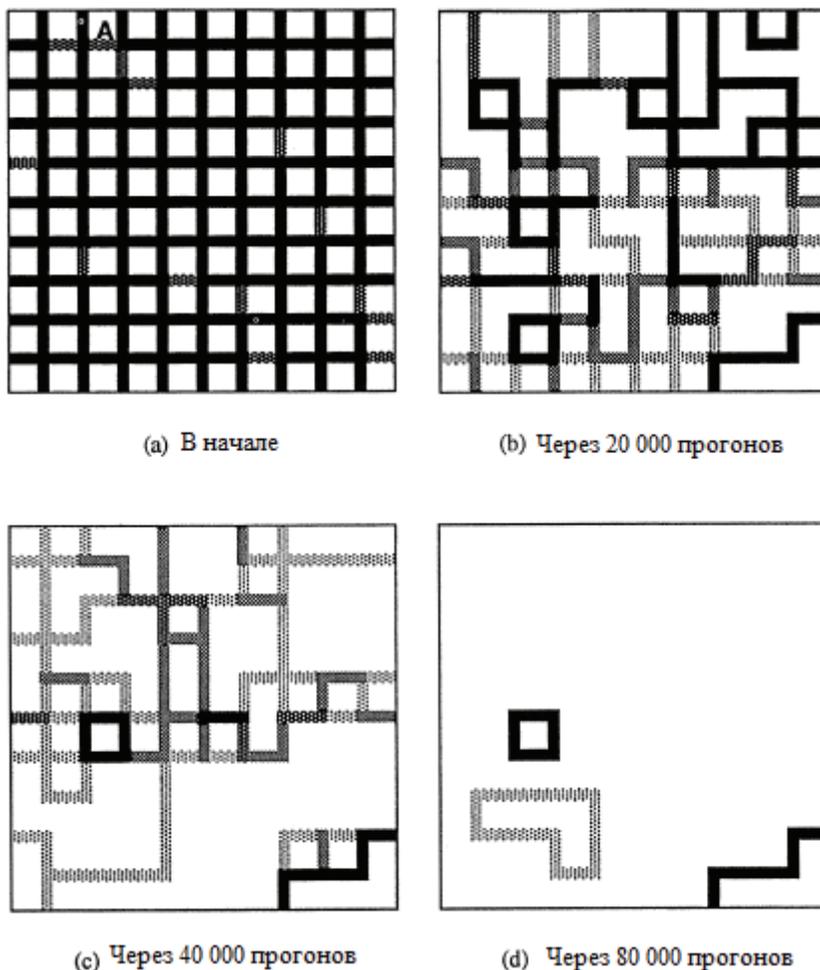

Рис. 4. Карта культурных различий

Источник: [Axelrod 1997: 157]

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ

В настоящее время крупнейшим в мире исследовательским центром по применению агентного моделирования является американский Институт Санта-Фе¹ в штате Нью-Мексико, расположенный по соседству с ядерной лабораторией Лос-Аламос. Серьезные исследования с применением агентного моделирования в рамках международно-политической науки ведутся в рамках Института Брукингса (г. Вашингтон), где работает, например, Дж. Эпстейн. Традиционно большое значение играет Мичиганский университет, одним из сотрудников которого является Р. Аксельрод. По проблематике агентного моделирования социальных систем с 1998 г. издается «Журнал искусственных сообществ и социальных имитационных систем» (Journal of Artificial Societies and Social Simulation)².

¹ Santa Fe Institute. Available at: <http://santafe.edu>.

² Journal of Artificial Societies and Social Simulation. Available at: <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/JASSS.html>.

В РФ крупнейшим исследовательским центром, осуществляющим агентное моделирование социальных и экономических процессов, является Центральный экономико-математический институт РАН, где работают такие эксперты, как академик РАН В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин и др. [Макаров, Бахтизин 2013]. Ряд исследователей из регионов РФ, в т.ч. С.Н. Тростянский (Воронежский институт ГПС МЧС России) [Тростянский 2011], А.Л. Машкова (Приокский государственный университет) [Машкова 2014], успешно применяют агентные модели для изучения социальных процессов. В отечественной политологии методы агентного моделирования применяет доцент РУДН В.Г. Иванов [Иванов 2014; Иванов 2015]. Известность получили и работы Д.Ю. Каталевского [Каталевский 2011].

Для агентного моделирования необходимо применять специализированное программное обеспечение, например *Swarm*¹, разработанный Институтом Санта-Фе для проведения научных исследований. Широкое распространение получили также программные средства *Repast Suite*², разработанные Чикагским университетом, и разработка Института Брукингса *Ascape*³. В РФ наиболее известно программное средство *NetLogo*⁴, разработанное Ю. Виленским из Северо-Западного университета, и ряд других программных продуктов [Акопов 2015]. Многие исследователи предпочитают использовать стандартные высокоуровневые языки программирования (C++, C#, Python, Паскаль и др.) с подключением баз данных, поскольку применение типовых программных продуктов существенно ограничивает возможности моделирования. Для агентного моделирования распространения культурных норм и ценностей целесообразно применение международных баз данных по ценностям, в т.ч. World Values Survey, Standard Cross-Cultural Sample и др. [Дегтерев 2012].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Акопов А.С.* Имитационное моделирование. М.: Юрайт, 2015.
- [2] *Гидденс Э.* Устройство общества. Очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2005.
- [3] *Дегтерев Д.А.* Количественные методы в международных исследованиях // *Международные процессы*. 2015. № 2. С. 35—54.
- [4] *Дегтерев Д.А.* Содействие международному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов // *Вестник МГИМО-Университета*. 2012. № 2. С. 47—58.
- [5] *Дегтерев Д.А., Дегтерев А.Х.* Теория игр и международные отношения // *Мировая экономика и международные отношения*. 2011. № 2. С. 79—89.
- [6] *Дегтерев Д.А., Истомин И.А.* Системное моделирование международных отношений // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 11. С. 17—30.
- [7] *Иванов В.Г.* Агентное моделирование эволюции партийной системы РФ на основе распределений Парето и Хотеллинга. Часть I // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2014. № 4. С. 58—77.

---

¹ *Swarm Software for Agent-based Modeling*. Available at: <http://www.swarm.org>.

² *The Recursive Porous Agent Simulation Toolkit (Repast)*. Available at: <http://repast.sourceforge.net>.

³ *Ascape*. Available at: <http://ascape.sourceforge.net>.

⁴ *Netlogo*. Available at: <https://ccl.northwestern.edu/netlogo>.

- [8] Иванов В.Г. Агентное моделирование эволюции партийной системы РФ на основе распределений Парето и Хотеллинга. Часть II // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2015. № 1. С. 5—24.
- [9] Каталевский Д.Ю. Основы имитационного моделирования и системного анализа в управлении. М.: Издательство Московского университета, 2011.
- [10] Макаров В.Л., Бахтизин А.П. Социальное моделирование — новый компьютерный прорыв (агент-ориентированные модели). М.: Экономика, 2013.
- [11] Машикова А.Л. Когнитивная архитектура интеллектуального агента в имитационных моделях социально-экономических явления // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. № 5. С. 78—81.
- [12] Тростянский С.Н. Имитационное моделирование информационных процессов, определяющих психологию толпы // Проблемы управления рисками в техносфере. 2011. № 2. С. 67—72.
- [13] Цыганков П.А. Теория международных отношений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гардарики, 2007.
- [14] Axelrod R. The Complexity of Cooperation: Agent-Based Models of Competition and Collaboration. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- [15] Axelrod R. The Evolution of Cooperation. N.Y.: Basic Books, 2006.
- [16] Bhavnani R., Backer D. Localized Ethnic Conflict and Genocide: Accounting for Differences in Rwanda and Burundi // Journal of Conflict Resolution. 2000. 44 (03). P. 283—306.
- [17] Cederman L.-E. Emergent Actors in World Politics. How State and Nations Develop and Dissolve. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- [18] Cederman L.-E. Modelling the Size of Wars: from Billiard Balls to Sandpiles // American Political Science Review. 2003. 97 (01). P. 135—150.
- [19] Cioffi-Revilla C., Rouleau M. Mason Rebeland: An Agent-Based Model of Politics, Environment, and Insurgency // International Studies Review. 2010. 12 (01). P. 31—52.
- [20] Earnest D. Coordination in Large Numbers: An Agent-Based Model of International Negotiations // International Studies Quarterly. 2008. 52 (02). P. 363—382.
- [21] Epstein J., Axtell R. Growing Artificial Societies: Social Science From the Bottom Up. Washington: Brookings Institution Press, 1996.
- [22] Epstein J.M., Steinbruner J.D., Parker M.T. Modeling Civil Violence: An Agent-Based Computational Approach. Working Paper 20. Washington: Brookings Institution, Center on Social and Economic Dynamics, 2001.
- [23] Geller A., Moss S. Growing QAWM: An Evidence-Driven Declarative Model of Afghan Power Structures // Advances in Complex Systems. 2008. 11 (02). P. 321—335.
- [24] Giddens A. Central Problems in Social Theory: Action, Structure, and the Contradiction in Social Analysis. Berkley: University of California Press, 1979.
- [25] Giddens A. The Constitution of Society. Berkley: University of California Press, 1986.
- [26] Kuran T. Now Out of Never: The Element of Surprise in the East European Revolutions of 1989 // World Politics. 1991. 44 (01). P. 7—48.
- [27] Lohmann S. The Dynamics of Information Cascades: The Monday Demonstrations in Leipzig, East Germany, 1989—1991 // World Politics. 1994. 47 (01). P. 42—101.
- [28] Lustick I. Agent-based Modeling of Collective Identity: Testing Constructivist Theory // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. 2000. № 3 (1). [Online]. Available at: <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/3/1/1.html>.
- [29] Nakagawa S., Sejima M., Fujimoto S. Alliance Formation and Better-Shot Global Public Goods: Theory and Simulation // Evolutionary and Institutional Economic Review. 2010. № 6 (2). P. 201—225.
- [30] Ring J. The Diffusion of Norms in the International System. PhD (Doctor of Philosophy) thesis. — Iowa City: University of Iowa, 2014 [Online]. Available at: <http://ir.uiowa.edu/etd/1386>.

- [31] *Risse T.* “Let’s Argue!” Communicative Action in World Politics // *International Organisation*. 2000. Vol. 54 (1). P. 1—39.
- [32] *Risse T.* International Norms and Domestic Change: Arguing and Communicative Behavior in the Human Rights Ares // *Politics & Society*, 1999. Vol. 27 (4). P. 529—559.
- [33] *Schelling T.* *Micromotives and Macrobehavior*. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2006.
- [34] *Sylvan D., Majeski S.* *U.S. Foreign Policy in Perspective. Clients, Enemies and Empire*. N.Y.: Routledge, 2009.
- [35] *Wendt A.E.* The Agent-Structure Problem in International Relations Theory // *International Organization*. 1987. 41 (03). P. 335—370.

Дата поступления статьи: 15.12.2015

Для цитирования: *Дегтерев Д.А.* Распространение культурных норм и ценностей: агентное моделирование // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения»*. 2016. № 1. С. 141—152.

DISSEMINATION OF CULTURAL NORMS AND VALUES: AGENT-BASED MODELING

D.A. Degterev

Department of Theory and History of International Relations
Peoples’ Friendship University of Russia
Miklukho-Maclay st., 10/2, Moscow, Russia, 117198

This article shows how agent-based modeling allows us to explore the mechanisms of the dissemination of cultural norms and values both within one country and in the whole world. In recent years, this type of simulation is particularly prevalent in the analysis of international relations, becoming more popular than the system dynamics and discrete event simulation.

The use of agent-based modeling in the analysis of international relations is connected with the agent-structure problem in international relations. Structure and agents act as interdependent and dynamically changing in the process of interaction between entities. Agent-structure interaction could be modeled by means of the theory of complex adaptive systems with the use of agent-based modeling techniques.

One of the first examples of the use of agent-based modeling in political science is a model of racial segregation T. Schellinga. On the basis of this model, the author shows how the change in behavioral patterns at micro-level impacts on the macro-level. Patterns are changing due to the dynamics of cultural norms and values, formed by mass-media and other social institutes. The author shows the main areas of modern application of agent-based modeling in international studies including the analysis of ethnic conflicts, the formation of international coalitions.

Particular attention is paid to Robert Axelrod approach based on the use of genetic algorithms to the spread of cultural norms and values. Agent-based modeling shows how to how to create such conditions that the norms that originally are not shared by a significant part of the population, eventually spread everywhere. Practical application of these algorithms is shown by the author of the article on the example of the situation in Ukraine in 2015—2016. The article also reveals the mechanisms of international spread of cultural norms and values.

The main think-tanks using agent-based modeling in international studies are mentioned as well as the most frequently used software. It has been shown that a significant part of the research on this issue is of great practical importance.

Key words: simulation, agent-based modeling, agent-structure problem, a model of racial segregation, T. Shelling, R. Axelrod, norms and values.

REFERENCES

- [1] Akopov A.S., 2015. *Imitatsionnoe modelirovanie [Simulation Modeling]*. Moscow: Izdatel'stvo Yurait.
- [2] Axelrod R., 1997. *The Complexity of Cooperation: Agent-Based Models of Competition and Collaboration*. Princeton: Princeton University Press.
- [3] Axelrod R., 2006. *The Evolution of Cooperation*. N.Y.: Basic Books.
- [4] Bhavnani R., Backer D., 2000. Localized Ethnic Conflict and Genocide: Accounting for Differences in Rwanda and Burundi. *Journal of Conflict Resolution*. 44 (03). P. 283—306.
- [5] Cederman L.-E., 1997. *Emergent Actors in World Politics. How State and Nations Develop and Dissolve*. Princeton: Princeton University Press.
- [6] Cederman L.-E., 2003. Modelling the Size of Wars: from Billiard Balls to Sandpiles. *American Political Science Review*. 97 (01). P. 135—150.
- [7] Cioffi-Revilla C., Rouleau M., 2010. Mason Rebeland: An Agent-Based Model of Politics, Environment, and Insurgency. *International Studies Review*. 12 (01). P. 31—52.
- [8] Degtarev D.A., 2015. Kolichestvennyye metody v mezhdunarodnykh issledovaniyakh [Quantitative Methods in International Studies]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 2. P. 35—54.
- [9] Degtarev D.A., 2012. Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu kak instrument prodvizheniya vneshnepoliticheskikh i vneshneekonomicheskikh interesov [International Development Assistance as a Tool of Promotion of National Political and Economic Interests Abroad]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 2. P. 47—58.
- [10] Degtarev D.A., Degtarev A.Kh., 2011. Teoriya igr i mezhdunarodnye otnosheniya [Game Theory and International Relations] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 2. P. 79—89.
- [11] Degtarev D.A., Istomin I.A., 2015. Sistemnoe modelirovanie mezhdunarodnykh otnoshenii [System Modeling of International Relations]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 11. P. 17—30.
- [12] Earnest D., 2008. Coordination in Large Numbers: An Agent-Based Model of International Negotiations. *International Studies Quarterly*. 52 (02). P. 363—382.
- [13] Epstein J., Axtell R., 1996. *Growing Artificial Societies: Social Science From the Bottom Up*. Washington: Brookings Institution Press.
- [14] Epstein J.M., Steinbruner J.D., Parker M.T., 2001. *Modeling Civil Violence: An Agent-Based Computational Approach*. Working Paper 20. Washington: Brookings Institution, Center on Social and Economic Dynamics.
- [15] Geller A., Moss S., 2008. Growing QAWM: An Evidence-Driven Declarative Model of Afghan Power Structures. *Advances in Complex Systems*. 11 (02). P. 321—335.
- [16] Giddens A., 1979. *Central Problems in Social Theory: Action, Structure, and the Contradiction in Social Analysis*. Berkley: University of California Press.
- [17] Giddens A., 1986. *The Constitution of Society*. Berkley: University of California Press.
- [18] Giddens E., 2005. *Ustroenie obshchestva. Ocherk teorii strukturatsii [The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration]*. Moscow: Akademicheskii proekt.
- [19] Ivanov V.G., 2014. Agentnoe modelirovanie evolyutsii partiinoi sistemy RF na osnove raspredelenii Pareto i Khotellinga. Chast' I [Agent-based Modeling of the Evolution of the Russian Party System based on Hotelling and Pareto Distributions. Part I]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya*. No. 4. P. 58—77.

- [20] Ivanov V.G., 2015. Agentnoe modelirovanie evolyutsii partiinoi sistemy RF na osnove raspredelenii Pareto i Khotellinga. Chast' II [Agent-based Modeling of the Evolution of the Russian Party System based on Hotelling and Pareto Distributions. Part II]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya*. No. 1. P. 5—24.
- [21] Katalevskii D.Yu., 2011. *Osnovy imitatsionnogo modelirovaniya i sistemnogo analiza v upravlenii* [Basics of Simulation Modeling and Systems Analysis in Management]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- [22] Kuran T., 1991. Now Out of Never: The Element of Surprise in the East European Revolutions of 1989. *World Politics*. 44 (01). P. 7—48.
- [23] Lohmann S., 1994. The Dynamics of Information Cascades: The Monday Demonstrations in Leipzig, East Germany, 1989—1991. *World Politics*. 47 (01). P. 42—101.
- [24] Lustick I., 2000. Agent-based Modeling of Collective Identity: Testing Constructivist Theory. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. No. 3 (1). [Online]. Available at: <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/3/1/1.html>.
- [25] Makarov V.L., Bakhtizin A.R., 2013. *Sotsial'noe modelirovanie — novyi komp'yuternyi proryv (agent-orientirovannye modeli)* [Social Simulation — a New Computer Breakthrough (Agent-based Models)]. Moscow: Ekonomika.
- [26] Mashkova A.L., 2014. Kognitivnaya arkhitektura intellektual'nogo agenta v imitatsionnykh modelyakh sotsial'no-ekonomicheskikh yavlenii [Cognitive Agent Architecture in Simulation Models of Socio-Economic Phenomenon]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 5. P. 78—81.
- [27] Nakagawa S., Sejima M., Fujimoto S., 2010. Alliance Formation and Better-Shot Global Public Goods: Theory and Simulation. *Evolutionary and Institutional Economic Review*. 6 (2). P. 201—225.
- [28] Ring J., 2014. *The Diffusion of Norms in the International System*. PhD (Doctor of Philosophy) thesis. Iowa City: University of Iowa [Online]. Available at: <http://ir.uiowa.edu/etd/1386>.
- [29] Risse T., 2000. “Let's Argue!” Communicative Action in World Politics. *International Organization*. Vol. 54 (1). P. 1—39.
- [30] Risse T., 1999. International Norms and Domestic Change: Arguing and Communicative Behavior in the Human Rights Ares. *Politics & Society*. Vol. 27 (4). P. 529—559.
- [31] Schelling T., 2006. *Micromotives and Macrobehavior*. N.Y.: W.W. Norton & Company.
- [32] Sylvan D., Majeski S., 2009. *U.S. Foreign Policy in Perspective. Clients, Enemies and Empire*. N.Y.: Routledge.
- [33] Trostyanskii S.N., 2011. Imitatsionnoe modelirovanie informatsionnykh protsessov, opredelyayushchikh psikhologiyu tolpy [Simulation Modeling of Information Processes that Determine the Psychology of Crowds]. *Problemy upravleniya riskami v tekhnosfere*. No. 2. P. 67—72.
- [34] Tsygankov P.A., 2007. *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii* [Theories of International Relations]. 2-nd edition. Moscow: Gardariki.
- [35] Wendt A.E., 1987. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory. *International Organization*. 41 (03). P. 335—370.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ОДНОСТОРОННИЙ ВЫХОД США ИЗ ДОГОВОРА ПО ПРО 1972 Г. И ЕГО ГЛОБАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

А.С. Буторов

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 10/2, Москва, Россия, 117198

Автор анализирует истоки и причины прекращения США действия советско-американского Договора по ограничению систем противоракетной обороны (ПРО) 1972 г. На основе изученных в Архиве внешней политики Российской Федерации документов прослеживается эволюционный путь одностороннего выхода американской стороны от достигнутых договоренностей. В статье отмечается, что на протяжении трех десятилетий США проводили в отношении советско-американских договоренностей в области ограничения систем противоракетной обороны 1972 г. политику двойных стандартов. Декларируя на словах свою приверженность основополагающим принципам договора, на практике США все эти годы готовили почву для одностороннего выхода из договора. Особо подчеркивается, что денонсация Вашингтоном в 2001 г. договора по ПРО, являвшегося краеугольным камнем стратегической стабильности и безопасности в мире, стала отправной точкой для развертывания американской глобальной противоракетной системы.

Ключевые слова: СССР, Россия, США, Договор по ПРО 1972 г., военно-стратегическое равновесие, международная безопасность, глобальная система противоракетной обороны США, политика двойных стандартов, мироустройство.

Обоснование темы. Среди множества проблем, существующих сегодня между США и Россией, одной из ключевых является продолжающееся развертывание американской стороной объектов и элементов глобальной противоракетной системы по всему периметру российской территории, что не может не вызывать серьезную обеспокоенность политического руководства страны и россиян. Началу создания этой системы положил односторонний выход американской стороны в 2001 г. из Договора по ПРО 1972 г. Однако до настоящего времени в российской историографии не в полной мере изучен генезис выхода США из упомянутого выше договора. В данном исследовании впервые на основе изученных документов

из Архива внешней политики Российской Федерации предпринята попытка анализа действий американской стороны, направленных на денонсацию Договора по ПРО 1972 г.

Цель и задачи. В данной статье предполагается раскрыть роль и значение Договора по ПРО 1972 г. в истории отношений между СССР/Россией и США; проследить эволюцию одностороннего выхода американской стороны из упомянутого договора; определить внешнеполитические инициативы СССР/России по сохранению договора.

История российско-американских отношений последних двух лет характеризуется невиданным после окончания «холодной войны» взаимным недоверием и свертыванием контактов в политической, экономической, деловой, военной и даже культурной сферах. Как российские, так и американские обществоведы главными причинами столь резкого обострения отношений в первую очередь называют события на Украине, войну в Сирии, другие международные проблемы, которые напрямую затрагивают геополитические интересы обеих стран. К числу этих наиважнейших проблем, на наш взгляд, в первую очередь относится продолжающееся развертывание Вашингтоном глобальной системы противоракетной обороны, которую он шаг за шагом стал создавать практически со времен выхода США в 2001 г. из упомянутого выше договора.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют принципы историзма и научной объективности, а также компаративный, проблемно-хронологический, системный и междисциплинарный подходы.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Проблематика российско-американских отношений в условиях развертывания Соединенными Штатами глобальной системы ПРО, состояние и перспективы развития этих отношений, а также влияние создаваемой системы вооружений на существующее мироустройство и структуру международных отношений нашла достойное отражение в отечественной историографии. Этим вопросам посвятили свои монографии такие исследователи, как А.Г. Арбатов [Арбатов 2004: 219]; В.С. Белоус [Белоус 2002: 479]; В.П. Козин [Козин 2013: 383]; О.В. Матвеев [Матвеев 2002: 179]; М. Первов [Первов 2003: 428]; С.М. Рогов [Рогов 2012: 78]; Г.Г. Тищенко [Тищенко 2005: 414] и др. Между тем в российской обществоведческой науке практически нет исследований, посвященных проблеме, связанной с односторонним выходом США в 2001 г. из Договора по ПРО 1972 г.

Без малого сорок четыре года назад, 26 мая 1972 г., Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев и Президент США Р. Никсон подписали в Кремле Договор между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны и временное Соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. Подписанный договор между СССР и США был продиктован в первую очередь тем, что на рубеже 60—70-х гг. прошлого столетия между двумя сверхдержавами был достигнут военно-стратегический паритет.

В договоре определялись конкретные обязательства обеих стран по взаимному ограничению систем противоракетной обороны в соответствии с принципом одинаковой безопасности. При этом стороны исходили из того, что такое ограничение должно было выступать существенным фактором в деле сдерживания гонки стратегических наступательных вооружений и способствовать уменьшению опасности возникновения войны с применением ядерного оружия.

Под понятием «противоракетная оборона» (ПРО) следует подразумевать комплекс сил и средств, а также мероприятий и боевых действий по отражению ракетно-ядерного удара противника путем поражения его баллистических ракет или их головных частей на траекториях полета. Договор по ПРО стал результатом долголетней и продуктивной работы советских и американских дипломатов, военных, специалистов в области вооружений.

По мнению известных политических деятелей бывшего СССР и США, подписанный в Москве документ способствовал в те годы значительному снижению противостояния между двумя странами. Президент США Р. Никсон 26 мая 1972 г. после подписания американо-советских соглашений на обеде в честь Президиума Верховного Совета СССР и правительства СССР заявил: «Каждый руководитель государства задумывается иногда над тем, как его будут вспоминать в истории. Теперь, после моей встречи с советскими руководителями — Л.И. Брежневым, Н.В. Подгорным, А.Н. Косыгиным, — я убежден в одном: мы хотим, чтобы о нас вспоминали по нашим делам, не за то, что мы принесли в мир войну, а за то, что мы создавали более мирный мир для всех народов»¹.

Высокую оценку подписанных в Москве документов дал А.А. Громыко, занимавший в тот период пост министра иностранных дел СССР: «Несомненно, важным достижением явилось... заключение в мае 1972 г. в период пребывания Никсона в СССР советско-американского Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО). Стороны обязались не создавать системы ПРО морского, воздушного, космического или мобильно-наземного базирования, не передавать другим государствам и не размещать вне своей национальной территории системы ПРО, ограниченные данным договором» [Громыко 1988: 205].

Позитивно оценивает достигнутые в Москве договоренности и бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер, который был непосредственным участником процесса подготовки и подписания договора по ПРО. В своих воспоминаниях, опубликованных в 1979 г. под названием «Годы в Белом Доме», американский дипломат пишет о тех сложностях и противоречиях, которые возникали между советской и американской сторонами в ходе подготовки соглашения по ОСВ и договора по ПРО. Между тем, несмотря на все разногласия, подчеркивает Г. Киссинджер, политическому руководству СССР и США удалось найти взаимоприемлемые решения, и соглашения были подписаны [Kissinger 1979: 736].

Как справедливо отмечал в своих мемуарах советский посол в Вашингтоне при шести президентах США А.Ф. Добрынин, **важность договора по ПРО состояла в том, что он был заключен как бессрочный** (выделено автором). Не слу-

---

¹ Обед у Президента США. Газета «Правда». 27 мая 1972. С. 6—7

чайно противники договора в США, выступавшие против принципа равенства и одинаковой безопасности с Советским Союзом, сразу же включились в кампанию против него [Добрынин 2008: 246].

Следует признать, что до конца 70-х гг. прошлого столетия как советская, так и американская сторона строго придерживались основополагающих принципов Договора по ПРО. Однако с приходом к власти в Белый дом Р. Рейгана в 1980 г. в Соединенных Штатах началась целенаправленная пропагандистская кампания, которая была призвана создать почву для выхода США из данного договора. Представители «первой волны» идеологии американского неоконсерватизма, которая господствовала в США в период пребывания у власти Р. Рейгана, выступили за «расширенное толкование» советско-американского договора.

«Теоретическому обоснованию» мифа о «советской военной угрозе» и в этой связи необходимости укрепления обороноспособности Америки посвятили свои работы такие известные идеологи неоконсерватизма, как Н. Подгорец, бывший главный редактор теоретического журнала «Комментэри» [Podgoretz 1980: 119]; Э. Лютвак [Luttwak 1984: 333], являвшийся в те годы профессором Университета Дж. Хопкинса; Р. Такер [Tucker 1987: 207], бывший в те годы профессором Пристонского университета; В. Лакер [Laqueur 1983: 297], занимавший в те годы должность профессора Джорджтаунского университета, и др.

В этой связи нельзя не отметить, что их работы оказали существенное влияние на внешнеполитический курс вашингтонской администрации и на характер советско-американских отношений в 80-е гг. прошлого столетия. В 1994 г. Н. Подгорец подверг резкой критике деятельность Р. Рейгана на посту президента страны и обвинил его в том, что Рейган, будучи главой государства, якобы «проводил недостаточно жесткий курс в отношении Советского Союза» [Podgoretz 1996: 213]. Именно в те годы руководство США выступило с так называемой «Стратегической оборонной инициативой», которая, при условии ее реализации, свела бы на «нет» договор по ПРО.

На наш взгляд, конфронтационный подход Вашингтона к советско-американским договоренностям по ограничению систем противоракетной обороны 1972 г. был обусловлен в первую очередь тем, что представители Республиканской партии, приведшие к власти Р. Рейгана, традиционно отличались агрессивностью и жесткостью подходов в выстраивании двусторонних отношений с СССР. Безусловно, далеко не последнюю роль сыграл так называемый «афганский фактор» — ввод в 1979 г. ограниченного контингента советских войск в Афганистан, который стал рассматриваться политическим руководством США как «стремление Москвы к мировому господству». Между тем доминирующим в попытках Р. Рейгана и его ближайшего окружения выйти из Договора по ПРО 1972 г. являлось то, что США никак не хотели мириться со сложившимся в те годы военно-стратегическим равновесием между двумя сверхдержавами.

Кампания по выходу США из договора была продолжена в 90-е гг. уже после распада Советского Союза. При этом нельзя не отметить, что его противники использовали все средства, чтобы обвинить Россию, ставшую правопреемницей

бывшего СССР, в действиях, которые-де наносят ущерб не только двусторонним отношениям, но и создают реальную угрозу всеобщему миру и международной безопасности. Причем, нередко в «инициативах и предложениях» американской стороны доминировали миролюбивая риторика, «готовность» идти на компромиссы и многостороннее сотрудничество с Россией.

В Архиве внешней политики Российской Федерации хранятся документы, которые со всей убедительностью показывают, как американская сторона шаг за шагом отступала от подписанного в 1972 г. в Москве договора по ПРО. 21 мая 1996 г. члены Комитета по делам вооруженных сил Сената США сенаторы С. Нанн и Р. Лугар обратились с письмом на имя помощника Президента Российской Федерации по национальной безопасности Ю.М. Батурина, в котором выразили свою озабоченность по поводу подземного объекта в горе Ямантау в районе Белорецка (Южный Урал — А.Б.). «Мы обращаемся к Вам, чтобы выразить нашу озабоченность по поводу того, что этот вопрос может вырасти в крупную спорную проблему между нашими двумя странами», — отмечалось в обращении американских сенаторов¹.

По их утверждениям, об этой проблеме Президент США Б. Клинтон сообщал Президенту России Б.Н. Ельцину в начале мая 1996 г. в ходе саммита «большой семерки» в Москве. С. Нанн и Р. Лугар недвусмысленно дали понять российской стороне, что этот объект «подорвет поддержку Конгрессом продолжения двустороннего сотрудничества и сохранению договора по ПРО»².

В ответе помощника главы российского государства на письмо американских сенаторов в июле 1996 г. относительно объекта в районе г. Белорецка говорилось: «Мы не должны позволить этому вопросу превратиться в помеху развития стратегического взаимодействия между Россией и США»³. Российская сторона дала все необходимые разъяснения по поводу объекта на Южном Урале в районе Белорецка. В ответе помощника Президента Российской Федерации по национальной безопасности Ю.М. Батурина также отмечается, что данный объект «относится к системе управления стратегическими ядерными силами, которую каждая страна строит по-своему, руководствуясь задачей укрепления стратегической стабильности»⁴.

Российская сторона, отдавая себе отчет, какое влияние на членов Конгресса США и американское общественное мнение могут оказать С. Нанн и Р. Лугар, никогда не отличавшиеся симпатиями к бывшему СССР и России, направила им ответное послание, выдержанное исключительно в миролюбивом и конструктивном духе. «В Москве знают и уважают вас как крупных специалистов в области международных отношений и контроля над вооружениями и как людей, много сделавших для налаживания равноправного и взаимовыгодного сотрудничества между Россией и США в области безопасности, в том числе в ликвидации оружия

---

¹ АВП РФ — Архив внешней политики РФ. Ф. 129. Оп. 82. П. 555. Д. 15. Л. 21.

² Там же.

³ АВП РФ — Архив внешней политики РФ. Ф. 129. Оп. 82. П. 555. Д. 15. Л. 23.

⁴ Там же.

массового уничтожения. В этой связи очень рассчитываем на вашу твердую позицию против расшатывания Договора по ПРО», — отмечается в ответном письме помощника по международным вопросам Президента Российской Федерации Д.Б. Рюрикова¹.

Следует также подчеркнуть, что деятельность США по подрыву основ договора по ПРО носила в те годы скрытый характер. В официальных заявлениях высшего политического руководства США последовательно проводилась мысль о том, что американская сторона подтверждает свою приверженность основополагающим принципам договора. Для убедительности своей позиции США выступили с инициативой под названием «Предложения США о согласовании документов по разграничению и правопреемству Договора по ПРО». Была создана двусторонняя Постоянная Консультативная Комиссия (ПКК), призванная подготовить соответствующую правовую базу для законодательного закрепления достигнутого американо-российского консенсуса. США призвали Россию «убедить Белоруссию, Казахстан и Украину присоединиться к американо-российской договоренности»².

8 июля 1996 г. посольством США в Москве в МИД России были переданы «Предложения США о согласовании документов по разграничению и правопреемству, выработанных в Постоянной консультативной комиссии».

К концу 52-й сессии ПКК Белоруссия, Казахстан, Россия, Украина и США согласовали проекты меморандума по правопреемству в отношении договора по ПРО и согласованного заявления по разграничению стратегической ПРО и ПРО ТВД (противоракетной обороны театра военных действий — *прим. авт.*). США и Россией были согласованы также проекты Соглашения о мерах укрепления доверия и положения о ПКК.

После завершения 52-й сессии ПКК США передали правительствам государств — участников переговорного процесса тексты всех четырех соглашений на английском языке. В документах говорится: «США полагают, что **все четыре документа должны вводиться в силу так скоро, как это возможно** (*выделено автором*), начиная с осуществления этапа согласования и подписания соответствующих текстов»³. Обращает на себя внимание демонстративно неуважительное отношение великой державы, с одной стороны, к России — своему партнеру по переговорам, а с другой — к только что приобретшим независимость государствам, которые наравне с США являются полноправными субъектами международного права.

В марте 1999 г. МИД России информировал Правительство Российской Федерации, что 17 марта 1999 г. Сенат США подавляющим большинством голосов (97 на 3) принял законопроект «О национальной противоракетной обороне (НПРО) США», предусматривающий, что «политикой США является развертывание, в кратчайшие технологически возможные сроки, системы эффективной НПРО, способ-

---

¹ Там же.

² АВП РФ — Архив внешней политики РФ. Ф. 129. Оп. 82. П. 555. Д. 15. Л. 25.

³ Там же.

ной защитить территорию США от ограниченного (случайного, несанкционированного или преднамеренного) удара».

Что касается национальной противоракетной обороны (НПРО) США — это комплексная система обнаружения, отслеживания и перехвата баллистических ракет различных классов. Заявленное предназначение НПРО — это защита территории США, а также их союзников и передовых военных баз, от ракетных ударов ограниченной мощности — таких, которые потенциально могли бы нанести так называемые «rogue states» — «страны-изгои» (“rogue states” — англоязычный термин, буквально «государства-хулиганы» или «государства-негодяи»); политическое клише, применяемое в американской политической фразеологии для обозначения государственных (политических) режимов, которые рассматриваются руководством США как враждебные и представляющие угрозу миру; к концу 90-х гг. прошлого столетия к числу этих государств официальный Вашингтон относил КНДР, Иран и Сирию (ранее также Ирак и Индию — *прим. авт.*).

До рассмотрения этого законопроекта в Сенате администрация президента США неоднократно заявляла о том, что Б. Клинтон наложит вето на данный законопроект, поскольку он подрывает Договор между США и СССР по ПРО 1972 г. Однако после того, как по инициативе демократов в текст документа были внесены поправки, Белый дом объявил, что теперь законопроект «стал приемлемым для администрации».

Первая поправка предусматривала принятие решения о развертывании НПРО в увязке с ежегодным выделением ассигнований на такую систему. Учитывая, что на 2000-й финансовый год администрация не запрашивала средств для развертывания НПРО, этот законопроект, по оценке Белого дома, не менял официальной позиции администрации по вопросу ПРО. Американская сторона исходила из того, что соответствующее решение о развертывании НПРО США должно было приниматься в середине 2000 г. и основываться на четырех факторах: скорости нарастания ракетных угроз; готовности технологий НПРО; приемлемости финансовых затрат на НПРО; оценки последствий развертывания НПРО для реализации целей США по дальнейшему сокращению стратегических ядерных сил в формате СНВ-2 и СНВ-3.

Во второй поправке говорилось о том, что политика США должна заключаться в стремлении «к дальнейшему сокращению ядерных сил России путем переговоров» (выделено автором). Законопроект, аналогичный сенатскому, был внесен конгрессменом К. Уэлдоном и в Палату представителей США. После его принятия в такой же редакции, что и сенатский вариант, он в качестве общего документа Конгресса был передан на подпись Президенту США¹.

Сторонники выхода США из Договора по ПРО 1972 г. в 90-е гг. активно использовали и так называемый «иранский фактор». В Соединенных Штатах была развернута широкомасштабная пропагандистская кампания против Ирана, который якобы проводит секретные работы по созданию ракет дальнего радиуса действия. При этом обвинения американцев были адресованы не только иранской, но и

---

¹ АВП РФ — Архив внешней политики РФ. Ф. 129. Оп. 85. П. 585. Д. 15. Л. 35, 36

российской стороне, которая якобы оказывала Ирану практическую помощь в области ракетостроения. Для того, чтобы снять эти необоснованные претензии, Россия выступила с инициативой создания специальной двусторонней группы, которая была призвана дать ответ о достоверности или надуманности обвинений США. Ее возглавили, с российской стороны — генеральный директор Российского космического агентства Ю. Коптев, а с американской — официальный представитель правительства США Р. Галлуччи.

19 марта 1999 г. Ю. Коптевым и Р. Галлуччи был подготовлен совместный доклад Председателю Правительства Российской Федерации и вице-президенту США, в котором рассматривались «озабоченности», касающиеся распространения иранской ракетной технологии. Была дана также оценка «серьезности существующих проблем» и представлен план конкретных действий. В частности, в докладе отмечалось, что в результате диалога между Ю. Коптевым и Р. Галлуччи ряд российских компаний, которые не желали иметь сложности и проблемы с американской стороной, приняли решение отказаться от контактов с иранцами. Российская сторона также заявила, что в Московском государственном техническом университете имени Н.Э. Баумана не ведется обучения иранских студентов.

Между тем американская сторона не отказалась от своих обвинений и продолжала настаивать на том, что ряд российских организаций якобы по-прежнему предоставляют Ирану ракетную технологию, технический опыт и материалы. «Эта помощь существенно ускорила темпы разработки Ираном ракет дальнего радиуса действия, которые представляют собой угрозу вооруженным силам и союзникам США», — говорилось в американской части доклада¹.

Стороны договорились продолжить совместную работу «в рамках диалога Коптев — Галлуччи» с целью урегулирования всех озабоченностей, касающихся сотрудничества с Ираном в области ракетной технологии. Для достижения этой цели было принято решение о взаимодействии, направленном на тщательное расследование информации о незаконных контактах организаций обеих сторон с ракетной программой Ирана.

Российско-американское взаимодействие в данной области сводилось «к усилению мониторинга над „неосязаемыми“ передачами технологий, включая новые подходы к установлению контроля над обучением (имеется в виду иранских студентов — *прим. авт.*); обеспечением принятия надлежащих мер по пресечению деятельности, вызывающей обоюдную озабоченность и наказанию лиц, ответственных за эти действия в соответствии с национальным законодательством и нормативными актами обоих государств; укреплению контроля за несанкционированными контактами»².

6—7 ноября 1999 г. в Вашингтоне состоялась VIII встреча Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) и Аспенской стратегической группы (АСГ) «Российско-американский диалог», которые сотрудничали в рамках совместной программы. Повестка дня встречи включала анализ развития российско-американских

---

¹ АВП РФ — Архив внешней политики РФ. Ф. 129. Оп. 85. П. 585. Д. 15. Л. 54, 55, 56.

² АВП РФ — Архив внешней политики РФ. Ф. 129. Оп. 85. П. 585. Д. 15. Л. 54, 55, 56.

отношений, в том числе проблем СНВ и ПРО. На встрече отмечалось, что отношения в области стратегической безопасности определяются «тупиковой ситуацией» по договору об СНВ-2 (как минимум до начала работы Государственной Думы Российской Федерации нового созыва). В случае «недемпфированной» российской реакции на решение США о развертывании ПРО положение станет практически безвыходным» (американский термин «недемпфированный» следует понимать как неприемлемость для России позиции США по данной проблеме. — *прим. авт.*)¹.

Американская сторона на всех встречах как с членами АСГ, так и с высокопоставленными представителями законодательной и исполнительной власти со всей определенностью продемонстрировала решимость, что США начнут работы по развертыванию «ограниченной национальной ПРО» для защиты территории страны от ракетно-ядерной угрозы со стороны, так называемых «государств с безответственными режимами (rogue states — *прим. авт.*) КНДР, Ирана, Ирака»².

На встрече в Вашингтоне было официально заявлено, что обе стороны сделали «прямо противоположные оценки официального решения президента США о начале работ по развертыванию ограниченной национальной ПРО». Американские круги были уверены в том, что смогут убедить Россию в необходимости сотрудничества в области ограниченной противоракетной обороны, в то время как в Москве полагали, что смогут предотвратить планы США по пересмотру Договора по ПРО 1972 г.³

Проанализировав ряд документов из Архива внешней политики Российской Федерации и материалов Конгресса США, касающихся Договора по ПРО 1972 г., автор полагал бы целесообразным сделать некоторые выводы. На наш взгляд, в 90-е гг. прошлого столетия администрация Президента Б. Клинтона и законодательные органы страны практически подготовили базис для последующего выхода США из Договора по ПРО 1972 г. Мотивация американской стороны сводилась к тому, что данные договоренности имели смысл лишь в условиях «холодной войны», когда СССР и США должны были быть застрахованы от соблазна нанести удар первым под прикрытием ядерного щита. 13 декабря 2001 г. Президент США Дж. Буш-мл. проинформировал Президента России В.В. Путина об одностороннем выходе американской стороны из Договора между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны. «Я пришел к выводу, что Договор по ПРО сковывает способность нашего правительства разрабатывать пути защиты нашего народа от будущих ракетных атак со стороны террористов или государств-изгоев», — подчеркивалось в заявлении главы американского государства⁴.

Утверждения представителей Белого дома о том, что разрабатываемая ими глобальная система ПРО предназначена-де для отражения вероятных атак со сто-

---

¹ АВП РФ — Архив внешней политики РФ. Ф. 129. Оп. 85. П. 585. Д. 15. Л. 149.

² АВП РФ — Архив внешней политики РФ. Ф. 129. Оп. 85. П. 585. Д. 15. Л. 182.

³ АВП РФ — Архив внешней политики РФ. Ф. 129. Оп. 85. П. 585. Д. 15. Л. 154.

⁴ U.S. Withdrawal From the ABM Treaty: President Bush's Remarks and U.S. Diplomatic Notes. Arms Control Association. Available at: https://www.armscontrol.org/act/2002_01-02/docjanfeb02#bush.

роны так называемых «государств-изгоев» есть не что иное как мифологема. Это система создается для того, чтобы добиться одностороннего превосходства над Россией. Американская глобальная система ПРО препятствует поступательному развитию двусторонних российско-американских отношений и подрывает основы многолетнего сотрудничества между Российской Федерацией и США в области разоружения и недопущения разработки новых видов оружия массового уничтожения. Ее развертывание выведет гонку вооружений на качественно-новый уровень. Более того, американская сторона, навязывая России глобальную систему ПРО, рассчитывает на то, что российская экономика не выдержит состязательности с США. Угроза данной системы состоит в том, что она становится глобальной, общемировой проблемой, поскольку в нее втягивается ряд других государств.

После распада СССР и устранения своего главного военно-политического противника США стали рассматривать себя как единственную державу, способную безраздельно господствовать в мире. Весомо и аргументировано сказал об этом Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем выступлении на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью Йорке 28 сентября 2015 г.: «Мы все знаем, что после окончания „холодной войны“ — и все это знают — в мире возник единственный центр доминирования. И тогда у тех, кто оказался на вершине этой пирамиды, возник соблазн думать, что, если они такие сильные и исключительные, то лучше всех знают, что делать»¹.

Беспокойство России развертыванием американской глобальной системы ПРО обусловлено прежде всего тем, что ее элементы размещаются на территориях государств, которые находятся в непосредственной близости от границ России. Кроме того, данную систему следует рассматривать не только как средство защиты американских объектов, но и как средство нападения. Как нам представляется, подобные планы эфемерны и обречены на провал. Подавляющее большинство как российских, так и американских специалистов в области вооружений, склоняются к тому, что США, даже при условии развертывания глобальной системы ПРО, будут неспособны достичь военно-стратегического превосходства над Россией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Арбатов А.Г.* Противоракетная оборона и новые стратегические отношения России и США. М.: РГБ, 2004.
- [2] *Белоус В.С.* Противоракетная оборона и оружие XXI века. М.: Вече, 2002.
- [3] *Громыко А.А.* Памятное. Кн. 2. М.: Политиздат, 1988. С. 205.
- [4] *Добрынин А.* Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962—1986 гг.) 2-е изд. М.: Международные отношения, 2008.
- [5] *Козин В.П.* Эволюция противоракетной обороны США и позиция России (1945—2013 гг.). М.: Росс. ин-т стр. исслед, 2013.

---

¹ Владимир Путин принял участие в пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>.

- [6] *Матвеев О.В.* История и развитие войск ракетно-космической обороны: Противоракетная оборона как фактор национальной безопасности. М.: Мин-во обороны РФ, 2002.
- [7] *Первов М.* Системы ракетно-космической обороны создавались так. М.: Авиарус-XXI, 2003.
- [8] *Рогов С.М.* и др. Десять лет без договора по ПРО: Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях. М.: Спецкнига, 2012.
- [9] *Тищенко Г.Г.* Создание систем противоракетной обороны за рубежом и безопасность России. М.: Росс. ин-т страт. исслед., 2005.
- [10] *Kissinger G.A.* The White House Years. London: Weidenfeld&Nicolson&Joseph, 1979.
- [11] *Laqueur W.* Looking Back. A Decade of World Politics. N.Y.; Praeger, 1983.
- [12] *Luttwak E.* The Pentagon and the Art of War. The Question of Military Reform. Simon&-Schuster Publ., 1984.
- [13] *Podgoretz N.* The Present Danger: «Do We Have the Will to Reverse the Decline of American Power?» N.Y.: Simon & Schuster Publ., 1980.
- [14] *Podgoretz N.* «The Rise of Neoconservatism» // The Virginia Quarterly Review, Spring 1996.
- [15] *Tucker R.* Political Culture and Leadership in Soviet Russia. N.Y.: W.W. Norton & Company, 1987.

Дата поступления статьи: 12.10.2015

Для цитирования: *Буторов А.С. Односторонний выход США из договора по ПРО 1972 г. и его глобальные последствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2016. № 1. С. 153—164.*

UNILATERAL US WITHDRAWAL FROM THE ABM TREATY OF 1972 AND ITS GLOBAL CONSEQUENCES

A.S. Butorov

Department of theory and history of international relations
Peoples' friendship university of Russia
Miklukho-Maklaya st., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The author analyzes the origins and reasons for the termination of the US operations of the Soviet-American ABM Treaty in 1972 based on a study in the Archives of the Russian Federation's foreign policy documents, as well as the US Congress materials, traced the evolutionary path of unilateral withdrawal from the American side agreements. The article notes that for three decades was carried out in relation to the Soviet-American agreements on limiting missile defense systems in 1972 a policy of double standards. Declaring in words their commitment to the fundamental principles of the treaty, in practice, the United States all these years set the stage for a unilateral withdrawal from the contract. Particularly emphasized that the denunciation of Washington in 2001 ABM Treaty is the cornerstone of strategic stability and security in the world, it became the starting point for the deployment of the US global missile defense system.

Key words: The Soviet Union, Russia, the United States, the ABM Treaty of 1972, the military-strategic balance, international security, global system of US missile defense policy of double standards, the world order, the ideology of neoconservatism, strategic offensive arms.

REFERENCES

- [1] Arbatov A.G., 2004. *Protivoraketnaja oborona i novye strategicheskie otnoshenija Rossii i SShA* [*Missile defense and the new strategic relationship between Russia and the United States*]. Moscow: RGB.
- [2] Belous V.S., 2002. *Protivoraketnaja oborona i oruzhie XXI veka* [*Missile defense and weapons of the XXI century*]. Moscow: Veche.
- [3] Dobrynin A., 2008. *Sugubo doveritel'no. Posol v Vashingtone pri shesti prezidentah SShA (1962—1986)*. 2-e izd. [*Strictly confidential. Ambassador in Washington with six US presidents (1962—1986 biennium)*]. 2-nd edition]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija.
- [4] Gromyko A.A., 1988. *Pamjatnoe*. Kn. 2 [*Memorable*. 2-nd Book]. Moscow: Politizdat.
- [5] Kissinger G.A., 1979. *The White House Years*. London: Weidenfeld&Nicolson&Joseph.
- [6] Kozin V.P., 2013. *Evoljucija protivoraketnoj oborony SShA I pozicija Rossii (1945—2013 gg.)* [*The evolution of the US and Russian missile defense position (1945—2013)*]. Moscow: Ross. in-t str. issled.
- [7] Laqueur W., 1983. *Looking Back. A Decade of World Politics*. N.Y.: Praeger.
- [8] Luttwak E., 1984. *The Pentagon and the Art of War. The Question of Military Reform*. Simon&Schuster Publ.
- [9] Matveev O.V., 2002. *Istorija i razvitie vojsk raketno-kosmicheskij oborony: Protivoraketnaja oborona kak faktor nacional'noj bezopasnosti* [*The history and development of the forces of rocket-space defense: Missile defense as a national security factor*]. Moscow: Min-vo oborony RF.
- [10] Pervov M., 2003. *Sistemy raketno-kosmicheskij oborony sozdavalis' tak* [*Systems missile and space defense were created in this way*]. Moscow: Aviarus-XXI.
- [11] Podgoretz N., 1980. *The Present Danger: «Do We Have the Will to Reverse the Decline of American Power?»* N.Y.: Simon & Schuster Publ.
- [12] Podgoretz N., 1996. «The Rise of Neoconservatism». *The Virginia Quarterly Review*.
- [13] Rogov S.M., i dr., 2012. *Desjat' let bez dogovora po PRO: Problema protivoraketnoj oborony v rossijsko-amerikanskih otnoshenijah* [*Ten years without an agreement on missile defense: missile defense problem in Russian-American relations*]. Moscow: Speckniga.
- [14] Tishhenko G.G., 2005. *Sozdanie system protivoraketnoj oborony zarubezhom I bezopasnost' Rossii* [*Creation of missile defense systems abroad and the security of Russia*]. Moscow: Ross. in-t strat. issled.
- [15] Tucker R., 1987. *Political Culture and Leadership in Soviet Russia*. N.Y.: W.W. Norton & Company.

For citations: Butorov A.S. Unilateral US Withdrawal from the ABM Treaty of 1972 and its Global Consequences. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 16. No. 1 (March 2016). Pp. 153—164.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ О ВЗАИМНОМ ПРИЗНАНИИ КВАЛИФИКАЦИЙ — ВАЖНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Г.Ф. Ткач, С.А. Коваленко

Кафедра сравнительной образовательной политики
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются исторические предпосылки и организационно-правовые обстоятельства разработки и подписания российско-французского соглашения о взаимном признании образования и (или) квалификаций и ученых степеней. Показана принципиальная значимость закрепленного в межправительственном соглашении единого подхода при сопоставлении основных уровней образования двух стран и соответствующих квалификаций. Анализируются основные содержательные положения совместного документа, являющегося первым полномасштабным соглашением подобного рода, заключенным Российской Федерацией с одной из развитых стран.

Ключевые слова: международное образовательное сотрудничество, квалификация, документ об образовании, межправительственное соглашение, признание квалификаций, сопоставимость уровней образования.

В связи с задачами расширения участия Российской Федерации в международном образовательном сотрудничестве, особенно в целях реализации интеграционных мероприятий в рамках ЕАЭС, СНГ, ШОС и Болонского процесса, а также вследствие возрастающего значения экспорта образовательных услуг все большее внимание уделяется проблемам признания образования и профессиональной подготовки, полученных в зарубежных странах [Филиппов 2008: 372].

При осуществлении признания иностранного образования и (или) квалификации (далее — признание, признание квалификаций) всегда выносится официальное суждение (дается официальная оценка) об уровне образования, подтверждаемого представленным документом (аттестатом, свидетельством, дипломом), выданным иностранным образовательным учреждением, и тем самым так или иначе затрагиваются интересы другой страны. Вследствие этого проблема признания, независимо от способов и механизмов ее решения, всегда имеет международный

характер. Соответственно, различают национальные (внутренние) и международные (внешние) правовые базы и адекватные им механизмы признания. В широком плане понятие «механизм признания квалификаций» включает в себя установленные правила, организационные процедуры, материально-технические средства и даже экспертов, используемых в процессе оценки иностранного образовательного документа и принятия решения о его признании. Однако обычно этот термин трактуют в более узком смысле, подразумевая под ним совокупность действующих правовых норм и положений, регламентирующих назначение, процедуру, конечный результат и правовые последствия признания. В ходе дальнейшего изложения авторы придерживаются этой более узкой интерпретации, понимая под механизмом признания его нормативную правовую базу.

За длительный период становления и развития международного сотрудничества в сфере образования, главной составляющей которого является международная студенческая мобильность¹, происходила постепенная эволюция понимания сущности рассматриваемого понятия и его терминологического обозначения. Если в 50—60-е гг., на начальном этапе становления массовой академической мобильности, условием доступа иностранных граждан к программам более высокого уровня было установление эквивалентности (фактически тождественности) образования, полученного ими у себя на родине, и образования, требующегося для поступления на соответствующую программу в стране приема², то уже в 80—90-е гг. требование эквивалентности повсеместно заменяется на более гибкое требование признания (соответствия) [Ткач, Филиппов, Зверев 2008: 372].

Современные концептуальные подходы к понятию признания отражены в подписанной 11 апреля 1997 г. Конвенции о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе (далее — Лиссабонская конвенция), вступившей в силу в отношении Российской Федерации 1 июля 2000 г.³ Закрепленные в этом документе определения основных терминов представляют собой нормы международного права, имеющие обязательный характер для стран — участниц Конвенции при осуществлении ими деятельности по признанию. Первостепенное значение отводится при этом понятию признания, определяемому как «официальное подтверждение полномочным органом значимости иностранной образовательной квалификации в целях доступа ее обладателя к образовательной и/или профессиональной деятельности»⁴. Это краткое, но насыщенное по содер-

---

¹ Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации: Статистический сборник. Вып. 12. Министерство образования и науки Российской Федерации. М.: Центр социологических исследований, 2015; Education at a Glance 2015. OECD Indicators — OECD Publishing. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/eag-2015-en>.

² Европейская конвенция об эквивалентности дипломов, ведущих к доступу в университеты от 11 декабря 1953 г., документ ETS 15 (вступила в силу для России 17 сентября 1999 г.

³ Письмо МИД России от 19.06.2012 № 9333/дп «О международных договорах о признании документов об образовании».

⁴ Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в европейском регионе (ETS 165). Раздел I. Ст. I. [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://www.russianenic.ru/int/lisbon/conv.html>.

жанию и целевым установкам определение признания точно и однозначно отражает сложившееся в настоящее время в мировом академическом сообществе общее согласованное представление о понятии признания, о его назначении и сфере применимости.

В российской практике осуществления признания терминологическое обозначение и правовая трактовка соответствующего понятия неоднократно менялись. Первоначально введенная в российское образовательное законодательство формулировка «нострификация и установление эквивалентности документов об образовании»¹ была изменена сначала на «признание и установление эквивалентности... документов иностранных государств»², затем на «признание документов иностранных государств об уровне образования и (или) квалификации»³ и, наконец, на действующую в настоящее время формулировку «признание образования и (или) квалификации, полученных в иностранном государстве»⁴.

Для однозначной интерпретации смысла и назначения обозначенного подобным образом понятия на законодательном уровне установлено его следующее определение: «под признанием в Российской Федерации иностранного образования и (или) иностранной квалификации понимается официальное подтверждение значимости (уровня) полученных в иностранном государстве образования и (или) квалификации в целях обеспечения доступа их обладателя к образованию и (или) профессиональной деятельности в Российской Федерации, предоставления их обладателю академических, профессиональных и (или) иных предусмотренных международными договорами о взаимном признании и (или) законодательством Российской Федерации прав»⁵. Эта развернутая формулировка в полной мере соответствует приведенному выше определению признания в Лиссабонской конвенции, являющейся на сегодняшний день основополагающим правовым актом регулирования международной академической мобильности и международного образовательного сотрудничества.

Лиссабонская конвенция, как и другие конвенции по признанию, в которых участвует Российская Федерация, регламентирует общие принципы, правила и процедуры осуществления признания, формулирует определения основных понятий, но не устанавливает соответствия между уровнями образования и квалификациями отдельных стран. На основе международных конвенций формируется правовая база национальных механизмов признания, разрабатываются в отдельных странах нормы и процедуры осуществления признания документов об образовании, полученных за рубежом. Однако конвенции, будучи правовыми актами концептуально-рамочного характера, не могут использоваться для принятия ре-

---

¹ Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании».

² Федеральный Закон от 22 августа 1996 г. № 125 «О высшем и послевузовском профессиональном образовании».

³ Федеральный закон от 03.12.2011 № 385-ФЗ (ред. от 29.12.2012) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования процедур признания документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях».

⁴ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

⁵ Там же.

шений о сопоставимости конкретных квалификаций тех или иных стран [Коваленко, Ткач 2016].

В целях создания действенного механизма решения этой проблемы заинтересованные страны, между которыми происходит или ожидается увеличение обмена студентами, заключают на уровне правительств или министерств образования двусторонние соглашения о взаимном признании квалификаций. Основное содержание этих соглашений составляют статьи, в которых приводятся точные наименования взаимно признаваемых уровней образования и квалификаций стран, заключивших двустороннее соглашение. Центральное место в этих соглашениях всегда отводится статье о взаимном признании документов о среднем общем образовании, обладание которыми дает доступ к высшему образованию в соответствующих странах. В отличие от конвенций двусторонние соглашения, имеющие конкретный предметный характер, являются международными правовыми актами прямого действия. Наличие межстранового соглашения о взаимном признании квалификаций существенно облегчает осуществление признания и позволяет свести процесс признания к относительно простой административной процедуре.

Вместе с тем имеется значительное число стран, в том числе многие развитые страны, которые относительно редко заключают соглашения о признании квалификаций с другими странами или не заключают их вовсе. Это обусловлено, во-первых, трудностями, возникающими при разработке данных соглашений в случаях, когда каждая из сторон по-разному оценивает уровни сопоставляемых квалификаций, и вследствие невозможности сближения позиций на компромиссной основе достижение договоренности становится неосуществимым. Во-вторых, в силу сложившихся традиций ряд стран вообще не заключают подобных соглашений, т.к. осуществление признания в них относится к компетенции высших учебных заведений, обладающих в этом вопросе полной автономией. Так обстоит дело, например, в США, Великобритании, Канаде.

В настоящее время Российская Федерация является участником международных правовых актов, регулирующих вопросы признания иностранных документов об образовании, общее число которых в настоящее время приближается к 100. Значительная их часть была заключена еще в 60—80-е гг., поскольку Российская Федерация в качестве правопреемницы стала участником всех международных соглашений по вопросам признания, заключенных СССР за предшествующие годы. Эти договоры и соглашения включали две региональные конвенции ЮНЕСКО (Европейская и Азиатско-Тихоокеанская) и 54 двусторонних межгосударственных соглашений о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании. Почти все эти двусторонние соглашения были заключены с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки и бывшими социалистическими странами Центральной и Восточной Европы, из которых в советские вузы прибывали большие контингенты студентов. Практически все эти унаследованные от СССР двусторонние соглашения нуждались в пересмотре в связи с изменением за прошедшие годы структуры уровней образования и квалификаций, как в России, так и в странах-партнерах. Некоторые из них не могут применяться вследствие причин геополитического характера, в частности, исчезновения с политической карты мира некоторых стран — бывших партнеров по соглашениям (ГДР, Чехословакия,

Югославия). За период 1992—2014 г. Россия заключила несколько десятков пересмотренных и новых двусторонних соглашений и стала участницей более десяти международных конвенций и многосторонних соглашений по вопросам признания [Ткач, Филиппов, Зверев 2008].

До недавнего времени у Российской Федерации практически отсутствовала нормативная база для решения на двусторонней основе вопросов признания с развитыми странами, так как только с двумя из них — с Финляндией (7 декабря 1979 г.)¹ и с Испанией (26 октября 1990 г.)² были подписаны соглашения о взаимном признании дипломов, причем они существенно ограничены по охвату сопоставимых уровней образования.

Знаковое событие в решении проблемы признания российских квалификаций в развитых странах, произошло 12 мая 2003 г., когда между РФ и Францией было подписано двустороннее межправительственное соглашение о признании диплома российского кандидата наук и диплома французского доктора в качестве квалификаций, подтверждающих «наличие компетенций одного уровня»³. Однако положения этого соглашения не касались соответствия уровней образования и квалификаций наиболее массовых потенциальных участников международных обменов, какими являются выпускники образовательных программ первого и второго уровней высшего профессионального образования, а также выпускники средних общеобразовательных и профессиональных учебных заведений каждой из Сторон.

В настоящее время можно ожидать существенного сдвига в ситуации с решением вопроса взаимного признания российских и иностранных образовательных квалификаций. Этому будет способствовать состоявшееся 29 июня 2015 г. подписание полномасштабного Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Французской Республики о взаимном признании образования, квалификаций и ученых степеней. Проект Соглашения, подготовленный в развитие договоренностей, достигнутых по итогам встречи Президентов России и Франции 28 февраля 2013 г. в Москве, был одобрен Распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 октября 2014 г. № 2012-р⁴. В Соглашении обе стороны сформулировали согласованные позиции о сопоставимости всех основ-

---

¹ Протокол между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Финляндской Республики о взаимном признании равноценности документов о высшем образовании, ученых степеней, а также документов, дающих право поступления в высшие учебные заведения [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/inter/soglash/1540>.

² Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Испанией об эквивалентности и взаимном признании документов об образовании и ученых степеней [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/inter/soglash/1477>.

³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Французской Республики о взаимном признании документов об ученых степенях [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/inter/soglash/2538>.

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 9 октября 2014 г. № 2012-р [Распоряжение Правительства Россиjskoj Federacii ot 9 oktjabrja 2014 g. N 2012-r [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=EXP;frame=22;n=601627;req=doc>.

ных уровней образования и соответствующих квалификаций, включая уровни российской степени кандидата наук и французской степени доктора.

Подписанию соглашения предшествовала состоявшая из нескольких этапов подготовительная работа экспертных групп, российской¹ и французской. Вначале подготовленный российскими экспертами и согласованный с руководством Международного департамента Минобрнауки России проект российско-французского Соглашения был отправлен для ознакомления французской стороне. При разработке проекта в его основу были положены нормативные определения и принципы признания, установленные соответствующими положениями Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Были учтены также изменения в структуре дипломов и степеней французского высшего образования, введенные во Франции в период 2002—2006 гг. в рамках адаптации национальной системы уровней высшего образования к общеевропейской сопоставимой структуре уровней, закрепленной в Болонской декларации² [Ткач 2015: 24—38; Ткач, Москвичева 2015: 46—63]. Принимались также во внимание современные тенденции составления аналогичных международных двусторонних правовых актов с участием ведущих европейских стран [Ткач, Москвичева 2015: 46—63].

В процессе последующей работы, продолжавшейся в общей сложности более года, в исходный вариант проекта от каждой из сторон вносились уточнения и изменения, которые в дальнейшем обсуждались на совместных рабочих встречах экспертов и представителей министерств образования РФ и Франции. Решающее продвижение в согласовании позиций произошло на рабочей встрече делегаций Министерства образования и науки Российской Федерации и Министерства образования и научных исследований Франции, состоявшейся 26 сентября 2013 г. в Париже. В состав французской делегации (12 человек) наряду с ответственными сотрудниками министерства образования и министерства иностранных дел были включены также представители руководства Конфедерации университетов, Конфедерации высших школ и Конфедерации инженерных школ, что свидетельствовало о заинтересованности французской стороны в достижении положительного результата.

Во вступительной части совместного заседания представители российской делегации ознакомили французских коллег с действующим в РФ и постоянно совершенствующимся механизмом осуществления признания документов об образовании иностранных государств, обратив особое внимание на приверженность основополагающим принципам признания, закрепленным в Лиссабонской Конвенции. Французские эксперты, в свою очередь, изложили действующие в стране правила признания, в соответствии с которыми основные полномочия при приня-

---

¹ В состав российских экспертов входил один из авторов данной статьи, принимавший непосредственное участие на всех этапах разработки проекта Соглашения.

² Décret n°2002-482 du 8 avril 2002 portant application au système français d'enseignement supérieur de la construction de l'Espace européen de l'enseignement supérieur. Available at: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000771048>.

тии решения о признании иностранных дипломов и квалификаций принадлежат принимающему высшему учебному заведению [Кодекс образования Франции... 2003: 270]. Последующее обсуждение заключалось в детальном постатейном обсуждении представленных Сторонами текстов проекта Соглашения, в ходе которого участники встречи давали подробные пояснения, ссылаясь при этом на соответствующие правовые нормативные акты и реально функционирующие в каждой стране практические механизмы признания.

В итоге было достигнуто согласие по большинству позиций текста будущего Соглашения, в том числе относительно признания равноценности среднего общего образования, удостоверяемого аттестатом о среднем общем образовании в Российской Федерации и дипломом «бакалореа» (baccalaureat) во Франции для доступа к высшему образованию. Были согласованы также Статьи, в которых устанавливалась сопоставимость различных уровней высшего образования и соответствующих дипломов и квалификаций, в частности, российского бакалавра и французского лицензиата; российского специалиста и магистра и французского магистра. При этом в тексты соответствующих Статей по предложению российской стороны было включено положение о том, что «условия приема на обучение определяются образовательными организациями высшего образования с учетом требований для поступления на избранную программу и в соответствии с национальным законодательством».

Это было сделано с целью создания «страховочного» механизма, который позволял бы принимающему вузу, в случае наличия сомнений в реальной сопоставимости уровней национального и иностранного дипломов, выдвинуть дополнительные условия признания представленного диплома (и соответственно дополнительные требования при приеме на выбранную программу) или вообще отказать в признании.

Что касается возможности взаимного признания ученой степени российского кандидата наук и степени французского доктора, то поскольку еще в 2003 г. было подписано межправительственное соглашение об их сопоставимости, было рекомендовано включить в новое Соглашение соответствующую Статью в редакции ранее принятого межправительственного документа.

В ходе обсуждения представленных проектов Соглашения выявилось, что для французской Стороны является неприемлемым включение в тексты Статей о взаимном признании квалификаций высшего и среднего профессионального образования утверждения о том, что подобное признание равных прав в целях продолжения образования влечет за собой также и равенство прав в целях трудоустройства.

Несмотря на длительные разъяснения со стороны российских экспертов и предлагавшиеся ими различные варианты формулирования данной позиции, французские партнеры по переговорам не согласились включить в той или иной редакции данное положение в тексты конкретных Статей. При этом на словах они соглашались, что изъятие из текста Соглашения положений о равенстве прав при трудоустройстве снижает социально-экономическую значимость подготавливаемого двустороннего правового акта. Французские эксперты объясняли категоричность своей позиции в данном вопросе тем обстоятельством, что во Франции, как и в других странах Евросоюза, академическое признание, в интересах облег-

чения которого готовится данное Соглашение, непосредственно никак не связано с профессиональным признанием¹. Их аргументация сводилась к тому, что академическое признание имеет своей целью исключительно продолжение образования, а вопросы профессионального признания, то есть предоставления равных прав при приеме на работу (в случае признания сопоставимости квалификаций), относятся к компетенции работодателя.

Согласно приведенной аргументации во Франции в общенациональном масштабе эти вопросы относятся к сфере задач, решаемых министерством труда и занятости, которое может иметь собственные представления о признании квалификаций (в целях приема на работу), отличающиеся от представлений министерства высшего образования о признании (в целях продолжения образования). Вследствие этого, как заявили французские партнеры, текст Соглашения, согласование основных положений которого фактически уже было достигнуто в результате состоявшегося обсуждения, проходившего при участии представителей министерства иностранных дел Франции и представителей авторитетных университетских организаций, потребовал бы дополнительного согласования с министерством труда и другими ведомствами, что отодвинуло бы на неопределенное время перспективу его принятия. В качестве компромисса для выхода из сложившейся спорной ситуации эксперты согласились включить положение о взаимосвязи признания квалификаций и решения вопросов трудоустройства в Преамбулу Соглашения, не упоминая об этом в отдельных Статьях. Это было сделано в общей ссылке на необходимость учета положений Лиссабонской конвенции, согласно Статье V.3. которой «признание квалификаций, относящихся к высшему образованию, может упростить доступ к рынку труда в соответствии с законами и правилами Стороны, в которой испрашивается признание».

В заключение участвовавшие во встрече российские и французские эксперты пришли к общему мнению, что совместно выработанный текст может рассматриваться в качестве основы проекта Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Французской Республики о взаимном признании образования, квалификаций и ученых степеней. Было принято решение передать согласованный вариант проекта Соглашения в соответствующие ведомства РФ и Франции для окончательной сверки положений текста проекта с нормами образовательного законодательства каждой Стороны.

Ответная встреча российской и французской делегаций состоялась 25 февраля 2014 г. в Москве. На ней были рассмотрены предложения и уточнения, поступившие в результате рассмотрения проекта в юридических подразделениях Минобрнауки РФ и Министерства высшего образования и научных исследований Франции. Окончательно согласованный текст Соглашения, предварительно прошедший необходимые процедуры апробации в министерстве юстиции и министерстве иностранных дел и получивший одобрение правительства, был подписан в Москве 29 июня 2015 г.²

---

¹ Education at a Glance 2015. OECD Indicators — OECD Publishing. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/eag-2015-en>.

² Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201601200009>.

Программа межгосударственного долгосрочного сотрудничества России и Франции в области образования, науки и культуры и действующие программы межвузовского сотрудничества, заключенные между отдельными университетами, предусматривают существенное расширение обменов студентами, аспирантами, стажерами и преподавателями на разных уровнях и с разными академическими целями. Выполнение этих задач в значительной мере тормозится из-за нерешенности вопросов взаимного признания образования, квалификаций и ученых степеней между нашими странами.

Вступление в силу 16 января 2016 г. российско-французского межправительственного Соглашения о взаимном признании образования, квалификаций и ученых степеней будет способствовать успешной реализации этих программ. Одним из следствий заключения данного Соглашения, выходящим за рамки отношений РФ и Франции, стало проявление заинтересованности ряда других развитых стран (Великобритания, Испания, Польша) в разработке аналогичных двусторонних соглашений с РФ по образцу российско-французского Соглашения. Активизация совместной работы в этой области, поддерживаемая министерством образования и науки, будет оказывать стимулирующее воздействие на все аспекты международного образовательного сотрудничества РФ с другими странами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Коваленко С.А., Ткач Г.Ф. Модернизация правовой основы академического признания в Российской Федерации // Ежегодник российского образовательного законодательства. ФГУ «Федеральный центр образовательного законодательства». 2016. Т. 10.
- [2] Кодекс образования Франции. Законодательная часть. Перевод с французского / сост.: В.В. Насонкин; пер.: О.А. Мандрусова, Г.Ф. Ткач; общ. ред. и вступ. ст.: В.М. Филиппов. М.: Статут, 2003.
- [3] Ткач Г.Ф. Реформа высшего образования Франции // Партнерство Франции и России: интернационализация образования, науки, экономики: сборник статей. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. С. 24—38.
- [4] Ткач Г.Ф., Москвичева С.А. Французский опыт модернизации образовательных программ на основе укрупненных групп специальностей // Интернациональный университет — стратегия и тактика развития: материалы международной научно-практической конференции под эгидой ЮНЕСКО / под ред. В.М. Филиппова. М.: РУДН, 2015. С. 46—63.
- [5] Ткач Г.Ф., Филиппов В.М. Организационно-правовые и практические механизмы обеспечения академической мобильности и расширения экспорта образовательных услуг. М.: РУДН, 2014.
- [6] Ткач Г.Ф., Филиппов В.М., Зверев Н.И. Признание академических и профессиональных квалификаций в системах высшего образования. М.: РУДН, 2008.
- [7] Филиппов В.М. Интернационализация высшего образования: основные тенденции, проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. С. 202—211.

Дата поступления статьи: 25.12.2015

Для цитирования: Ткач Г.Ф., Коваленко С.А. Российско-французское соглашение о взаимном признании квалификаций — важный этап развития международного образовательного сотрудничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2016. № 1. С. 165—175.

THE RUSSIAN-FRENCH AGREEMENT ON MUTUAL QUALIFICATIONS RECOGNITION – AN IMPORTANT STAGE OF INTERNATIONAL EDUCATIONAL COOPERATION

G.F. Tkach, S.A. Kovalenko

Department of comparative educational policy
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article considers the historical background, organizational and legal circumstances of the development and signing of the Russian-French agreement on mutual recognition of education and (or) qualifications and degrees. The authors reveal fundamental importance of the uniform approach by comparison the basic levels of education between the two countries and the relevant qualifications. Analysis of the main substantive provisions of the joint document is provided. It is the first such full-scale agreement signed by the Russian Federation with one of the developed countries.

A brief overview of the evolution of “qualifications recognition”, its concept, essence, targets and terminology are given in the initial part of the paper. The article analyzes the definitions of terms used both in the Convention on the Recognition of Qualifications concerning Higher Education in the European region and in the modern practice of the recognition of the Russian Federation. Distinction of the purpose and possibilities of conventions application and bilateral agreements on the recognition of qualifications are shown. The authors describe the sequence and content of the basic stages of development of the draft Agreement. The article displays mismatch of the two countries on the possibility of professional recognition along with academic recognition. In conclusion, the authors express confidence that the signing of the Russian-French agreement on the recognition of qualifications will promote academic exchanges and deepen cooperation between Russia and France, and will have a stimulating effect on all aspects of international educational co-operation between Russia and other countries.

Key words: international educational cooperation, qualification, an intergovernmental agreement, recognition of qualifications, comparable levels of education.

REFERENCES

- [1] Kovalenko S.A., Tkach G.F., 2016. Modernizacija pravovoj osnovy akademicheskogo priznanija v Rossijskoj Federacii [Modernization of the legal framework of academic recognition in the Russian Federation]. *Ezhegodnik rossijskogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva*. Moscow. Vol. 10.
- [2] *Kodeks obrazovaniya Francii. Zakonodatel'naja chast'* [Code of Education of France. The legislative part. Translated from the French], 2003. Comp. by V.V. Nasonkin; translated by O.A. Mandrusova, G.F. Tkach. Ed. and intr. by V.M. Filippov.
- [3] Tkach G.F., 2015. Reforma vysshego obrazovaniya Francii [French Higher Education Reform]. *Partnerstvo Francii i Rossii: internacionalizacija obrazovaniya, nauki, jekonomiki: sbornik statej*. P. 24—38.
- [4] Tkach G.F., Moskvicheva S.A., 2015. Francuzskij opyt modernizacii obrazovatel'nyh programm na osnove ukрупnennyh grupp special'nostej [French experience in the modernization of educational programs based on the integrated groups of specialties]. *International'nyj universitet — strategija i taktika razvitiya: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii pod jegidoj JuNESKO*. Ed. by V.M. Filippov. P. 46—63.

- [5] Tkach G.F., Filippov V.M., 2014. *Organizacionno-pravovye i prakticheskie mehanizmy obespechenija akademicheskoy mobil'nosti i rasshirenija jeksporta obrazovatel'nyh uslug*. [Organizational, legal and practical mechanisms to ensure academic mobility and expand the export of educational services]. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia.
- [6] Tkach G.F., Filippov V.M., Zverev N.I., 2008. *Priznanie akademicheskikh i professional'nyh kvalifikacij v sistemah vysshego obrazovanija* [The recognition of academic and professional qualifications in the higher education systems]. Moscow: PFUR.
- [7] Filippov V.M., 2015. Internacionalizacija vysshego obrazovanija: osnovnye tendencii, problemy i perspektivy [Internationalization of Higher Education: the main trends, problems and prospects]. *Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija*. No. 3. P. 202—211.

For citations: Tkach G.F., Kovalenko S.A. The Russian-French Agreement on Mutual Qualifications Recognition — an Important Stage of International Educational Cooperation. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 16. No. 1 (March 2016). Pp. 165—175.

НАШИ АВТОРЫ

Асадов Бабек Рашид оглы — к.полит.н., доцент кафедры предпринимательства в туризме Санкт-Петербургского государственного экономического университета (e-mail: asadovspb@mail.ru)

Буторов Алексей Сергеевич — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: lex1989@yandex.ru)

Глинская Ирина Юрьевна — д.полит.н., доцент кафедры рекламы и бизнес-коммуникаций Института мировой экономики и бизнеса Российского университета дружбы народов (e-mail: irina_glinskaya@mail.ru)

Дегтерев Денис Андреевич — к.э.н., заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, доцент МГИМО (У) МИД России (e-mail: degterev_da@pfur.ru)

Журавлева Евгения Владимировна — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, преподаватель кафедры мировой политики и международных отношений РАНХиГС (e-mail: zhuravleva_ev@pfur.ru)

Каламанов Владимир Авдашевич — д.ю.н., генеральный директор Центра устойчивого энергетического развития под эгидой ЮНЕСКО (МЦУЭР) (e-mail: info@isedc-u.com)

Коваленко Сергей Александрович — аспирант кафедры сравнительной образовательной политики РУДН, ответственный секретарь ректоратов УШОС и СУ СНГ, РУДН (e-mail: sergeirudn@gmail.com)

Колмакова Анастасия Викторовна — младший научный сотрудник Института востоковедения РАН (e-mail: kadzutaka@yandex.ru)

Кострикин Александр Вадимович — почетный работник сферы молодежной политики, председатель Ассоциации работников молодежной сферы (Санкт-Петербургское отделение) (e-mail: kostrikin@hotmail.ru)

Кувшинов Алексей Владимирович — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: alkuv16@gmail.com)

Курьев Константин Петрович — к.и.н., доцент кафедры теории и истории международных отношений РУДН (e-mail: kurylev_kp@pfur.ru)

Медяник Елена Игоревна — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, старший преподаватель факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (e-mail: eganshina@mail.ru)

Нарышкин Владислав Сергеевич — магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: sgt.pepper00710@gmail.com)

Озинковская Елена — магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: elen18@wp.pl)

Парфенёнок Николай Леонидович — соискатель степени кандидата наук Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: nik-parfenenok@yandex.ru)

Рахимов Комрон Хакимджонович — магистрант Сетевого университета СНГ кафедры теории и истории международных отношений РУДН (e-mail: muhsin.19.05.93@mail.ru)

Саяпина Карина Владимировна — аспирант кафедры маркетинга Российского университета дружбы народов (e-mail: k.v.sayarina@gmail.com)

Ткач Геннадий Федорович — к.ф.-м.н., доцент кафедры сравнительной образовательной политики УНИСОП Российского университета дружбы народов (e-mail: tkach_gf@pfur.ru)

Хачатурян Давид Анатольевич — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: da9653076309@gmail.com)

Чуков Роман Сергеевич — соискатель степени кандидата наук Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: roman@chukov.org)

Ягья Ватаняр Саидович — д.и.н., профессор, заведующий кафедрой мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: kafedramp@bk.ru)

OUR AUTHORS

Asadov Babek Rashid oglu — PhD in Politics, Associate professor of the Department of tourism business of St. Petersburg State University of Economics (e-mail: asadovspb@mail.ru)

Butorov Alexey Sergeevich — post-graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the Peoples' Friendship University of Russia (e-mail: lex1989@yandex.ru)

Glinskaya Irina Yurievna — Doctor in Politics, Associate professor of the Department of advertising and business communications of the Institute of World Economy and business of the Peoples' Friendship University of Russia (e-mail: irina_glinskaya@mail.ru)

Degterev Denis Andreevich — PhD in World Economy, head of the Department of Theory and History of International Relations of the Peoples' Friendship University of Russia, Associate Professor of MGIMO-University, MFA Russia (e-mail: degterev_da@pfur.ru)

Zhuravleva Evgenia Vladimirovna — post-graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the Peoples' Friendship University of Russia, Assistant of the Department of Theory and History of International Relations of the Peoples' Friendship University of Russia, lecturer of the Department of World Politics and International Relations of RANEPА (e-mail: zhuravleva_ev@pfur.ru)

Kalamanov Vladimir Avdashevich — Doctor of Law, CEO of Sustainable Energy Development Centre under the auspices of UNESCO (ISEDС) (e-mail: info@isedc-u.com)

Kovalenko Sergey Aleksandrovich — post-graduate student of the Department of Comparative Education policy of the Peoples' Friendship University of Russia, executive secretary of the University administration of Network University of SCO and Network University of CIS of the Peoples' Friendship University of Russia (e-mail: sergeirudn@gmail.com)

Kolmakova Anastasia Victorovna — junior researcher at the Institute of Oriental Studies of RAS (e-mail: kadzutaka@yandex.ru)

Kostrikin Aleksandr Vadimovich — honored worker of the sphere of youth policy, the chairman of the Association of workers of the sphere of youth policy (St. Petersburg Branch) (e-mail: kostrikin@hotmail.ru)

Kuvshinov Aleksey Vladimirovich — post-graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the Peoples' Friendship University of Russia (e-mail: alkuv16@gmail.com)

Kurylev Konstantin Petrovich — PhD in History, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations of the Peoples' Friendship University of Russia (e-mail: kurylev_kp@pfur.ru)

Medyanik Elena Igorevna — post-graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the Peoples' Friendship University of Russia, Senior Lecturer of the Faculty of World Economy and International Affairs of the National Research University "Higher School of Economics" (HSE) (e-mail: eganshina@mail.ru)

Naryshkin Vladislav Sergeevich — graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the Peoples' Friendship University of Russia (e-mail: sgt.pepper00710@gmail.com)

Ozinkovskaya Elena — graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the Peoples' Friendship University of Russia (e-mail: elen18@wp.pl)

Parfenenok Nikolay Leonidovich — PhD-candidate at St. Petersburg State University (e-mail: nik-parfenenok@yandex.ru)

Sayapina Karina Vladimirovna — post-graduate student of the Department of marketing of the Peoples' Friendship University of Russia (e-mail: k.v.sayapina@gmail.com)

Tkach Gennady Fedorovich — PhD in Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor of the Department of comparative education policy of the Peoples' Friendship University of Russia (e-mail: tkach_gf@pfur.ru)

Khachaturian David Anatol'evich — post-graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the Peoples' Friendship University of Russia (e-mail: da9653076309@gmail.com)

Chukov Roman Sergeevich — PhD-candidate at St. Petersburg State University (e-mail: roman@chukov.org)

Yagya Vatanyar Saidovich — Doctor of History, Professor, Head of the World politics Department of the Saint-Petersburg State University (e-mail: kafedramp@bk.ru)

ИНФОРМАЦИЯ ОТ РЕДАКЦИИ ВЕСТНИКА РУДН. СЕРИЯ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» ДЛЯ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ АВТОРОВ

Вестник РУДН, серия «Международные отношения» — это ведущий российский научный журнал РУДН по международным отношениям, созданный в 2001 г. Журнал включен в Перечень изданий, рекомендованных ВАК для опубликования результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный англоязычный дайджест журнала рассылается по ведущим мозговым центрам мира по международным отношениям, входящим в рейтинг «Global Go To Think Tanks» Университета Пенсильвании.

Редакция журнала принимает к печати ранее не публиковавшиеся работы, при этом приоритет отдается следующим материалам:

1) статьям, соответствующим тематической направленности номеров журнала. Тематический портфель на 2016 г. следующий:

№ 2 2016	Африка в системе международных отношений	до 15.03.2016
№ 3 2016	Международные конфликты и устойчивое развитие	до 15.06. 2016
№ 4 2016	Иран и Индия в системе международных отношений	до 15.09.2016

2) статьям на английском языке. Журнал является двуязычным, и редакция заинтересована в повышении доли статей на английском языке;

3) статьям с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений;

4) статьям, соответствующим постоянным рубрикам журнала, — «Мир и безопасность», «Международные экономические отношения», «Двусторонние отношения», «Прикладной анализ», «История международных отношений», «Международное образовательное сотрудничество», «Политические портреты», «Рецензии».

Правила предоставления рукописей размещены на сайте vestnik.rudn.ru (в связи с переходом на редакционные стандарты, совместимые со Scopus, с ноября 2015 г. изменились правила).

При несоблюдении требований к правилам предоставления рукописей они возвращаются на доработку до прохождения процедуры рецензирования.

Каждая рукопись в обязательном порядке направляется редакцией на «двойное слепое» рецензирование, результаты которого пересылаются автору в течение 2—3 недель.

Рукописи принимаются только по электронной почте на имя Ответственного секретаря серии Константина Петровича Курылева по адресу: interjomalrudn@pfur.ru с пометкой «Для публикации» в теме письма.

Потенциальных авторов приглашаем направлять развернутые тезисы на 2—3 страницы с изложением цели, гипотезы и методологии исследования, представлением его будущей структуры, или полноценные, завершенные статьи.

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS. AUTHOR GUIDELINES 2015—2016

PFUR and Vestnik RUDN. International Relations. Peoples' Friendship University of Russia, PFUR (ex-Patrice Lumumba University) is one of the top Russian universities and the leader in terms of students body internationalization across the CIS and the BRICS countries (the students represent more than 150 countries of the world). Central IR scientific edition of the University — Vestnik RUDN. International Relations (published since 2001) — has also international dimension. What we focus most on are pressing global issues and the history of international relations, foreign policy and diplomacy, regional security in Asia, Africa and Latin America, the «North-South» relationship and cooperation within BRICS, SCO and CIS, as well as international academic cooperation.

Our authors. Our authors are known Russian scholars of international affairs who represent leading metropolitan and regional universities, as well as institutes of Russian Academy of Science, and also experts from foreign countries, including those from the top European and Asian universities. Many authors of Vestnik RUDN — postgraduates and young researchers of PFUR — have come from the CIS countries, Asia, Africa and Latin America, who explore foreign policy issues of their states and add their local/nationspecific perspective in addressing current global issues.

Thematic scope. Each issue of Vestnik RUDN has specific thematic scope. Upcoming issues of Vestnik RUDN will deal with the following issues:

№ 2 2016	Africa in the International System	till 15 March 2016
№ 3 2016	International Conflicts and Sustainable Development	till 15 June 2016
№ 4 2016	Iran and India in the International System	till 15 September 2016

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of Vestnik RUDN and on the rules of submitting manuscripts, visit vestnik.rudn.ru.

Manuscripts are to be submitted via e-mail: interjornalrudn@pfur.ru to Konstantin Petrovich Kurylev marked “for publication” in the subject line.

Prospective authors are welcome to send detailed abstracts (2—3 pages) outlining the purpose, methodology and hypothesis of the study, his view of the future structure, or complete, finalized papers.

Editors of Vestnik RUDN. International Relations

RUSSIAN STUDIES

Bachelor Program for English-speaking students

The program provides an extensive training in Russian Studies through a broad range of courses, both in English and Russian languages. The Program is designed for international students who take interest in Russian history and culture, domestic and foreign politics, governance and law, economics and business. The program will be especially useful for those who love Russian and want to learn this language well. Some command of Russian is recommended for applicants but not required.

1-st year	The first two year's curriculum provides rigorous on-campus training of Russian language and core courses in English. PFUR is the leading Russian University in providing Russian language for foreigners including training astronauts.
2-nd year	
3-rd year	By the third year of studies students will acquire proficiency in Russian language and will cover the curriculum solely in Russian
4-th year	

All of the disciplines can be divided into four subject areas:

	Art and Humanities	Political Science and IR	Russian Economy	Russian Law
Taught in English	◆ Cultural Values in Modern Russia ◆ History of Russia ◆ World History	◆ Political System of Russia ◆ History of IR ◆ Introduction to Regional Studies ◆ Diplomatic Etiquette and Business Communications in Russia	◆ Economics ◆ Economy of Russia ◆ International Economic Relations	◆ Theory of State and Law
Taught in Russian	◆ Religious Studies of Russia and Neighbors ◆ Education in Russia ◆ History of Russian Philosophy	◆ Theory of International Relations ◆ Geopolitics ◆ Political Ethics ◆ Foreign Policy of CIS countries ◆ Ideology of Eurasianism	◆ Financial System of Russia ◆ Doing Business in Russia ◆ Russian Energy Diplomacy ◆ Integration Process of Russia and neighbors	◆ Constitutional Law in Russia ◆ Business Law in Russia ◆ Customs Regulation in Eurasian Economic Union

Our contacts:

Peoples' Friendship University of Russia
 Faculty of Humanities and Social Sciences,
 Department of Theory and History of International Relations
 Tel.: +7 499 936-85-26; E-mail: ir@pfur.ru
 Program coordinator — Evgenia Zhuravleva Tel. +7 929 697 27 42;
 E-mail: Zhuravleva_ev@pfur.ru

Научный журнал

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов

Серия:
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Март 2016, том 16, № 1

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»
(ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198)

Редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Адрес редакционной коллегии
серии «Международные отношения»:
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, 117198
Тел.: (495) 433-03-98
e-mail: interjournalrudn@pfur.ru

Подписано в печать 05.05.2016. Выход в свет 16.05.2016. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 21,86. Тираж 500 экз. Заказ № 104

Цена свободная.

Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
тел. 952-04-41

Scientific journal

VESTNIK RUDN.
International Relations

March 2016, Vol. 16, Number 1

Editor *K.V. Zenkin*

Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Tel. +7 (495) 955-07-16

Address of the editorial board

Vestnik RUDN. International Relations:

Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Tel. +7 (495) 433-03-98
e-mail: interjournalrudn@pfur.ru

Printing run 500 copies

Open price.

Address of PFUR publishing house

Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 952-04-41

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

20824

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Международные отношения»

Количество комплектов:

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

20824

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Международные отношения»

Стои- мость	подписки	руб. ___ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	руб. ___ коп.		

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество
комплектов:

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стои- мость	подписки	_____ руб. _____ коп.	Количество комплектов:	____
	переадресовки	_____ руб. _____ коп.		

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
